

Бура Боспора

Литературный альманах

ВЫПУСК XVIII

Лиры Боспора

литературный альманах
выпуск XVIII

Симферополь
2018

УДК 821-311-3
ББК 84.2 (Крым-рус.)
Л 62

Л 62 **Ли́ра Боспора. Выпуск XVIII.** ГИ «Таврия». ТПО
«Вариант», 2018 – 216 с.

ISBN 978-966-435-236-6

Редактор Вдовенко А. Н.
Составитель Левченко Т. В.

Компьютерный набор, макет Левченко Т. В.

сайт: http://www.litprichal.ru/users/LIRA_BOSPORA/

Email: lira_bospora@mail.ru

Дорогой читатель! Ты держишь в своих руках очередной, уже XVIII выпуск альманаха «Ли́ра Боспора». По объективным причинам он значительно «похудел», тем не менее, мы постарались сохранить основные рубрики, включая тематическую. Тема нынешнего года: «#Ждёмность» не просто актуальна: уже этим летом ожидается запуск автомобильной составляющей нашего *Керченского моста*. Так же читатели увидят привычные рубрики: «Проза», «Поэзия», «Многогранники», «Юмор, ирония, пародии», не пустует и «Наша гостиная», звучит «Поэзия бардов».

Добрых, светлых минут тебе, наш читатель, с «Ли́рой Боспора» XVIII выпуск.

Традиционно:

Альманах издаётся на средства авторов.
А также мы сердечно благодарны людям,
при финансовой поддержке которых этот выпуск
вышел из печати. Низкий поклон им!

ISBN 978-966-435-236-6

© Левченко Т. В. (составитель) 2018

© ТПО «Вариант» (дизайн) 2018

#Ждёммост

«Люди — главная ценность и гордость проекта Крымского моста. Ещё в самом начале проекта, когда стало понятно, что сроки сжатые, природные условия сложные, а требования к качеству работ жёсткие, уже тогда было ясно, что без надёжной команды такой проект не осилить. И эта команда, в которой более 13 тысяч человек, была собрана. Люди работают круглосуточно, в любую погоду. Здесь все понимают, как ждут этот мост на двух берегах пролива».

(заместитель гендиректора по инфраструктурным проектам компании «Стройгазмонтаж» Леонид Рыженькин)

(из Интернета)

*Кирилл
Мазилев*

ИСТОРИЯ ОДНОГО МОСТА

Когда я впервые попал на стройку моста, я уже считал себя выдавшим виды журналистом, полагая, что меня мало что может поразить до глубины души. За плечами были непростые ситуации, удивительные места, необычные люди, острые вопросы и не менее непредсказуемые ответы. Но поднявшись на этот объект, словоохотливый я всё же утратил на некоторое время свой дар речи. Ведь ещё несколько месяцев назад на этом месте просто плескались волны Керченского пролива, резвились дельфины и чинно проходили своим курсом танкеры. Сегодня тут всё поменялось. Вместо бушующей поздней осенью стихии воды открывается глазу другая мощь — современной техники!

Но всё-таки в голове не укладывается: ну, как они могли это сделать? Идёшь среди них — ведь обычные люди, самые рядовые работяги. Не гераклы, не супермены. А проделали такую работу. И это ж сколько смелости нужно иметь, чтобы решиться на такое!? У тебя полсотни метров ила под водой, а ты сваи туда бьёшь! И ведь получается!

Всего 2,5 года назад, на следующий день после собственной свадьбы, я узнал из вполне проверенных источников не до конца подтверждённую информацию о том, что на побережье готовятся забить первую сваю моста — тогда мы плохо себе представляли, как вообще будет протекать этот процесс. Не было никакой проектной документации, в этой сфере царил полнейший информационный вакуум. Но мы с женой рванули

на площадку вместо того, чтобы засесть с листиком и ручкой за серьёзное планирование семейной жизни.

И побывали там первыми. То есть, совсем самыми первыми от слова «вообще»! И я сделал самый первый, взорвавший Сеть, кадр на том самом месте мыса Ак-Бурун, где не было ни одной железки, а только девственно чистый изгиб береговой линии. И действительно туда привезли сваю. Это, конечно, была не первая свая, на которую должен был опереться мост. Речь шла исключительно об испытании грунтов. Однако факт был — начались работы по возведению объекта, масштабы которого Керчи, да и всему Крыму доселе не снились.

Мы стали свидетелями старта строительства транспортного перехода через Керченский пролив. Того самого, о котором шли разговоры в украинскую бытность Крыма, о котором говорили ранее и в период СССР. То президент Украины Леонид Кучма прилетал на Тузлу, то президент России Владимир Путин осматривал площадку паромной переправы и стоически вёл переговоры со второй, очень уж несговорчивой, стороной. Но это всегда казалось таким далёким и даже немного сказочным. Словно чёрно-белые фотографии железнодорожного моста, построенного в районе сегодняшней переправы в годы войны.

А потом была вторая поездка на мост. И путешествие по транспортному переходу уже со стороны Темрюка. И снова я чувствовал себя лилипутом, попавшим в страну Гулливера. Мы с коллегами проехали по технологическим мостам до самого фарватера. Проскочили и по Косе, на которой я ребёнком резвился, купаясь в неглубоких прибрежных водах. Тогда я мог легко выбирать, в какое море окунуться — Чёрное или. Переребзать Тузлу по ширине — было вопросом трёх минут, если ты был спортивным малым. А ты был...

А вот прогуляться по всей длине моста, думаю, было бы настоящим испытанием! 19,5 километров, вроде, кажется не таким уж большим расстоянием. Однако, когда ты едешь и едешь на машине по стройке, и за окном один стройотряд сменяет другой, и счёт уже идёт не на единицы, десятки, а на сотни!

Один из самых многочисленных человеческих муравейников на территории нашей бескрайней Родины. Казалось бы, мост и мост. Но на деле стройка Крымского моста — это гигантский живой механизм, который в прямом смысле слова гудит 24 часа в сутки практически при любой погоде.

Почти 10 тысяч человек, более 500 единиц техники — от гигантских кранов до обычных самосвалов и асфальтоукладчиков. Тысячи тонн бетона, металла и арматуры, сотни тысяч огромных болтов, гаек и электродов. Если все забитые под мост в проливе сваи выложить в одну прямую, мы получим 160-километровую сплошную сваю, которая достанет от Керчи до Новороссийска. Это всё Крымский мост, который в Керчи без ложной скромности именуют Керченским, а в Крыму все называют без лишнего пафоса стройкой века.

И я писал о нем статьи, снимал его на фотоаппарат, на телефон, потом купил камеру и продолжал снимать. А в Интернете стремительно рос интерес к этому объекту. Зрители прибавлялись день ото дня, и люди постоянно просили что-нибудь свежее, новое. Не обошлось и без «доброжелателей», которые, словно коршуны, накидывались каждый раз и пытались хоть как-то принизить и оболгать. И многие им верили. И верят до сих пор. И сперва я что-то им доказывал. А потом понял, что это бессмысленно и совершенно пустое. Ибо он реален, и он будет. А слова останутся лишь словами.

Мы подружились с мостовиками и вместе с ними собирали легенды про мост. Эти легенды здорово эволюционировали! Сперва мост был творением Мосфильма. После он строился некачественно и должен был рухнуть со дня на день. Затем транспортный переход стал просто гигантской аферой по отмыванию денег. В следующем месяце Крымский мост грелся и рассыпался на куски. Потом строители неверно установили фарватерные арки на опоры. Ну, и, разумеется, промахнулись во время стыковки, о чём однозначно свидетельствовал некий снимок из космоса. И слухам было несть числа. При этом каждый день мостовики выходили на работу и в снег, и в дождь, в лютый мороз и в пронизывающий ветер. Они улыбались этим байкам и молча продолжали делать своё дело.

Следом состоялась встреча и совместное фото с чемпионом Николаем Валуевым. Было интервью с Алёной Свиридовой. Знакомство с актрисой Ларисой Вербицкой и космонавтами Шкаплеровым и Олегом Котовым. Они вошли в состав Общественного совета Крымского моста. Звёзды первой величины сочли за честь стать наблюдателями за нашей стройкой. И мы снова очутились в центре самых главных событий! А затем последовали санкции. Из-за того же моста. И мы вместе со всеми смеялись над их нелепостью, что снова придавало гордости за величие нашей Родины, нашего Крыма, и нашей маленькой родной Керчи, которая опять «умыла» весь мир. Ибо уже другие «звезды первой величины» выпрыгивали из штанов, чтобы укусить нас побольнее и попытаться навредить своими ограничениями.

Затем было голосование за название моста. Когда было немного обидно, что победил все-таки не Керченский мост. Однако надо смотреть правде в глаза. Керчан всего 140 тысяч. Крымчан — 2,5 миллиона. А россиян — 146 миллионов. Поэтому нашему мосту дали бы название хоть Российский! Главное — что он есть! Точнее будет! Совсем скоро. И мы по нему поедем. И поедут по нему к нам. Мост свяжет нас с материком, нашей исторической Родиной! И он будет крепким! Таким же крепким, как связь между нами.

И вот совсем скоро, через несколько месяцев, будет запущено автомобильное движение по Крымскому мосту. Быть может, в тестовом режиме машины по транспортному переходу поедут даже раньше, чем увидит мир очередной выпуск литературного альманаха «Ли́ра Боспора». А это значит, что все самое сложное уже осталось позади. Теперь нам не подложить «свинью», не устроить ни энергетическую, ни продуктовую, ни водную, ни какую бы то ни было ещё блокаду! Так как теперь пуповина надёжная, прочная и неразрывная. Тем самым мы исправили маленькую недоработку высших сил Природы, которые не предусмотрели сплошную твердь между землями Тамани и Крыма, рисуя карту Мироздания.

Недавно мне довелось послушать размышления одного историка, который высказывал предположение о целостности Тузлы и полуострова в далёком прошлом. Будто бы уровень

воды был значительно ниже, обнажая тем самым соединяющий наши земли перешеек. И по нему легко можно было добраться пешком или на вьючных животных из одной точки в другую. По мнению мечтателя, не было у наших предков таких преград, какие сегодня встали между нами, заставив возводить это чудо инженерной мысли — Крымский мост. Не берусь утверждать, насколько эта гипотеза близка к действительности, и правда ли Шёлковый путь действительно пролегал по той самой трассе, по которой, спустя тысячелетия после подъёма уровня Мирового океана, карандаши проектировщиков прочертили траекторию следования Крымского моста, но идея чертовски заманчивая и привлекательная!

А потом был подарок для моей малышки-дочери. Во время одной из поездок на Крымский мост, аккурат после операции, за которой следил весь мир — установки фарватерных арок моста — нам подарили сувенирные подушки с мультипликационным изображением этих гигантских металлических монстров, которые собирались на берегу и уже в готовом виде доставлялись к середине Керченского пролива. Ни много, ни мало — 6,5 тысяч тонн железнодорожная и 4,5 тысячи тонн автомобильная. И их поставили точь-в-точь миллиметр к миллиметру! После этого ты не просто проникаешься безумной гордостью за свою страну, а понимаешь, что мы можем решительно ВСЁ! Для нас нет и не может быть преград!

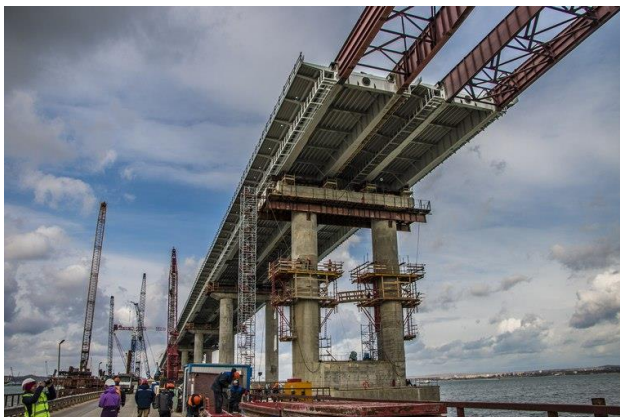

фото автора

Моя дочь вырастет уже в другой России, в совсем другом Крыму. В котором у нас всегда будет мост. И в котором мы никогда не будем разделены с Родиной. Она будет расти в более счастливой, цветущей и благополучной Керчи. А значит, мы хоть что-то сделали правильно!

И вообще не только дочь получила подарок. Все мы. Это удивительная цепочка классных сюрпризов! Моя дочурка Софья получила в подарок подушку, я, несколько ранее, получил в подарок дочурку, а все мы скоро получим в подарок мост. И это будет не какой-нибудь там сувенир, красивая безделица, которая радует глаз. Это будет очень важная и функциональная штука! Но и радовать глаз будет. Уже радует! У нас всё получится, друзья! #Ждёммост

Леонид Панин

МОСТ НАД КЕРЧЕНСКИМ ПРОЛИВОМ

В морском краю, где ветер волны кружит
И выются чайки в хороводе без конца,
Построен мост добра, любви и дружбы,
Соединивший наши души и сердца!

Построен мост над керченским проливом,
И навсегда два берега сошлись.
А над волнами праздничным мотивом
Умчалась музыка в безоблачную высь!

Зажгутся звёзды на вечернем небосводе
И мир увидит нашу давнюю мечту.
Я приведу тебя на мост,
Рукой дотронуться до звёзд
И встретиться с любовью на мосту.

Построен мост, чтоб мы роднее стали
На всех широтах – на земле и на морях,
Чтоб мы всегда своих друзей встречали
Рукопожатием на разных берегах.

Построен мост, и над двумя морями
Седой Грифон опять отправился в полёт,
И вечный город светится огнями,
И вновь над Керчью радуга встаёт!

Зажгутся звёзды на вечернем небосводе
И мир увидит нашу давнюю мечту.
Я приведу тебя на мост
Рукой дотронуться до звёзд
И встретиться с любовью на мосту.

В СОЛНЕЧНОЕ ЛЕТО

Снова в солнечное лето —
По единому билету
В отпуск мы на поезде рванём.
И на керченском горпляже
На денёк с тобой заляжем
И о море песню напоём.
Как мы встретились с друзьями
И как в Керчи над волнами
Мчались на моторке с ветерком,
Как на керченской природе,
В саду ли, в огороде,
Любовались керченской мостом
 Встречает нас Боспорская столица,
 Свои ворота настезь отворив.
 В родную Керчь наш поезд скорый мчится,
 Через Тамань и Керченский пролив
На базаре купим тюльку
И зажарим барабульку,
А бычков наловим на мели.
И от радости вприпрыжку
Шоколадной кочерыжкой,
Занырнём на пляже «Сан-Дали»!
Сколько лет с тобою ждали
Мы на керченском причале
Этот день, когда построят мост!
Чтобы встретить над проливом
Вечер праздничным мотивом
И рукой дотронуться до звёзд!
 Встречает нас Боспорская столица,
 Свои ворота настезь отворив.
 В родную Керчь наш поезд скорый мчится,
 Через Тамань и Керченский пролив
Встречает нас Боспорская столица,
Свои ворота настезь отворив.
В родную Керчь наш поезд скорый мчится,
Через Тамань и Керченский пролив!

Валентина Решетникова

КРЫМСКИЙ МОСТ

Крымский мост — воплощение давней мечты,
Это — мы, это — я, он, она, это — ты.
Мост-событие в жизни любого из нас,
Это — старт, это — путь, удивительный шанс.

Озаренье умов, мастерство чутких рук,
Единение мысли и точных наук,
Рукотворная радуга двух берегов.
Мост для русского Крыма — основа основ.

Крымский мост — это твёрдый и правильный курс
И на долгие годы надёжный ресурс.
В удивительный Крым, восхитительный Рай
Мост надёжный ведёт — поскорей приезжай!

Крымский мост —
приглашение в солнечный Крым
И Вы лично должны познакомиться с ним.

КРЫМСКАЯ МАНТРА

В тёплом Керченском проливе
 строят мост в прекрасный Крым,
Трасса новая «Таврида»
 путь надёжно свяжет с ним.
Мы туристам на заметку информацию дадим —
Место лучшее на свете — это Крым.
Всем, кому активный отдых и туризм незаменим, —
Через мост и по «Тавриде»
 вы должны приехать в Крым.
Любопытных ребяташек мы в Артек определим —
Через мост и по «Тавриде»
 вы должны приехать в Крым.

Валентина Смашина

* * *

29 августа 2017 года

Вчера наш мост короновали,
Воздвигнув на опоры арку...
Ах, как она сияла ярко
И возвышалась горделиво
В лучах рассветных над проливом,
Под розовыми облаками...
И троекратными гудками
Ей корабли салютовали!

Вера Коваль

#ЖДЁММОСТ

Биенье пневмомолота над морем,
Биенье стройки с сердцем в унисон.
Ложатся плиты, трубы ровным строем.
Великой стройкой каждый поражён.

Гул синих волн и вечности мы слышим,
Вгрызаются здесь сваи в твёрдый грунт.
О них поэты оды вновь напишут —
Благоволит природа и Перун.

И вопреки семи ветрам и шторму
Растёт мост не по дням, а по часам.
Цена его для Крыма так огромна!
Великолепен мост и по ночам,

Где цепи фонарей, как золотые.
Шокирует длина его и «рост».
Нам станут ближе все места родные.
#Ждёммост, друзья!

Спасительный ждём мост!

Людия Лазоренко

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Летят ветра над керченским проливом.
Взволнованно шумит морской прибой.
А вдалеке над морем горделиво
Мост поднялся из дымки голубой.

Для крыма долгожданный мост — подарок.
(Не побоялись, создали, смогли!)
...Любуясь красотой ажурных арок,
Проливом проплывают корабли.

А по мосту бегут, снуют машины,
Устало громяют поезда...
Когда пути и помыслы едины,
То никакая не страшна беда.

Преодолеть сумеем все преграды,
Коль будут мысли и дела чисты,
И понять сможем мы: и в жизни надо
От сердца к сердцу проложить мосты.

Елена Лапченко

НАД ПРОЛИВОМ РОЖДАЕТСЯ МОСТ

Медлят звезды на небе уснуть:
Сквозь века и курганы,
В спелом воздухе пряном,
Пробивается Шёлковый путь!

Повернула история вспять.
Скифы, эллины, гунны

В синем отблеске лунном
Часовыми на страже стоят...

Над проливом рождается мост!
Из подводного чрева,
Под норд-оста распевы,
Под аккорды беззвучные звёзд.

Берега поднимаются в рост, –
(По крови, они – братья).
С крепким рукопожатьем
Собирает их Керченский мост!

Елена Лучшева

КЕРЧЬ — МОСТ

Белой чайкой взметнулся мост,
Огоньками ночными играя.
Путь домой был совсем не прост,
Но мы жили, об этом мечтая!

Мать-Россию славим в Керчи!
И назло завистникам всем
Застучат поезда в ночи
Уже скоро, скоро совсем!

И столицей второю в Крыму
Вдруг окажется древняя Керчь.
И мне кажется — всё я смогу,
Чтобы счастье такое сберечь!

Марина Молодцова

КЕРЧЕНСКИЙ МОСТ

Я стою на берегу,
Затаив дыхание.
Скрыть эмоций не могу, —
В душе трепетанье.
Вот он — долгожданный миг, —
Арку водрузили.
Апогея миг достиг!
Суда проходили
В этот арочный проём
Длиной чередою,
Оглашая окоём
Гулкою трубою.
Быть свидетелем побед, —
Как это прекрасно!
И «виват» кричать вослед
Я всю жизнь согласна.
Грандиозна ты и впрямь,
Наша стройка века.
Я хвалу и честь воздам
Силе человека!
Мост проложит путь прямой
И сольёт сердцами.
С нами будет шар земной, —
Вся Россия с нами!

Поэзия

*Владимир
Лось*

ПОПЫТКА

Он знал крылатых злую участь.
А ветер пел в колоколах.
Что ж, отказаться, зря не мучась?
Но небо, небо в двух шагах!

Хотя бы миг свободы птичьей,
Голубизны хотя б глоток,
Россию-мать бы возвеличить,
Уйти б на время от тревог,

От нищеты и от поборов,
От произвола дураков,
От сплетен, праздных разговоров
И от жандармских кулаков.

Вращалась медленно планета,
И синь бездонная цвела,
И колокольня, как ракета,
В полёт заоблачный звала.

Люд суеверный, снизу глядя,
Шептал, завидуя ему:
«Удел земной нам свыше даден,
А крылья вовсе ни к чему».

Он их не видел и не слышал,
Слегка смущала высота,
Но всё ж была всего превыше
Его небесная мечта.

От солнца жмурясь и моргая,
Он в неизвестное шагнул
И, от восторга замирая,
Над миром крылья распахнул.

И захлебнулся ветром синим,
Паря, как сокол, над землёй,
Над грешной матушкой Россией,
Над горем, страхом и нуждой.

Парил он вольно, сердце билось:
Как мир прекрасен и велик!
Но это так недолго длилось —
Всего один лишь краткий миг.

Но этот миг веков длиннее, —
Осуществлённый миг мечты...
И, ни о чём не сожалея,
Он молча рухнул с высоты.

Неслись стремительно деревья,
Свистела воздуха струя.
Прощай родимая деревня
И Русь мужицкая моя.

...А крылья люди растащили,
И дьяк проклял еретика.
Не торопясь, как прежде, плыли
В безбрежном небе облака.

Почти никто не помнит время,
Когда не стало смельчака,
Но им посеянное семя
Взошло сквозь годы и века.

* * *

Ещё земные корабли
У дальних звёзд не побывали,
И представители Земли
Других разумных не встречали.

Но где-то в вечности Вселенной
Ростки зелёные взошли,
Росли и зрели постепенно
И разум к свету вознесли.

И пусть он зарождался в муках,
Был при смерти десятки раз, —
Там чьи-то бережные руки
Цветы срывают и для нас.

ДОРОГА

Солнечная дальняя дорога!
Выхожу на твой нелёгкий старт.
Прохожу окраину и, и ноги
Словно сами меряют асфальт.

Как река под древним небосклоном
В обрамленье пашен-берегов,
Пахнешь переплавленным гудроном
И не отражаешь облаков.

Но вон там спускается со склона
Перелесок к берегам крутым,
И глядят деревья удивлённо
Как шагаю по волнам твоим...

Ты мой спутник верный и бывалый,
Путь-дорога, чёрная река!
Впереди привалы, как причалы,
За спиною тяжесть рюкзака.

Я тебя покину скоро где-то:
В лес густой с обочины сверну
И пойду пешком бродить по лету,
И вбирать лесную тишину.

* * *

Сто тысяч лет, а может быть, и более
Шёл человек к вершинам бытия,
Шёл через муки, радости и боли,
Пока не появился я.
Нет, я не цель, а только цепь событий,
Ещё ступенька для прыжка вперёд,
И множество непознанных открытий
Во мне таинственно живёт.
Я связь времён. Меж Прошлым и Грядущим,
Меж инфузорией и будущим Творцом.
Я — человек, и в этом мире сущем
Я буду чувств и разума певцом.

ИКАР

Плескались крылья за спиной,
И в синеву врезалось тело,
И каждой клеточкою пело
О счастье взлёта над землёй.
Мы очень часто, — мал и стар, —
Стремимся жизнь прожить без риска.
Взлети, Икар, лети, Икар,
Навстречу солнечному диску!
Ведь если будет что потом,
То будет просто бледной тенью,
И этой власти над крылом
Ничто, ни разу не заменит.
Ты будешь слаб, ты будешь стар,
Прикован тяжестью, как цепью...
Лети, Икар, взметнись, Икар,
Навстречу солнечному центру!
И воск растёкся, как вода
И рухнул в море сын Дедала,
Лишь солнце в небе, как всегда,
Сияло так, что ослепляло.
...А было утро человечества,
Ещё Гагарин не родился,
И век двадцатый заблудился,
Казалось, где-то в бесконечности.

* * *

Так положено? Не положено?
Человек торгует душой.
Мир не дрогнул, не охнул встревоженно,
Когда в мир торговец пришёл.
Если телом — какая мерзость,
Если телом — какая грязь!
Человек душою торгует
Беззастенчиво, не стыдясь.
Впрочем, нет. Он слегка под маской,
Он в корректность игру ведёт,

И при каждом удобном случае
Продаёт.
Всё, что есть в человеке святого,
На любом углу продаёт,
Под змеиный слушок товарища
Предаёт.

Ах, как бойко идёт торговля!
Подходи, налетай, навались!
Человек душою торгует,
Продаёт свою жизнь.
— Что берёте? Почём душонка?
Извините, вопрос ребром.
Улыбнётся улыбкой тонкой:
— А деньжатами не берём.

Налицо весь товар, смотрите —
Лицемерие, ханжество, лесть.
Что хотите на выбор берите,
А в обмен пожалуйста честь.
Я её возьму, не побрезгую,
А потом другому продам.
Не удастся за сплетню большую —
И за маленькую отдам.

...О, наивнейшая доверчивость!
О, доверчивые слепцы!
Сколько раз вам в спину стреляли
Подлецы.

О, величие душ человеческих!
Все усилия ваши впустую.
Человечество презирая,
Человек душою торгует.
Будьте прокляты те наивные,
Будьте прокляты те лжецы,
Что проходят с нейтральной миною,
Подлецы!

* * *

Никто никого не неволит,
Но каждый, кто духом не слаб,
По жизни свободным проходит,
Когда он любви своей раб.

* * *

И мир не прост, и жизнь сложна,
И всё на свете так не ново.
И ты опять лежишь без сна,
И меркнет найденное слово.

Как тяжело, не веря, жить,
А верить — легче не намного.
Прощенья у кого просить?
У прошлого или у Бога?

Нет, не ищи в других любви,
Коль сам любить ты не умеешь.
С души неверие сорви —
Тогда, быть может, и прозреешь.

Когда глядишь на тот закат,
Куда бредёшь с тоской и болью,
Вернёшься ль памятью назад,
К тому, что было бы любовью,

Когда б его ты распознал,
Когда б сумел в нём разобраться...
Кто жизнь любовью измерял,
Тот смерти может не бояться.

*Лариса
Алексеева*

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Драгоценный светильник небесный,
Ты у Бога любимейший сын.
И своею молитвой чудесной
Благодати для нас испроси.

Вся душа твоя к небу летела,
С ним была неразрывною нить.
Ты прости грешной мне, что посмела
О тебе о святом говорить.

Благородством сияли по крови
Корни рода небесной красы.
И родился во граде Ростове
У Кирилла с Марией их сын.

С первых дней, и ещё до рожденья,
Был с постом и молитвой знаком.
Стал в святом православном крещенье
Богом избранным учеником.

Прежде чем быть великим примером
И вести за собою людей,
Закалял свою душу и веру,
В чаще жил среди диких зверей.

Сохранят о его каждом шаге
Память вечную небо и лес.
На земле жил поистине ангел,
Стать хотел гражданином небес.

Были лишние слава, литавры,
Не нужны ни хвала, ни почёт.
Мощный дух Свято-Троицей лавры
В его сердце начало берёт.

Своей святостью русские земли
Он помог воедино собрать,
Обойдя чтобы рифы и мели,
На Мамаю вести нашу рать.

Сила Божья с молитвой святого
В Куликовской победе большой
Помогли. Снял с России оковы
Князь Великий Димитрий Донской.

Идеал для славян — это святость.
Сергий учит его сохранять.
И большие, и каждую малость —
Все задачи сплотившись решать.

Мы сейчас и нежней, и капризней,
Но завет однозначен для нас —
Коль духовное вычеркнуть в жизни,
То мирское ослабнет тотчас.

Так давайте не будем лукавить,
Все дела совершать — для Отца.
Если мы крещены в Православии,
Надо веру держать до конца.

ТРУД ЛЮБВИ

*Елене Владимировне Любимовой —
руководителю воскресной православной
школы при храме Андрея Первозванного*

Счастья просим хоть самую малость,
И за ним наши мысли бегут.
Нам любовь принимать — это радость,
А других полюбить — это труд.

Другу шлём мы письмо иль записку,
Когда надо его подбодрить,
Чтоб любовь отдавать своим близким,
Прежде надо её накопить.

Надо силы набрать, как для битвы,
Здесь небесная помощь важна,
Размышленья нужны и молитвы,
Одиночество и тишина.

И придёт тогда свет вдохновенья,
Тот, что ангелом светлым храним.
И любимые наши творенья
Мы подарим любимым своим.

Мы найдём нашей силы истоки
В Том, Кто дарит таланты для нас:
И поэзии чистые строки,
И волнующий ласковый вальс.

А совет наших старцев чудесный
Нам всегда благодать приносил.
Схема святости миру известна —
Раздарить то, что сам накопил.

Мы хотим через беды, ненастья
Сохранить наш духовный накал
И дарить только радость и счастье,
Труд любви нашей чтоб не пропал.

Пусть вражда или лень, или зависть
Места в наших сердцах не найдут.
Нам любовь принимать — это радость,
А других одарить — это труд.

ПРОЩЁННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прощай — это значит прости,
В душе не держи обид.
Желаю удач в пути,
Судьба пусть тебя хранит.

Скажи, что не помнишь зла,
Гори, сколько хватит сил.
А жизнь у нас так мала,
Прости, ты весь мир прости.

Беда пронеслась вчера,
Сегодня с тобою друг.
И жар твоего костра
Согреет людей вокруг.

Пусть счастье как мир старо,
В пути к нему столько бед.
Посеешь в судьбе добро,
Получишь надежды свет.

Как вечер прощанья тих,
Слезами пройдут дожди.
Прощай — это значит прости,
Простил, лишь тогда уйди.

НАШИ ПУТИ

Сколько в мире путей,
Пусть же твой будет Богом хранимый.
У дороги своей
На минутку присесть не забудь.
Берегите друзей,
Берегите, жалеите любимых.
Будет с кем на заре
Вновь отправиться в жизненный путь.

Ты в начале дорог,
Твоё сердце одну выбирает.
Чтоб прийти к цели в срок.
А дорогам не видно конца.
Свой огонь не гаси,
Пусть по ярче твой путь освещает.
Не забудь попросить
Для себя благодати Отца.

Ты вокруг оглянись —
Всё на свете идёт к совершенству.
И земле поклонись,
И морям, и зелёным лесам.
Ты всей жизнью своей
Заслужить постарайся блаженство.
Сколько в мире путей,
А ведут они все к небесам.

ПОЭТ

*Надежде Мирошниченко,
члену Правления Союза писателей России*

Сердце любит такие стихи,
Что диктует Поэту Господь,
Что идут суете вопреки
И помогут всё зло побороть.

Их услышит другой человек
И поймёт — все слова для него,
Что не долгод отпущенный век,
Не всегда в нём мудрей большинство.

Станет слово Поэта огнём,
Он так нужен сегодня для нас,
Чтобы в сердце твоём и моём
Свет небесный вовек не погас.

Зло не выдержит силы огня
И сгорит в одночасье дотла.
Станут наши друзья как родня,
Что нам встреча с Поэтом дала.

Пусть сияет небес синева,
Сбережём этой встречи урок.
Сердце любит такие слова,
Что Господь для Поэта сберёт.

КАПЛЯ

*Руководителям фирмы «Бест хаус»
Денису и Юлии Чернокутовым
Новосибирск — Керчь*

Как считают часы — по минутке,
Так из капель — вода океана.
И о каждой своей малютке
Он заботится неустанно.

Ночью как колыбель качает,
Алой зорькой одарит утром.
В полдень весь океан сверкает,
Заряжает энергией будто.

Капля каждая чётко помнит
Всё — от запада до востока,
Как была ручейком негромким,
Речкой стала, рекой широкой.

В своих кластерах эту память
Океану вода приносит.
Информацию словно зная
Сохранит, как ответ к вопросу.

И закон океана вечен —
Он таков, какова частица.
Как святая вода излечит?
Там любовь в каждой капле хранится!

Человек — это часть Вселенной,
И она ему — дом и защита,
То же, что океан бесценный,
Где ничья душа не забыта.

Пусть душа будет строго помнить —
От неё океан зависит,
От того, чем себя заполнит,
От прозрачности дел и мыслей.

И какая уж тут беспечность,
Надо сделать в судьбе, что можем.
И тогда будет наша Вечность
В самом деле на рай похожа.

Только надо не быть невеждой,
В каждый миг своей жизни помни:
На тебя смотрит Бог с надеждой,
Ты у Господа на ладони!

СВАДЬБА

Счастьем светится город осенний,
Мы не прячем улыбки свои.
Свадьба — это всегда вдохновенье,
День рождения новой семьи.

Будь, царевич, для счастья порукой
И любви, как сейчас, горячо.
Ты — начало и деток, и внуков
И надёжное в жизни плечо.

Пусть злой ветер ваш дом не тревожит,
Не смолкают в душе соловьи.
Будет трудно — вам ангел поможет,
Светлый ангел рождённой семьи.

И с заботою ежеминутной
Незаметно промчатся года.
В вашем доме пусть будет уютно,
Пусть живёт с вами радость всегда.

Будет счастье, как алая зорька,
Берегите семью вновь и вновь.
Лишь на свадьбе пусть будет вам горько,
А по жизни — совет да любовь.

РАННЯЯ ВЕСНА

Ирине

Как волнует сердце это время года,
Тихо море плещет мягкой волной.
Слышите — сегодня гимн поёт природа
Женщине, рождённой раннею весной.

Для неё в подарок всех ветров напевы,
В призрачной вуали голубая даль.
Что же носит в сердце милая царевна,
Трепетную нежность, светлую печаль?

Для неё белеет крохотный подснежник,
Голову ей кружит аромат степной.
От земли привет ей, пламенный и нежный,
Той, что околдована раннею весной.

Небо дарит радость света и полёта,
А травинка песню на своей струне,
Море — безмятежность, отдых беззаботный,
Солнце — свои блики на морской волне.

Пусть судьба подарит — это в её власти,
Чтобы улыбнуться даже ей самой —
Радость выше неба и земное счастье
Женщине, рождённой раннею весной.

КЕРЧАНКА

Может быть, это снится,
Что душа словно птица
Прилетела с границы
В этот край двух морей.
И влюбилась навеки
В мир, где правили греки,
В благородный Мирмекий,
В древний Пантикапей.

И керчанкою стала,
И друзей тут немало.
Здесь любовь повстречала,
С ней она навсегда.
И судьбою хранима,
Побережьем любима,
И с улыбкой счастливой
Как весна, молода.

У прекрасной керчанки
Есть харизма испанки
И мажор итальянки,
И как море глаза.
Разве видел ты где-то
В сердце нежность рассвета,
Стан в объятиях ветра
И в душе небеса?

*Елена
Соболю*

ЛИВЕНЬ

Ливень!
 Погода явно сошла с ума.
 А мне хорошо! А я довольна!
 Сливаюсь с дождём я, в душе весна,
 И сердцу больше уже не больно.
 Сейчас я выйду, пойду сквозь дождь, —
 Пускай все смочет, что мне не надо.
 Вот как бывает: чего-то ждёшь...
 И вдруг приходит такой вот дождь,
 Неся с собой, надежду,
 Отраду!

КРАСКИ ОСЕНИ

Прощальный сполох осень подарила,
 Волшебным жаром расцвели деревья,
 И я, с душой, наполненной весельем,
 Лечу куда-то к синему простору.
 На встречных лицах вижу я улыбки,
 Обласкан солнцем берег моря зыбкий,
 Кругами облетая мостик хлипкий,
 Подмигивает чайка мне с задором,
 Надеюсь: не с пустыми я руками
 Пришла к ней в гости,
 Что ж, порадуя её...

МОЙ НОЯБРЬ

Ну, вот он, наконец, со мной!
Ноябрь. Он именно такой,
Как я ждала,
Неделю за неделей:
Не безысходно-сумрачная мгла,
Что обещает лишь одни потери,
Предвестник злых, кусающих метелей,
Но серебристо-серая печаль
Здесь вперемежку с ярко-жёлтым цветом,
И солнце, иногда, такое же, как летом,
А на деревьях милой осени печать.
Все силы сердца, все надежды
Оживлены, стремятся ввысь,
И, радуясь всему, как прежде,
Во всем я вижу дивный смысл.
Ищу я всюду знаки, их так много:
Вот этот предвещает мне дорогу,
А этот, явно, радость бытия.
Ловлю их все с восторгом я!

СНЕГ В ГОРОДЕ

Взглянула в окно... это снег! Неужели?
Глазам я своим изумлённым не верю!
Кружатся, кружатся снежинки вальжно,
Похоже на вальс, ну, а, впрочем, не важно.
Какая мне разница, если красиво...
На танец их белый смотрю, как на диво.
И вместе со мной наслаждается город.
Жалеем мы с ним, что закончится скоро
Узорное, нежное, зимнее чудо...
И вновь, с нетерпением, ждать его буду.

БЕЛАЯ ЗИМА

Белые деревья, белые дома,
Белая дорога, белая зима.
На душе пустынно, чисто и бело,
Словно белым снегом душу замело.
То, чем я болела, от чего страдала,

Ласково укрыто белым покрывалом.
Все следы от прежних, темных червоточин
Кто-то вдруг стирает этой белой ночью
Белое спокойствие, белая надежда:
Ухожу неслышно от себя, от прежней.

ДУША МОЯ С РОДНОЙ ДУШОЮ ГОВОРИТ

Стихи иных поэтов сердце лечат,
Мне открывая мудрость истин вечных:
В восторге дух мой в небесах парит.
Порой стихи бывают тяжелы:
Сама с собою спорю я ночами.
Порою радость в сердце смешана с печалью,
А иногда, читая, ощущаю:
Душа моя с родной душою говорит!

КРИК ПТИЦЫ НОЧЬЮ

Крик птицы ночью,
Странный и тревожный.
Встаю. Иду к окну я осторожно.
Свет фонаря, изломы старой ветки...
По ком тоскуешь так, моя соседка?
Лети ко мне, вдвоём спокойней будет.
Быть может, мы беду твою обсудим,
И день вчерашний, что принёс тревогу,
И новый день, и новую дорогу:
Тебе в синь неба, солнышком согретую.
И мне куда-то, за попутным ветром.

КОГДА УЖЕ НЕ ИЩЕШЬ...

По истечению многих лет,
Порой, находим мы ответ
На свой вопрос,
Что важен был когда-то...
Когда уже не ищем виноватых,
И нет тех лиц,
И чувств тех тоже нет.

МЫ, РАЗДРАЖАЯСЬ

Мы, раздражаясь изо всякой ерунды,
Ростки лелеем нами созданной беды,
Усердно ищем поводы для ссоры...
А нам бы к морю, к солнцу, в горы!
И жизнь теряет краски навсегда.
Вот это — настоящая беда.

ОДНОГО МЫ РОДА, ПЛЕМЕНИ

Одного мы рода, племени...
Почему же ты не веришь мне?
Каждый сам в своей реальности,
В одиночестве, в печальности.
Не дотрагиваясь душами,
Каждый зовы свои слушает,
Сам решает свои сложности,
В одиночестве, в тревожности.
Двери к счастью мы захлопнули,
И идём своими тропами,
Каждый сам в своей наивности,
В одиночестве, в пустынности.
Что из этого получится?
Так и дальше будем мучиться?
Одиночеством томимые...
Листья, ветром уносимые.

УЛЫБКА

Я улыбнулась. Улыбнулся ты.
И ожили забытые мечты:
Что можно вместе долго, навсегда,
А ссора... это просто ерунда,
Ничто. Как пепел, унесённый ветерком.
Когда мы это, милый мой, поймём?

В МОЙ ДОМ ПОД ВЕЧЕР...

В мой дом под вечер вдруг тоска
Тихонько постучала.
Ну, что ж, входи и отдохни,
Я вижу, ты устала.
Ты столько лет и столько зим
Бродила где-то, милая...
Глянь, не берут тебя года!
Не изменилась, как всегда,
Зелёная, унылая.
Давай, чайку иль кофейку?
Укрою тебя пледом,
Поверь мне, в ласке да в тепле,
Забудешь свои беды!
Пила мой кофе до утра...
Смотрю, вернулись силы!
Я ей тогда — «Тебе пора».
Остаться не просила.

ВСЕ, ПРОСНУЛАСЬ!

Кофе в турку пару ложек.
Все готово! Кошке — кашку.
Собираю силы снова,
Говорю себе — ты сможешь,
Утро мне дает отмашку.
Сильный ветер,
Что ж, пусть будет,
Пролетают мимо люди,
В их глазах желанье чуда.
Улыбаюсь встречным лицам,
В небе радуются птицы,
Верю, что и я там буду,
Пусть не в этой жизни... позже.
Ветер стих,
На смену — дождик,
Разноцветный и веселый.
Всё, проснулась. Жить готова!

Валентина Ольховская

О войне и мире...

Любовь к своему отечеству, уважение к традициям и культурному наследию своей страны — готовность защищать свою Родину — все это было, и есть главными ценностями любого человека — настоящего гражданина своей страны.

Всем ветеранам Великой Отечественной войны посвящается...

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...

Не спеша, достаёт Ветеран ордена,
И мундир, что хранит много лет.
Скоро скорбная дата — началась та война,
Превратив краски дня в серый цвет!

Сердце сжалось опять. Никогда не забыть —
Эхо звуков войны и мятежные чувства,
Что бежать заставляли и яростно бить —
И огнём, и штыком, и на грани безумства!

Он опять вспоминал, все дороги войны,
И холодный окоп, и сто граммов из фляжки —
Сны о доме. Мучительный звон тишины —
Тишины перед боем. Вдох последней затяжки...

Закрепил Ветеран на груди ордена,
Взял костыль, чуть дрожащей рукой —
Боль в груди не слабеет — тугая струна,
А с годами — в обнимку с тоской.

Вот который уж год у Святого огня,
Он стоит одиноко, и шепчет героям:
«Я вас помню, ребята, вы ждите меня —
Скоро с вами пойду одним строем.

Мы пройдем по брусчатке, чеканя шаги,
Горделиво равняясь на Славное знамя,
И пусть знают и помнят все наши враги,
Что Победа была, есть и будет за нами!»

ГАРНИЗОН АДЖИМУШКАЯ

Есть на карте огромной России
Древний Город, по имени Керчь.
Устоял он в военной стихии —
Город Славы и стойкости твердь!

.....

В Керчь ворвались фашисты с гиком,
Руша всё, сея хаос и тьму.
Замер Город, не встретил их криком,
Лишь углём на стене: «Бей, чуму!»

Едкий ветер кружился по взморью,
Весь пропитанный гарью и мглой.
Не дождались враги хлеба с солью —
Керчь ушла, в лабиринт под скалой!

Стыла кровь в сырой темноте,
Когда там, наверху тёплый май.
Так был брошен вызов судьбе —
Так рождён был Аджимушкой!

Дни и ночи во мраке — не рай:
Нет еды и по каплям вода —
Но не сдался Аджимушкой —
Символ мужества — навсегда...

Командир дал последний приказ —
«Ночью бой! Драться всем до конца!»
Как молитву твердил он наказ —
«Не жалеть для фашистов свинца!»

Сквозь снаряды, и огненный жар...
Гарнизон шёл в неравный бой,
Свои жизни, сложив на Алтарь —
Умер каждый из них, как Герой!

Уходил в небеса гарнизон...
В бесконечную, светлую даль —
Шёл шеренгой суровых колонн,
Оставляя нам, скорбь и печаль...

Но мы знаем, в Победный наш Май,
Амуницию, взявши свою —
Весь бессмертный Аджимушкой
Вместе с нами идёт в строю!

Павшим и победившим героям

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Звучит победный марш с небес —
Над всей Россией, над вселенной!
Сегодня павший, вновь воскрес
Из плоти, в памяти нетленной!

Идут войска колонным строем,
Свободно, встраиваясь в ряд.
Не сосчитать шеренг героев —
На майский свой идут парад.

Не слышно рокотов — «Ура!»,
Спокойны, мужественны лица,
Стареть им, не придёт пора —
Их подвиг вечно будет длиться!

Не дрогнет площадь от шагов —
Беззвучны на груди медали,
Не виден блеск от орденов —
Их имена внесли в скрижали!

Бессмертный полк — Святых имён
Идёт в руках детей и внуков,
Сквозь время, в пламени знамён —
В молчании. Без лишних звуков!

МЫ СНОВА — РОССИИ СЫНЫ!

Россия, исконная наша страна,
Теперь Крым навеки с тобой!
Ушли навсегда времена —
Надежд, что казались мечтой!

Люблю я свой солнечный Крым —
Частичку огромной России!
Люблю дымку горных вершин,
И бурь штормовых, стихии!

Дышу хвоей Крымских лесов,
Любуюсь садов убранством,
И скромностью диких цветов,
И ярким подводным царством!

Горжусь я историей Крыма —
И Славой российских солдат!
Наследием Древнего Рима,
И тайной горы Митридат.

Я славлю народов собратство,
Когда все Отчизне верны —
Нет в мире дороже богатства,
Чем дружба народов страны!

Я радуюсь! Вновь гражданин —
Прекрасной и гордой страны!
Крым с Родиной вместе — един,
Мы снова — России сыны!

Воспоминания детей войны

22 ИЮНЯ...

Уже погас последний луч заката,
Я всё хожу по тихим комнатам одна,
И вспоминаю, как давно, когда-то
Перед рассветом в дом пришла война...

Какой-то голос громко в радио звучал,
Рыдала мать, повиснув на отце.
А он, рюкзак походный собирал
С приклеенной улыбкой на лице.

Всё память сохранила бесстрастно —
Как будто это было лишь вчера.
Мне было семь, и что-то вмиг угасло,
Я повзрослела с того самого утра.

Я помню мать — всегда на ней фуфайка,
Морщинок ранних тонкие следы —
И почтальона крик: «Письмо, хозяйка!»
И страх в глазах её, как знак беды.

Письмо отца! Нет в мире лучше прозы!
Читалось бесконечно: день за днём —
И радость тихая и бурные, вдруг, слёзы,
И танец, счастья с матерью вдвоём,

Тот день, я тоже помню. Страшный день!
Безмолвно мать, застывшую, как тень.
«Повестка», скупо почтальон сказал —
И молча, отвернулся, опустив глаза...

.....

Давно погас последний луч заката —
Я всё хожу по тихим комнатам одна,
И вспоминаю, как давно, когда-то
Пришла та страшная, жестокая война...

Городам-героям посвящается

ГОРОДАМ — ГЕРОЯМ

Города — Герои, словно люди,
Каждый со своей историей, судьбой.
Но одна страница, все же, будет
Одинаково у всех, обожжена войной!

Города-Герои — провиденье Бога,
В них Святых имён не сосчитать!
Жребий брошен и терниста их дорога —
Довелось им умирать и побеждать.

Мурманск — щит и меч на линии огня
С первых дней в жестоком окруженье —
Бил противника, безжалостно клеймя,
Нанося, ему урон в любом сраженье.

Тула, Керчь, Новороссийск, Одесса,
Вы сражались насмерть, как могли.
Киев, Минск и крепость-воин Бреста —
Ваши воины — навеки соль Земли.

Города-Герои, вы не выбрали —
Так вам предназначено судьбой:
Сталинград, Смоленск вы умирали,
Каждый день, вступая в смертный бой!

Севастополь, Ленинград, Москва —
Выстоять в кольце врагов непросто
Было всё: печаль, геройство и тоска —
Битва шла за каждый перекрёсток!

Города-герои — Слава дедов и отцов,
И пример грядущим поколениям.
Только, жаль, что много мертвецов —
Так и не дождались погребенья!

Городам-героям не напрасно —
Звёзды, памятью рубиновой горят!
И огонь под ними беспристрастно,
Свой свершает праведный обряд!

.....

Города-герои, так же, как и люди,
Каждый со своей историей, судьбой.
Но одна страница, все же, будет —
Одинаково у них, обожжена войной!

России

ЭТО ВСЁ — РОССИЯ!

Родина, Россия, бескрайняя страна.
Широтой привольной ты одарена!
На Востоке всходит, новым днём заря,
Благодатный свет щедро всем даря.

Родина, Россия — свободная страна,
Ты на счастье людям навсегда дана!
Леса, поля и горы, глубокие моря —
Нет тебя дороже — ты любовь моя!

Бабушкины сказки, древние былины,
В утреннем тумане тихие равнины.
Горных ручейков серебристый звон,
Сосны величавые дарят им поклон.

Скромные берёзки смотрятся в окно —
Символом России быть им суждено.
Стаи птиц собрались — им пора на юг,
Скоро снег закружит завываньем вьюг.

Это всё Россия — гордость ты моя!
Штормы океанов, песни соловья,
Запахи акаций и черёмух цвет —
Знаю я! На свете тебя лучше — нет!

Родина — Россия, мудрая страна —
Матерью народам стала ты сполна.
И пускай враги злятся от бессилья,
Всех сильнее ты — Великая Россия!

*Елена
Рабочая-Маринич*

* * *

В день, когда осень явилась, светла,
В ласковых росах,
Ты в первый раз у меня зацвела,
Чёрная роза.

Чёрная... Впрочем, да так ли? Постой,
Не показалось:
Под приглушённой твоей чернотой
Дерзкая алость.

Тот, кто твою создавал красоту,
Видно, философ.
Так нам сияет мечта сквозь беду,
Счастье сквозь слёзы.

Так нераздельна с печалью любовь,
Вера с безверьем.
Так у победы желанной любой
Привкус потери.

Жизненный путь свой торить в суете,
Ох, как не просто!
Маемся мы между этим и тем
С грузом вопросов.

И не подскажет ответы никто
Душам усталым.
Впрочем, невечно и это, и то...
Тихо на землю скользнёт лепесток —
Чёрное с алым...

ВЫШИВАНЬЕ

Встречи со мною ты больше
уже не ждёшь,
К новой своей идёшь, —
ей вся твоя забота.
...Сеется за окном тихий осенний дождь,
Кажется, говорит или же шепчет что-то.

Допит остывший чай,
землю укрыла тьма.
В двери как будто стук...
Ветер чудит, должно быть.
Что же придумать мне,
чтоб не сходить с ума,
Чтобы не вспоминать
губ твоих жаркий шёпот?..

Лампа да серый кот. Выключен интернет.
Вышью цветов букет,
ткань натянув на пальцы.
...Любишь, поди, её? И тебе дела нет,
Что я сижу в слезах,
в кровь исколовши пальцы!..

Больше не слушать мне
ласковый голос твой.
Выключу телефон,
что уповать на чудо!
...Сеется тихий дождь,
палой шуршит листвой.
Если б не этот дождь,
вовсе бы было худо...

Давай мы ягод погрызём, как встарь,
Горчащих, словно детская обида,
Под еле слышный шёпот птичьих стай,
Что вот уже скрываются из вида.

И к нашим клумбам подойдя затем
По листьями усыпанным дорожкам,
Давай нарвём любимых хризантем,
Последних, примороженных немножко.

И, всласть полюбовавшись ноябрём,
И всем его сочувствуя потерям,
Подумаем, что в свой черёд умрём
И, словно в детстве, в это не поверим!

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Лужи холодные, низкие тучи,
Ветер в ударе,
Листьев сметённых намокшая куча
На тротуаре.

Прошлого жалко нам или не жалко,
Время не спросит.
Старенький трактор куда-то на свалку
Осень увозит.

КОМНАТНЫЙ ГРАНАТ

Стерпев науки произвол,
Он вырос, маленький, да ладный.
Всё лето на окошке цвёл,
А зрел под лампочкой стоваттной.

И пусть трещал от стужи дом,
И день за днём мели метели,
При виде крошечных плодов
Глаза хозяйкины теплели.

Она с утра, расчистив снег,
С ним рядом шила, не скучала,
И инея ни на окне,
Ни на висках не замечала.

Топила жарко печь в дому,
Мол, до зимы нам дела нету,
И улыбалась своему,
В горшочке, маленькому лету.

*Людия
Лазоренко*

* * *

Край дороги схилились дерева.
Осінь полем іде навмання.
Гонить хмари печаль вереснева,
І зневіра надію спиня.

Лист кленовий приліг відпочити
На пожухлій холодній траві.
День журливий, туманом повитий,
Перекреслив дороги нові.

ЗАПРОСИ МЕНЕ

Запроси мене у свій яскравий світ,
Що лелітками іскриться урочисто.
Померезивши бурштином зелень віт,
У полон забрала осінь наше місто.

Запроси мене у той чудовий гай,
У святкову таїну твоєї казки.
Тільки, осінь-чарівнице, зачекай,
Не пророч мені журливої розв'язки.

Запроси мене, прошу, у майбуття,
У перлисті зачаровані тумани.
Запроси мене в своє сумне життя,
Щоб розрадити зуміла, мій коханий.

Запроси мене в свої буремні дні,
У повиту жалем тишу вечорову,
Щоб могла тобі сказати гордо: «Ні!»
...І чекати на твоє признання знову...

* * *

А я за тобою піду на край світу,
Для тебе зорею на небо зійду,
Щоб тільки самотність
Твою відіграти,
Від серця твого відігнати біду.

Щоб кликали в далеч тебе горизонти,
І мрії твої не хилились в журбі.
З тобою, коханий мій, буду я доти,
Допоки життя не всміхнеться тобі.

Яка в мене сила, ти, мабуть, не знаєш.
Я можу іти по колючій стерні,
Веселку ясну запалити над гаєм,
Аби ти, коханий, повірив мені...

Хай люблячі очі і погляд манливий
Несе у майбутнє життя течія.
Зі мною чи ні — будь, коханий, щасливий,
А в щасті твоїм відігріюсь і я.

Я себя убеждаю: не надо
По ночам тосковать о тебе.
Закрутил мою жизнь, как торнадо,
Но за это спасибо судьбе.

Ничего не хочу: невозможно
Вспять дорогу свою повернуть...
Клён стучится в окошко тревожно,
Не даёт мне спокойно уснуть.

* * *

Треба не просто жити.
треба бути щасливим.
Он притуливсь під тином
хмаркою деревій.
Там під горою мріє,
спить синьоока слива,
Линучи в простір неба
смутком палких надій.

* * *

Здається, ще далеко вечір.
Ласкаве сонце ллє тепло,
Та осінь вже кладе на плечі
Пурпурно-золоте крило.

* * *

Вгамувати у серці неспокій
Я не можу: тривоги сумні
Поселились в душі самотній
І голосять, немов навісні.

Я не знаю, що , бідним, їм треба, —
Тільки серце від туги пече.
Дуже важко, коханий, без тебе:
За чиє заховаюсь плече?

— Йди,— казала. А серце кричало,
Вирувало: — постій, не ходи...
Бігла хвиля сумна до причалу.
В небі місяць гуляв молодий.

Впала в море зневірена зірка —
Тільки кола пішли по воді...
Чому ж доля, зітхаючи гірко,
Не схопила за руку тоді?

Видно, важко було моїй долі
Втихомирити шал почуттів...
Я ж тепер, мов стеблинка у полі,
Від болючих хитаюся слів...

* * *

Співає пісню-колисанку
Журливий вітер-вітровій.
Чекаючи ясного ранку,
Завмерли залишки надій...

* * *

Відгорів, відбував, відтривожив
Моє серце палкий листопад.
Тільки чомусь ,мій друже, не можу
Наше щастя вернути назад.

Б'ється пташкою думка безсила,
Безнадія мене обійма —
Листопаду підрізала крила
Невблаганна холодна зима.

ПОЗДНЕЕ ПОКАЯНИЕ

Холодно. Небо хмурится.
Ветер застыл в мольбе.
Я по знакомой улице
Грустно иду к тебе.
Дум запоздалых пленница,
Ищет душа приют.
Вот тот подъезд. Вот лестница.
Дом, где меня не ждут.
Кинуло время крошево
Белое на виски.
Что же, скажи, хорошего
Прятаться от тоски?
Бег по спирали вечности
От самого себя?
Призраки быстротечности
Душу мою гнобят...
Сумрачно. Ветрено. Холодно.
Хруст молодого льда.
Хоть я давно не молод, но
Память ведёт сюда.
В этот подъезд, где многое
Помнит ещё меня.
Жаль, что другой дорогою
Шёл я, любовь вина.
Позднее покаяние
Просит судьбу: «прости...».
Знать бы нам всем заранее
Правильные пути...

* * *

Почему-то день осенний хмурится
И вздыхает ветер тяжело.
Загрустила даже наша улица,
Но на сердце у меня тепло.

Стала я весёлою и смелою,
И в свои поверила мечты.
К облакам взлетаю чайкой белою,
Убежав от будней суеты.

Тополь машет листьями взволнованно,
А берёзки, выстроившись в ряд,
Смотрят на дорогу очаровано,
Примеряя праздничный наряд.

Треплет ветер золотые платица,
И листочки в воздухе кружат.
Почему же сердце не спохватится,
Что пришёл на землю листопад?

Журавли с собою лето красное
В тёплый край на крыльях унесли.
Чувствуя дыханье ветра властное,
Замерли на склоне ковыли.

* * *

— Бути, а чи не бути, —
дума гарбуз-філософ.
Прагне урозуміти,
що є добро і зло.
І посміхнулась мудро
щедра красуня осінь ,
Дивлячись, як насупив
він золоте чоло.
Краплі життя стікають,
ніби у далеч линуть,
Із журавлиним братством,
замкнені тим ключем,
Що в дорогі корали
вбрав чарівну калину
І в серце бентежне кинув
солодко-болючий щем.

*Елена
Липченко*

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Замерзшей почкой был листок
Февральской стужей.
Отзеленев на ветке срок,
Летит он в лужу...

Осенний ветер рандеву
Ему устроил.
Поднять опавшую листву, –
Труда не стоит!

И закружило, понесло
Обратно в крону.
Где вдруг повеяло теплом
Ветвей знакомых!

К родным ветвям прильнул листок,
Тоскуя очень!
Забытой юности глоток
Дарила осень...

.....

На миг весну мы в ноябре
Иной раз просим.
В душе апрель, а на дворе, –
Всё та же осень...

Был кормчим Ангел, строго и печально
Он души христианские приял
И свет багряный мудрый изначальный
На русском небе славой засиял

И русская земля благословила,
Отважных русских воинов-мужей
От вековых корней дала им силу
На подвиг, на защиту рубежей.

Исчезнут струги, растворяясь в тумане
О них напомнит миру кое-где
Лишь запах зверобоя и тимьяна,
Настоянный, на голубой воде.

НОЧЬ

Уставший за день, город спит.
Закат в поля упал случайно...
Лишь осень по дорогам колесит,
Оберегая этой ночи тайну.

По лезвию калёного меча
Последнее «прощай» растает ночью,
Лавина слов, слетевших сгоряча,
Нам осень жизни не отсрочит.

Навстречу нам – седые холода,
Промозглый дождь и злая вьюга!
А может быть, вернуться навсегда? –
Дыханием согреть друг друга...

Марина Збараз

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ НА МИТРИДАТЕ

Прости, отец, что я не езжу на могилу.
На Родине могилы только ждут.
На Митридат я поднимаюсь через силу.
И слёзы капают, потом сильнее льют.

За подвиг твой, родной мой, на войне
Гвоздики возложила к обелиску.
И орден, и медали — всё при мне.
Я вместе с ними поклонилась низко.

Какой красивый город-герой Керчь!
Пантикапей и Корчев, и Боспор.
Не стёр его с земли фашистский смерч.
И сверху виден весь его простор.

Рукою глажу надпись «Ленинград»
И вспоминаю молодость свою.
Все в День Победы поднялись на Митридат.
И павшие сегодня вновь в строю.

ГЕРОИ СОРОК ПЯТОГО

Я дожила до возраста отца.
Его тогда разбил insult проклятый.
Шагаю по ступенечкам крыльца.
Да, он героем был в победном сорок пятом.
Тогда, пожалуй, каждый был героем:
Ребёнок, что родился на войне,
Солдат и генерал, шагавший строем,
И чайка, что скользила по волне,
И соловьи, что распевали трели,
О мире, о победе, о весне,
И женщины, что на солдат смотрели.
По правде это было иль во сне?
И каждая искала брата, сына, мужа,
Отца искала и своих детей.
И каждому в тот день был кто-то нужен.
Никто из них не ждал плохих вестей.
А весть была на всю страну одна:
Разбит враг. Мы Победу одержали!
На лицах радость издали видна.
И только губы незаметно так дрожали.

КАК МАЛО ВАС ОСТАЛОСЬ, ВЕТЕРАНЫ

Приведены в порядок все могилы.
Солдаты, молча, дня Победы ждут.
Собрали ветераны свои силы,
Редующим потоком к ним идут.
Как мало вас осталось, ветераны!
И как живётся трудно вам сейчас.
Уже не заживают ваши раны.
Порой не получается рассказ.
Кому-то всё землянка снится,
Та, из которой шли на смертный бой.
Не успевая ни на миг сомкнуть ресницы,
Кому-то вой сирены, бесконечный вой.
Кому-то маленький кусочек хлеба

С опилками и лебедой,
Кому-то полыхающее небо,
Кому-то дом сожжённый, свой родной.
Что снилось моему отцу, не знаю.
Он тридцать лет уже не видит сны.
А я его медали вспоминаю,
Оставшиеся со времён войны.
Где воевал, я так и не спросила.
Казалось, жить он будет много лет.
Его медали маленькой носила
И потеряла. Их теперь уж нет.
Я на могилку езжу очень редко.
Смотрю на фото... Как же мы похожи.
И вспоминаю, как стрелял он метко,
Как на охоту шёл он в день погожий.
Как мало вас осталось, ветераны!
Как хочется хоть чуточку пожить.
Пусть не болят сегодня ваши раны.
Мы вами будем вечно дорожить.

КАК ХОРОШО, ЧТО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ ВОЙНЫ

Как хорошо, что вы не знаете войны
И страшных слов: концлагерь, плен, блокада.
Вы в годы мира были рождены,
Вам от бомбёжек прятаться не надо.

Вы сыты и одеты, и обуты.
У вас игрушек целый миллион.
За мирные года, часы, минуты —
Всем павшим самый низкий наш поклон.

Тем, кто отдали жизнь за счастье ваше,
За небо мирное над вашей головой.
Чтоб было детство и светлей, и краше,
Чтоб с радостью бежали вы домой.

Как хорошо, что вы не знаете войны,
И страшных слов вам тоже знать не надо.
За ваше детство были жизни отданы.
И ваша жизнь есть высшая награда.

* * *

Весенний воздух свеж и сыр,
Но для туристов нет преград.
А ты диван протёр до дыр,
Лежишь и жизни своей рад.
А помнишь, как на «Молодёжке»
Махали мы издалека?
На берегу, в летней одежке,
Ты ждал и замерзал слегка.
Закатом ярким любовались,
Смотря на «Камни» и беседку.
Молодожёны целовались.
Жаль, там бываем очень редко.
Заброшен сад и огород.
И даже лень ходить в гараж.
Нас Интернет в квартире ждёт,
Покажет нам любой пейзаж.
Как насладиться ароматом
Всех нежно пахнущих цветов?
Менял картинки виновато
И нам помочь был не готов.

МОРЕ

Волны тело ласкают, будто мягкий котёнок,
И тихонько мурлычут. Голосок нежен, тонок.
Вдруг задул сильный ветер. Море вздыбилось пенно,
И уже не котёнок. — Злой стихии я пленник.
Успокоилось море, волны пенные стихли.
Стало ровным, как листик. Напишу-ка стихи я
И сравню его с небом голубым, тёмно-синим,
Где встречаются чайки и мордашки дельфины.
С чем сравнить ещё море, его привкус солёный?
Я плыву и люблюсь. Просто в море влюблённый.

* * *

Сверкает море изумрудами,
Барашки белые гоняет.
Волнообразными причудами
Песчаный берег украшает.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ КАЛЕНДАРЯ

Последний лист календаря.
Все скажут: «Прожит год не зря».
Грудной ребёнок ел и рос,
Немало радости принёс.
И каждое его «Агу»
Как новый следик на снегу.
Малыш постарше очень рад
Ходить в любимый детский сад.
Он с нетерпеньем Ёлку ждёт, —
Встать с Дед-Морозом в хоровод.
Нет в школе школьников сейчас:
У них каникулы как раз,
Весь ученический народ
«Коньками звучно режет лёд».
У взрослых — взрослые заботы:
Спешить им надо на работу.
Перечислять не будем много:
У каждого своя дорога.
Последний лист календаря.
Все скажут: «Прожит год не зря».
Доставил много он хлопот,
А на пороге — Новый год.

ПУСКАЙ ГОРИТ ТВОЯ СВЕЧА

Пускай горит твоя свеча
Ещё не годы, — сотню лет.
А жизнь пусть будет горяча.
Ты улыбайся ей в ответ.
Не вздумай плакать, не грусти.
Пусть обойдут тебя печали.
А, если что не так, — прости,
Забудь и начинай сначала.

КОГДА ТЕБЕ УЖЕ ЗА СОРОК

Когда тебе уже за сорок,
И хочется ещё пожить, —
Перелистаешь книжек ворох,
И каждой будешь дорожить.
Будь это Купер или Пушкин,
Рассказы Драйзера под дождь...
Ты спишь, — и перья на макушке.
И ты уже индейский вождь.
Как жаль, что вождь, когда за сорок,
А не в пятнадцать иль шестнадцать!
И вновь листаешь книжек ворох...
Так жалко с юностью расстаться.

БУСИНКА

Бьётся сердечко под сердцем моим.
Чудо природы растёт потихоньку.
Как же нам радостно будет троим!
Глажу живот свой ладошкой легонько.
Бусинка, лапочка, милый комочек.
Жду с нетерпением твоё появление.
Может быть, доченька, может, сыночек.
Лишь Богу известен пол сотворения.
Конечно, вперёд шагнула наука.
Приборы всё скажут и всё распишут.
Но берегут наши бабушки внуков.
Дарят совет: чтобы было всё тише.

МЕДВЕЖОНОК

Утром солнце не проснулось,
Заблудилось в хмурых тучах.
И подумал медвежонок:
«Так, пожалуй, даже лучше».
Попрощался молча с папой
И, погладив маму лапой,
Лёг в уютную берлогу,
До весны быть недотрогой.

ВЕСНА ОСЕНЬЮ

Не успели сбросить листья клёны.
Золотом сверкает их наряд.
Осень — не весна, но для влюблённых
Не бывает никаких преград.
Не страшна им изморозь осенняя,
Нежный поцелуй согреет их.
И заменит им капель весеннюю
Стук дождя о зонтик для двоих.
Нет зонта, — так скройтесь под орехом:
Не спешит расстаться он с листвою.
Я сегодня, наслаждаясь их смехом,
Вспомнил, как и сам был молодой.
Вот и куст сирени зеленеет.
Кажется: вот-вот, и зацветёт.
Жаль, что рано осенью темнеет,
Но гитара нежная поёт...
Алыча под музыку обронит
Множество малюсеньких монет.
Осень — не весна, но для влюблённых
Никаких преград, конечно, нет.

*Анна
Тарасенко*

ОСЕНЬ

Вот и Осень приползла
Старой, ласковой собакой.
Ветром рыжесть растрепав,
Облизнув дождями слякоть.
Пусть в глазах и за окном
Плачет все, что не случилось,
Что мечталось, не сбылось,
То, что в молодости снилось.

* * *

Душой не стану стара,
Лишь чуточку взрослой,
Морщины — это ерунда,
А седина не серьёзна...
Зачем закаты считать,
Пусть они и красивы,
Рассветы надо ценить,
И просто быть счастливой.
Закрыла дверь во вчера,
Там половина жизни,
Шагнут в другую пора,
Над пропастью зависла...
Мне так хотелось летать,
Теперь свободна до боли,

Но я не буду роптать,
Учить чужие роли...
Чужие мысли, друзья,
Когда-то звались моими,
Теперь раз в год или два,
Кивают, проходя мимо...
На перекрёстках пустых,
Где даже нет светофоров,
Я буду смело идти,
Не слыша, в спину укоров.
Душой не стану я старой,
Быть может, чуточку взрослой,
И если Бог мне позволит,
Все станет очень просто...
Зачем закаты встречать,
Пусть они и красивы,
Рассветы буду любить,
И научусь быть счастливой.

* * *

Каждый день мы старше становимся,
По ночам от земли отрываемся,
И летим во сне, во Вселенную,
Встречным особям улыбаемся.
В этой жизни с тобой не встретились,
Ведь живём в разном беге и времени,
И лишь в час ночной, на какой-то миг,
Мы друг другу во сне пригрезились.
Без единого слова вдруг поняли,
Лишь в глаза посмотрев — половинки мы.
Но к утру все забыв с пробуждением,
Мы бежим по рутине и времени...
Каждый день мы старше становимся,
По ночам от земли отрываемся,
И летим во сне во Вселенную.
И на млечном пути повстречаемся.

СУЕТА

За понедельником следует сразу суббота...
И вновь понедельник. За маем сентябрь...
Мы живём в суете. Нами движет работа...
А должны двигать нами доброта и любовь.

ПРОШЛОЕ

Что я вспомнить могу,
Лишь расплывчатый образ.
Часто ты говорил,
Что со мною не просто.
Я жила, как могла,
Всех жалела, любила.
Часто слёзы лила,
А теперь всё забыла.
Были мы Днём и Ночью,
В аллегории смысла.
Ты жестоким в словах,
Я в обидах зависла.
А конфликт разрастался,
И достиг апогея,
Разорвали с тобой,
Мы узлы Гименея.
Каждый сам по себе,
Мы хорошие люди,
Но хорошей семьёй,
К сожаленью не будем.
Не смогла я простить,
Где найти мне прощенье,
С этой тяжестью жить, —
Хуже нет преступления.
Так я долго жила,
По ночам умирая,
Разлюбить не могла
И прощать не желая.
Все три года просила,
Я у Бога прощенья,
Он услышал меня
И послал мне забвение.

Айгуль
Бухарбаева

* * *

посвящается Лейли Джафарли

Что может быть прекрасней страсти,
Искристой радости любви?
Не потревожат страхи и напасти
Когда любовь течёт в крови.

Когда с молитвой сон приходит
О счастье для существ живых,
Я наблюдаю: солнце как восходит —
Так, словно свет во всё проник.

Когда не чувствую себя отдельно
И отгорожено от всех существ, —
Такое чувство единенья запредельно,
Как будто я частица всех Божеств.

Когда во всем я вижу Бога
И звуки все — молитва для меня.
Прекрасная Любви дорога
Нас трансформирует, глубинами маня.

Раскроется Душа любовью
Для всех и для всего на каждый миг.
Хочу постичь Вселенную с тобою,
Откроется в сердцах любви родник.

Пусть страсть нас заполняет без остатка,
В молитвах очищая все умы,
И не страшны эгоистичные нападки:
Любови страстью их сжигаем мы.
23.12.2017 (14.15)

* * *

Пусть мандала всех чувств, эмоций
Очиститься от омрачений клеш
Жизнь так прекрасна, друг Гораций,
Если почувствовать её промеж

Всех мыслей оголтелых наших,
Что поселились в растревоженном уме.
Пример их апогея — жизни падших
Мы сами строим и сидим в своей тюрьме.

Но есть спасение от всех цепей проклятых,
Что сковывают ум живых существ,
И можно победить врагов заклых,
Если услышать благодстную вестъ.

Есть просветлённый Гуру, Лама, —
Он может нас спасти из всех адов,
Научит очищенью лучше мамы, —
Лишь захотеть освободиться от оков,

Почувствовать, что есть святое
И вечное, что не умрёт.
В молитве попросить благое:
Что нужно, — каждый у него найдёт.

В молитве я взываю сердцем
О пробуждении и счастье для существ.
Так обжигают слёзы, словно перцем...
Я верю, благодсть в каждом человеке есть.
26.04.2017 (18.15)

* * *

Я еду, еду, еду далеко,
Для тела это очень нелегко.
Хочу скорей домой приехать,
Ничто не станет мне помехой.

Хочу быть ценной нужной и родной,
Ум обретёт и радость, и покой.
Для счастья и любви родной души
Все инструменты хороши.

Хочу я благо для людей творить
И честно, благородно жить,
Чтоб счастьем наполнялись все сердца.
Не сдамся и пройду путь до конца.

Возможно, что невзгоды, боль и рок
Придут в назначенный мне срок.
Прошу лишь крепости для веры я своей,
Чтоб не предать себя, людей.
Пусть сострадание наполнит ум,
Затихнет в нем ненужный шум,
Любовью сердце пусть нальётся,
С Учителем связь не прервётся.

Я обещаю практиком стать сильным
И медитировать стабильно,
Я успокою ум, его открою,
Сердце молитвой успокою.

Вы помогите мне все Будды, Бодхисаттвы,
Не отрекусь от сердца клятвы,
Буду учиться и любить всецело,
Чтоб сердце к пробуждению созрело.

Пусть вера укрепляется и сострадание,
На Дхарму я направлю все вниманье
И моя практика станет дыханьем,
Как бы ни были в жизни дни печальны.

* * *

Коль для тебя, читатель, это верно,
То я сорадуюсь безмерно.

Я для людей, а не наоборот,
И не нужна мне значимость моя.
В сознании переворот —
Что для людей вся жизнь и я.

Я сделана не для потока кутерьмы,
А чтоб идти достойно до конца.
Распутывать заблудшие умы
И открывать закрытые сердца.

Я сделана не лишь для красоты,
Что украшает, ублажает взор.
Ценнее сущность доброты,
Освобождает разума простор.

Я сделана из радуги полос,
Преобразовывать и очищать.
Эмоции, — в них нет угроз,
Лишь надо честно принимать.

Я сделана дарить и отдавать,
Мир изобилен и богат.
Только разумно раздавать:
Поток умножится стократ.

Здесь слишком много «я», наверно...
Надеюсь, что звучит не скверно.

* * *

Я наблюдаю, как орлы летают —
Степенно, медленно и очень высоко.
Вот так летать я с детских лет мечтаю,
Чтоб видеть далеко, дышать легко.

Парить в потоках воздуха свободно
И, опираясь только на себя,
Расправив крылья, вольно, благородно
Лететь над миром сострада, не скорбя.

Когда орёл красиво пролетает,
Я оставляю все свои дела,
И моё сердце тихо замирает:
Свободной птицей раньше я была,

Сейчас имею тело человека.
Есть преимущества свободы,
Все технологии упадка века
Восполнят качества природы.

Я в этой жизни один раз летала
Так, чтобы крылья за спиной.
Как это удивительно, узнала.
Последую, как за своей мечтой.

На дельтаплане полечу, конечно,
И страх не остановит мой полёт.
Не быть же мне в тяжёлом теле вечно,
Оно, как всё, когда-нибудь умрёт.

Я вкус полёта долгого узнаю,
Того, где крылья за спиной.
Не зря об этом с детских лет мечтаю:
Ум опыт ценный заберёт с собой.

Многогранники

*Алексей
Вдовенко*

МАРТ... ВЕСНА... ДОЖДЬ...

Серый мартовский денёк. В городе идёт дождь. Крупные, тяжёлые капли обречённо свисают с мокрых, насквозь продрогших веток деревьев, едва колеблющихся под слабым ветерком. Каплям безумно не хочется падать. Им очень-очень хочется ещё хотя бы несколько сотых долей мгновения покрасоваться в своей влажно-светящейся индивидуальности перед тем, как, упав на землю, исчезнуть навсегда.

Увы, падение неизбежно. И от этой неизбежности грустно сжимается сердце.

Но не всё так уж плохо! Не зря март в давнюю старину считался началом года, значит, и началом новой жизни. Мартовские капли, потеряв свою яркую блестящую индивидуальность, всё-таки просочатся сквозь почву, напоят из водохранилища в летний зной целый город — десятки тысяч человек.

Ах, и мы, люди — те же капли. Любим подольше покрасоваться на ветвях жизни. А по-настоящему чего-либо стоим, да и бессмертны только когда все-все вместе. Не забывайте об этом, друзья.

НОСТАЛЬГИЯ

Продали отчий дом,
И мамы больше нет.
И память о былом
Теряет звук и цвет.

А впрочем, что грустить
О прошлых временах —
Продлится жизни нить
В заботах и делах.

Минувшее прошло.
Каяться нет толку.
Всё... Времени стекло —
В дребезги... В осколки.

Житейская стезя
Ушла за горизонт.
Вернуть, увы, нельзя.
Жалеть, — какой резон.

И только иногда
Сожмёт, вдруг, сердце грусть
О том, что никогда
Домой я не вернусь.

ЗРЕЛОСТЬ

Т. Левченко

Шестьдесят — это не старость —
Только зрелость, только зрелость.
И в душе ещё осталась
Та же удаль, та же смелость.

Ничего, что жизнь — копейка,
Что почти не ходят ноги.
Ты сумей-ка, ты посмей-ка
Хоть во сне летать, как боги.

И живи спокойно смело
В красоте неповторимой.
Сердце помнит, как умела
Ты любить и быть любимой.

БАЛЛАДА О РАЗОРВАННОМ ПАРУСЕ

*Парус! Порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь...
В. Высоцкий*

Мне другие порвали парус.
А я, логике вопреки,
Много лет, как юродивый, каюсь
До щемящей чёрной тоски.

И при чём здесь судьба дельфина
С брюхом, вспоротым винтом?
Почему же — выстрела в спину
Не ожидает никто?

Мне с Высоцким непросто спорить.
Всё же, истина дорога:
Это очень большое горе —
Если сильно болит нога.

Но согласен: петли дверные
Всем поэтам гнусаво поют:
«Кто вы такие?
Вас здесь не ждуг!»

Этим творчество и прекрасно
За пределами душных квартир,
Что не всё в нём понятно и ясно,
И на этом держится мир.

Потому мы так долго и маемся
Над загадкой русской души:
Коль случайно с утра не покаемся —
То до вечера трудно дожить.

Татьяна Левченко

ЧЁРНАЯ РАДУГА

Есть и такие... Самое печальное — они не гаснут, как гаснет мгновенное чудо всех остальных радуг. И она совсем не сказочна — эта чёрная радуга. Боль, растерянность беспомощности несёт она в сердце.

А мечталось о сказке...

Дни стояли летние, погожие. С ясным солнцем в изумительной синеве высокого неба. Всей семьёй мы собрались на пляж. Не близкая дорога. Особенно учитывая специфику нашей семьи.

Всё приготовили с вечера. Спать легли пораньше. А в пять часов уже собирались: нужно было попасть на первый автобус. Затем на автовокзале пересесть на следующий. На этом — почти до конечной остановки, и успеть за три минуты дойти до последнего на этом маршруте, который и доставит нас к заветной цели.

Но мы мечтали о сказке солнечного восхода над морем. Когда на пляже ещё почти никого нет, а на влажном от ночной росы песке чётко отпечатаны множество следов ночевавших там чаек, мартинов, бакланов.

Мы успели. Ещё не поднялся лёгкий туман и светился розово-жёлтым от приближающегося восхода. Чайки и мартины уже разлетелись с ночёвки. Но одна пара мартинов не желала уступать пришельцам — птицы важно расхаживали неподалёку, склёвывая в прибойной полосе разную морскую мелочь.

Прибоя не было. Море от берега уходило вдаль неоглядно-широким зеркалом гладкой, без волн, поверхности. Только чуть дышало. Молча, без волны поднималась вода на небольшой полоске песка и вновь отходила. Было торжественно тихо.

Мы расположились под навесом на скамье: расстилать подстилку на сырой песок ещё было рано — и приготовились встречать солнце. Марие, правда, не сиделось. Она убежала посмотреть на морских блох: дырочками их ходов был испещрён весь песок у воды. Наблюдая, собирая красивые камушки и ракушки, она уходила всё дальше и дальше по берегу. Мы не окликали её. Если она и пропустит момент восхода — зато увидит множество другого интересного. Ведь красоту, сказку нельзя показать. Её надо увидеть, почувствовать...

Туман не поднимался, а просто таял, всё дальше и дальше открывая морскую гладь, до самого Кавказа, где тёмно зеленели пологие холмы с красными и лиловыми пятнами — островками мака и других цветов. На востоке скопилось несколько облачков, и мы немного расстроились, что они закроют солнце в момент восхода. Но облачка, словно поняв наше огорчение, быстро поднялись с горизонта и полетели в нашу сторону. Да, это была сказка, — из-за горизонта вырвались несколько лучей ещё невидимого светила, догнали улетающие облачка и как бы подгоняли их: скорей, скорей! Дорогу! Облачка обожглись жаркими лучами и так же растаяли в небе, как перед тем туман над водой. И на свободный простор синевы выпрыгнуло яркое огненное солнце. Выпрыгнуло, и быстро-быстро начало взбираться по небосклону. Мы наблюдали смену красок на море. Сначала бледный отсвет розового с жёлтым. Затем огненно-жаркое сияние, вдруг на краткий миг мелькнуло изумрудно-синее. И вот всё море — как огромная чаша расплавленного серебра. По серебру пробежала широкая золотая полоса, ударилась о берег вместе с ожившей волной, и — вся поверхность заиграла, засверкала бесчисленными бликами-всплесками ярких вспышек на лёгкой ряби от проснувшегося ветерка. День настал! С коротким вскриком поднялась белоснежная пара мартынов и, сделав

круг, полетела в сторону моря, скрылась, слилась ярким оперением с бесчисленными солнечными искрами на воде. Своим вскриком птицы как бы разбудили всё. Послышался плеск набегающей волны, говор людской: оказывается, пока мы ждали восхода, на пляже уже значительно прибавилось народа.

Вприпрыжку прибежала Мария, неся в кулачке собранные сокровища: два камушка с полосками, несколько цветных ракушек-замочков и крабью клешню. Складывая всё это в свою коробочку, она серьёзно заметила мне:

— Представь, ты не права, что радуга только после дождя и в воздухе. Она там плавает.

— Не может быть! Радуга не может плавать. Разве что её отражение...

— Пойди, посмотри — сама увидишь, — важно ответствовала дочка.

— А ну, пошли вместе! — тревога кольнула в сердце.

Я взяла Марию за руку, и мы пошли по плотному песку, загребая и разбивая ногами набегающие волны с шипучей пеной. Пена не уходила в песок, а оставалась сероватым налётом. Вновь тревожно кольнуло: что-то здесь не так. Я посмотрела на море. Ещё недавно чистая, прозрачная вода при этом лёгком волнении помутнела, казалась мыльной. Что это?!

— Ты не туда смотришь! — дёрнула меня за руку Мария. — Она вон там, дальше. Представь: плавает, и всё.

Я представила. А когда подошли ближе, — и увидела. Обширное маслянистое пятно, гася поднявшееся волнение, распласталось уродливой медузой недалеко от берега. Радужно выблёскивало. Чёрная радуга. Негаснущая, страшная...

— Правда, красиво? — не унималась дочка. — И я первая увидела: она плавает! А ты говорила — не может плавать.

Я молча присела на корточки, подняла только что вынесенную волной ракушку. Ребристая поверхность её так же мёртво отливала радугой. Я поднесла её к лицу. Нет, это не нефть. Не обязательно нефть. Чёрная радуга появляется по многим причинам. И может, у этой причина в том вот грязно-оранжевом кошмаре, ползущем по такому чистому небу, клу-

бьясь, в сторону моря? Это две широкие трубы комбината стараются. Что он несёт морю, — этот оранжевый дым? Почему вода такая «мыльная» и плёнка на ней — плавающая радуга?

— Ну, что ты молчишь?! — перебила мои размышления Мария. — Ведь красиво, да?

— Нет! — я мотнула головой. — Нет, дочка! Это ужасно. И мне очень жаль, что тебе, кажется, не доведётся уже плескаться в чистой воде моря.

Мария захныкала. Она не поняла, что я имела в виду. Ведь она никогда не видела моря иным.

Мы, конечно, купались. И плескалась весело девчонка на мели. Только непривычно резало глаза, и неприятно было ощущать прикосновение пенящейся в прибое воды. Праздник был испорчен. Но как объяснишь это малышке...

Пусть радуется. Её боль ещё впереди. Только никогда не скажу я ей, что чёрная радуга — красива.

г. Керчь

1996 г.

ЗАКАТНАЯ РАДУГА

Короткий летний дождь пролился,
Слегка закат опередив,
И в серых тучах отразился
Последний солнца луч один.

С Востока — радуга повисла.
Смотрели люди — на закат...
Угасла радуга ты быстро:
Такие долго не горят.

Случается: всю жизнь истратят,
Когда хватило бы двух лет,
Чтобы однажды на закате
Увидеть радуги расцвет.

* * *

Что не быль, то понарошку.
Что ни сказка, то намёк.
Как пороша за окошком,
Так в окошке огонёк.

Светит, мечется, искрится,
Освещая невпопад:
Чьи-то руки, чьи-то лица,
Чей-то ждущий нежный взгляд...

Кто не дурень, — тот царевич.
Что ни девица — краса.

Был Да Винчи — стал Малевич...

Я не верю в чудеса.

Я зануда и прагматик.
Мир мой — перфекционист:
Здесь биолог, математик
Пишут сказки для Алис.

Но порой бывает тошно
Средь тычинок-биссектрис.
И тогда я понарошку
Исполняю свой каприс.

И тогда в метели мнится:
Будто сказочный намёк,
Светит, мечется, искрится
За окошком огонёк.

Освещает чьи-то руки,
Чьи-то лица невпопад.
И зовёт через разлуки
Чей-то ждущий, нежный взгляд.

НЕРОДНЫЕ ГОРОДА

К вам сейчас не идут поезда, —
Нынче вы на чужой стороне,
Неродные теперь города...
Бога ради, не снились бы мне!

Только в памяти, мне дорога,
Ваших улиц певучая речь:
Всё заносит слепая пурга —
Не прийти, не обнять, не сберечь...

Но ничто в мире не навсегда,
Смоет ложь благодатным дождём,
Полетят поезда к городам.
Возвращайтесь, — мы ждём!

Мы вас ждём!

Сергей Молодцов

* * *

*Свежеиспечённым «писателям»
Любите литературу в себе,
а не себя в литературе.
Почти по К.С. Станиславскому.*

«Прозаики», «поэты», «поэтессы»...
Ударился в писательство народ,
И атакует интернет и прессу,
Издательства их книги издаёт.

Сейчас издаться – заплатил и точка.
«За ваши деньги, вам – любой каприз!»
Как огурцов, уже «романов» бочка,
«Диплом», «Сертификат», заумный приз...

И виртуальные Союзы процветают,
Плодят «лауреатов» всех мастей.
Желающих, поток, не иссякает:
Есть деньги – публикуй «вулкан страстей».

Начнёшь читать и грусть одолевает:
Ошибка на ошибке, мыслей – ноль.
Безграмотность торжественно шагает...
И за «язык» пронизывает боль.

Что «дебет», что «дебют»; «Гоген» иль «Гога»...
Что «Дума», что «Дюма»; «Моне» иль «Маня»...
И обсуждается «поэзия» Ван Гога,
И «музыка» Дали, Гайдара «Дядя Ваня»...

И вот, уже «широкая известность»
Средь круга узкого, одних и тех же лиц.
И льёт, потоком, пустота и пресность,
С оплаченных издательству страниц...

Никто не против любителей хороших.
Отдушина нужна – пишите, издавайтесь.
Но во главу угла не ставьте грошик,
Творите для души, не зазнавайтесь.

Не рвитесь вверх «стремительным домкратом»,
Расширьте кругозор, мыслительный процесс.
Старайтесь получить не за оплату,
А за заслуги, звание поэтов, поэтесс.

Амбиции умерьте, господа.
Крылова вспоминайте иногда:
«А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь.»

ПИСЬМО НА РОДИНУ

В некоторых странах, особенно в США, в своё время, по определённым причинам, были приняты законы, которые нынче потеряли актуальность и вызывают недоумение и смех. Их не применяют, но и не отменяют. До сих пор, на уровне городов, штатов и даже федеральном, продолжают существовать, так называемые, «глупые законы». По данным юридической компании «THE WALK LAW FIRM» и написан этот рассказ.

«Незнание закона не освобождает от ответственности»

(Из древнеримского права)

Здравствуй, брат Сёма! Ты, конечно, очень удивишься, получив это письмо и задашь правомерный вопрос: «Почему не по «электронке»? И чего он так долго молчал — аж целый год?»

Пусть твои оба острых глаза внимательно читают это письмо, а мозги мотают на твой шикарный ус (не дай Бог тебе очутиться в штате Индиана!), во что мы здесь влипли.

Там, где я сейчас обитаю, Сёма, — не только интернет, а многое недоступно. И хотя американская «кича» по сравнению с нашей — курорт, но лучше быть подальше от такого «пансионата»!

Сёма, мы вляпались в такой экскремент — не вылезти и не отмыться. Да если бы я раньше знал про их «демократию» и «свободу»... Как мы плакали от счастья, когда получили разрешение на выезд... Идиоты... А этот мой пафосный тост: «Конец тоталитаризму! Да здравствует свободный мир!» Отстой... Да я был в десять раз свободнее, когда мотал свой «пяттерик» в красноярской зоне! И хотя я канал, как фраер — там меня уважали. Все. И «хозяин», со своими «краснопёрыми» и «авторитеты» зоны — руки мои, золотые, уважали, Сёма, которые им золотые зубы и коронки ставили. Там я жил — как хочу; имел — что хочу. Потому что, как всегда, классно делал свою работу: зубы, коронки, челюсти вставные... Там я был свободнее, чем на воле или в нынешнем «демократическом раю»!

...Помнишь, как я выпал в осадок и икал, сдерживая истерический хохот, когда судья вынес решение «...о конфискации изделия, изготовленного из незаконно приобретённого материала» у мадам «потерпевшей»? Две вставные челюсти, с 32-мя зубками из золота высшей пробы! Отпад! Полный! Что взять с идиотки кроме анализов? Жаба её задавила. «Мадам» решила: раз она — жена зам. пред. исполкома — ей можно всё. Деньги вернуть захотела! Через суд! Мол, один зуб кривой, а два какие-то тусклые... Ну и нарвалась. По полной. Вернула. Зубы. Все 32! Я ещё говорил тебе тогда: «Сёма, смотри, в какой стране мы живём! Какие здесь законы драконовские! Оставить женщину без зубов! Нет, надо сваливать отсюда в свободный мир!»

...Пять лет, мотая срок, я холил и лелеял эту мечту... Если бы я знал, какие законы *здесь* — я бы, лучше у нас, на «зоне» остался!

За год, что мы колесили в трейлере по штатам, мы не только потеряли всё, что сумели вывезти, а ещё и должны остались государству! И срок мотаю, без перспективы амнистии или выхода по условно-досрочному. Тут тебе — не там! Адвокат так и «обнадёжил»: мол, в вашем случае, придётся «от звонка до звонка» все три года. «Успокоил» гад! А я на него чуть ли не последние бабки вбахал и всё впустую! Вот так я, Сёма, красиво финишировал в марафонском забеге по городам и закоулкам этой «свободной» страны...

А начиналось всё так хорошо... Дядя Изя с тётей Соней встретили нас чин-чинарём и даже всплакнули. Дядя мне и посоветовал: купить трейлер, поездить по штатам, присмотреться, а уж потом оседать. Решили на семейном совете, что надо отдохнуть недельку здесь. Пощупать, так сказать, местную жизнь, а потом двигать в турне, благо было на что.

Но щупать здешний рай начали не мы, а он нас. Вернее — щипать. А если быть более точным — общипывать, как курицу...

В первый же наш «выход в люди» мы нарушили сразу 5 законов и влетели на кругленькую сумму штрафов (хорошо — без кутузки обошлось!) А дело обстояло так. Дядя Изя любезно предоставил нам свой красный, с открытым верхом,

«кэджи». Мы, соответственно моменту, подобрали прикид: я — в джинсуре, ковбойских сапожках и шляпе; Стелла — в мини-платье и туфлях на высоченной шпильке, обвешанная «побрякушками», как ёлка в Новый год; твоя племянница — Анжелка — в своём, панко-металлическом стиле. В общем, ка-наем под местных: мы, мол, тоже не лыком шиты.

Приехали в центр, вышли из машины и тут до нас их коп (мент по-нашему) прицепился. Достал блокнот с авторучкой и давай тыкать ей: то на машину, то на ноги Стеллы, то на мои. Что-то талдычит нам, а сам строчит в блокнот. Мы со Стеллой в английском — на уровне 5-го класса средней школы, а доча, как назло, в туалет ушла. Ну, я попробовал «шпрехать», типа: «как дела», «хорошая погода», «меня зовут Миша» — в общем выложил всё, что знал. По нулям. Коп ещё серьёзней стал. Морду надул и строчит в своём блокноте. Тут Анжелка подбежала и сразу затараторила на англо-французско-итальянском «винегрете». Она — с виду панк, а школу с золотой медалью закончила и три языка, вместо одного обязательного, выучила! В институт на иняз всё рвалась, даже про МГИМО как-то намекала. А вот здесь-то и пригодилось! Послушала она копа и говорит: «Садимся в машину и едем за ним в участок. Объясню по дороге.»

Сели, поехали. Анжела ввела нас в курс дела. Оказывается, по их законам: *«Автомобилям красного цвета запрещено ездить по Лэйк Стрит»* (центральная улица); *«Запрещено разговаривать на английском языке, только на американском»* (а я-то со своим «Хау ду ю ду» влез не по теме); *«Женщинам запрещается носить лакированные туфли, так как мужчины могут увидеть в них отражение нижнего белья»* (Стелла со своими «лодочками» на шпильках!); *«Противозаконно смотреть неодобрительно на офицера полиции»* (я улыбался, пока он гнобить нас не начал. И что, дальше продолжать? Он, значит, меня..., а я ему улыбаться должен?)

Короче, Сёма, раскрутили в участке мой бумажник по полной, добив напоследок тем, что у меня нет двух коров, даже одной, а *по распоряжению городских властей «...человек должен являться владельцем как минимум двух коров*

прежде, чем ему будет позволено носить ковбойские ботинки».

Так закончился наш первый «выход в люди». Ну, огорчились немного, потом посмеялись над собой. Решили, что это случайный конфуз, который больше не повторится. Если бы знать, Сёма...

Переезжая из штата в штат, мы в течение года лишились всего из того, что смогли вывезти (а вывезли мы — сам знаешь!) Огробали звиздюлей все трое и со всех сторон, откуда и не подумаешь...

Анжела, в свой первый выход на пляж, облегчила наш бюджет на хорошую сумму. Вначале, она вылепила из песка какому-то малышу замок с фигурками людей и тут же — штраф, не отходя от кассы. Так как по закону: *«На пляже запрещено возводить песчаные скульптуры без разрешения городских властей»*. А потом познакомилась, на свою голову, с какой-то пигалицей и давай трепать, что штраф — фигня; папа у неё зубной протезист, а мама — виртуозный косметолог и в деньгах они её не ограничивают.

В оконцовке, отправилась с этой пигалицей в пляжный душ, сполоснулась и... пигалица на неё тут же настучала. Итог: ещё два кругленьких штрафа. Один за то, что *«Противозаконно делать вид, что твои родители богаты»*, а второй навесили за то, что *«Запрещается принимать душ голым»*. Нет, ты прикинь — в шубе и валенках его принимать что ли!?

...Устроилась Стелла косметологом в хороший салон и отправились мы с ней обновить её гардероб (сам знаешь: у баб всегда «нечего надеть» если нет ничего нового!) Дорвалась Стелла до их ассортимента. Обречённо вздохнув, я вышел на улицу, настраиваясь на длительное тоскливое ожидание. Скучать мне не дали. Подошедший коп тут же оформил мне штраф — не поверишь, Сёма — за долбаный шнурок! Да-да, за ШНУРОК! Ибо: *«У человека, идущего по улице, шнурки должны быть завязаны»*. В шнурок их мать! Пока я лупал глазами, как последний лох, мою ненасытную вывел из магазина другой коп и повёз (как она мне сказала) в участок. Я округлился со своими неприятностями и помчался туда. Там

мне заявили, что моя жена дважды нарушила закон. Во-первых — цветом своего платья, так как: **«Женщинам запрещается носить одежду красного цвета в общественных местах»**. Второй проступок был серьезней и за него могли, как у нас говорят, «сутки впаять», ибо: **«Женщину могут арестовать за то, что она примеряет в магазине более шести платьев за один раз»**.

Сёма, они здесь с ума посходили, законники хреновы! Ну где ты увидишь женщину, которая дорвавшись до такого изобилия шмотья, ограничится одной или двумя примерками? Да она пока весь магазин не перемеряет — не успокоится!

Из участка меня попросили. Сказали: «Ждите. Решается вопрос об аресте или штрафе на первый случай. Вышел я из участка. На улице духотища стоит, пот с меня в три ручья льёт, короче — пекло голимое. Смотрю, через дорогу пивбар функционирует. Я туда. Взял пару кружек холоденького пива, а там курить запрещено в помещении. Вышел я с пивом на улицу, зашёл сбоку бара в тенёк и сходу вылакал одну кружку. Потом присел на травку, разулся, чтобы ноги отдохнули, откинулся к стеночке, закурил и кайфую помаленьку, потягивая пивко мелкими глоточками. Смотрю, от участка, через дорогу, ко мне направляется коп. Ну, думаю, с моей Стеллой разобрались. Быстренько допил пиво, хотел подняться, а полисмен меня притормозил. Достал квитанционную книжку и начал мне втирать по ушам. Я к тому времени уже стал малость разбираться что к чему. А тот, значит, уже квитанции мне выписывает и говорит: **«Вы выпили целую кружку пива стоя, а по закону: «Запрещено делать более трёх глотков пива, если человек стоит»**. «Но сейчас-то я сижу!» — говорю. А он мне: **«Первую кружку вы выпили целиком. Я наблюдал за вами. Сейчас, да, вы сидите, но прислонившись к общественному зданию, да ещё босиком!»** И зачитывает мне: **«Человек, прислонившийся к общественному зданию, может быть подвергнут штрафу»**. Вручает он мне обе квитанции, а сам третью строчит. «А эту-то, за что?» — спрашиваю. Отвечает: **«Запрещено ходить босиком без специального разрешения»**. «Как я понимаю, у вас спец. разрешения нет?» (издевается, падла!) Я развёл руками: «Откуда?» В общем, загрузил он

меня... Но тут появляется моя ненаглядная с квитанцией в руках и улыбкой до ушей. Довольнѐхонькая, что в кутузку не укатали и улицы мести не заставили. С идиотской улыбкой, она делает последний акт этой трагикомедии. Спросив: «А чего это вы тут делаете?» — она берѐт мой гамбургер (закуску к пиву) и вгрызается в него, будто с голодного мыса явилась. Оголодала, сидя в участке, мать её! Мой инквизитор не заставил себя долго ждать и тут же выписал очередную квитанцию за то, что *«...противозаконным считается откусывать от чужого гамбургера»*. Сходили в магазин... Сѐма, если их законы начать применять у нас — госбюджет в профиците захлебнѐтся!

...Сколько мы натерпелись, брат, пока я окончательно не приземлился на нары. Описывать всё — бумаги не хватит и рука отвалится. Пробегусь, для расширения твоего кругозора, по особо памятным, душещипательным моментам.

...Стелле досталось в первый же её рабочий день. Устроилась она косметологом в неплохой салон, но далековато от нашей стоянки. Надо добираться на машине. Поехала и... приехала. Их гаишник не в духе был с утра, что ли, и стал до неё докапываться. Видит — придраться не к чему. Постоял, подумал, а потом вытаскивает из машины какой-то талмуд, листает его, ухмыляется и кидает моей предьяву: *«Женщинам запрещается водить машину, за исключением случаев, когда перед автомобилем идёт или бежит мужчина, размахивающий красным флажком, чтобы предупредить пешеходов и других водителей об опасности»*. А так как ничего подобного вблизи не наблюдалось — пришлось Стелле спешиваться и чапать на своих двоих. Да ещё и штраф огрести и машину на штрафстоянку увезли! Нам бы такой закон, брат! Короче, явилась моя на работу с опозданием, на взводе и давай начальнице рассказывать свою эпопею. От волнения у неё челюсть вставная (моя, кстати, работа) вывалилась, а начальница поинтересовалась: есть ли разрешение от мужа на ношение данного предмета, ибо: *«Женщины могут пользоваться вставными челюстями лишь при наличии письменного разрешения от мужа»*. Моя ответила, что такового не имеется, начала, было,

возмущаться, но начальница её прервала, сделала запись и отправила на рабочее место. Там Стелла и схлопотала третий за день штраф и получила полную отставку. «Штукатуря» свою клиентку, она, по привычке, стала что-то тихо напевать. А у них: **«Косметологам запрещается бормотать, напевать и насвистывать при работе с клиентом»**. Допелась, Эдит Пиаф хренова... Нет, ты прикинь, Сёма: человек в творческом порыве, вдохновенно рисует на квазиморде ангельское личико и что-то бормочет или напевает. У нас это — НОРМА, а там нужен молчаливый робот без эмоций!

Вернулась Стелла вся в слезах. Кое-как мы её с Анжелкой успокоили. На семейном совете решили, что работой буду заниматься только я, а она пусть хозяйство в нашем трейлере ведёт. Благо, что дочка записалась на какие-то курсы и путаться под ногами не будет.

Пока суть да дело, двинул я в местную скупку. Решил: сдам сервиз (помнишь, тот, старинный) и продам парочку царских червонцев. Бюджет скудел и требовал пополнения. Облом полный! Оказывается: **«Если вы хотите продать посуду или монеты, вам требуется специальная лицензия»**. Да где ж я её возьму, не имея гражданства? Пришлось тряхнуть стариной и действовать, как у нас, через «жучков». На первое время выкрутился. Но это я так думал. Жизнь думала иначе...

Ты, конечно, помнишь нашего ротвейлера Джека и красавца-кота Пушу. Сколько я на их прививки, разрешения-справки, а здесь ещё и на лицензии-страховки денег угрохал... Вот уж с этой стороны я никаких пакостей от властей не ожидал. Какое там...

...Сижуч вечером в трейлере, мастачу мышеловку (повадились «гости» незваные), а кот отправился по своим амурным делам. Мышами ему, видите ли, заниматься влом! Лови мол сам! Аристократ, блин! Стучат в двери. Открываю: полицейский и дама из соседнего трейлера. Позвал дочку для перевода. Оказывается, наш Пуша, покушаясь на честь соседской мяучелы, устроили с ней в трейлере такой бардак, что соседка была вынуждена вызвать полицию. Мяучела смылась, а Пуша пойман, сидит под арестом в патрульной машине и на него со-

ставляется протокол! Одуреть и не встать! Я, как был — в трениках, майке и тапках, с мышеловкой в руках — отправился с дочкой вслед за полисменом к их машине. В машине вопил возмущённый кот (как же, посягли на его свободу!) и оформлял протокол второй полицейский. Подойдя к машине, сопровождающий нас блюститель порядка, окинул меня критическим взглядом и что-то спросил. Анжела перевела: «У вас есть охотничья лицензия?» Я офонарел и выдал: «Какая, на хрен, лицензия!? На кота что ли охотиться? Или с котом на пару!?» Анжела перевела мой ответ. Полисмен хмыкнул в ответ, сел в машину и тоже начал что-то писать. Мы с дочкой терпеливо ждали освобождения нашего заключённого, который увидев нас, притих (видимо представлял себе предстоящую взбучку и домашний арест). Наконец нам вручили виновника тарарама, а вместе с ним пачку штрафных квитанций.

Оказалось: **1. «Закон запрещает ловить мышей без охотничьей лицензии»** (то-то коп косился на мою мышеловку!) **2. «Котам разрешается свободно бегать только в том случае, если у них есть задние габаритные огни»**. **3. «После 10 часов вечера нельзя ходить по улице в тапочках или шлёпанцах»**.

Сёма, ты представляешь себе, что ты не можешь прошвырнуться после 10 часов по двору возле дома в тапочках? А в каком из кошмарных снов ты видел кота с габаритами и стоп-сигналом на хвосте!? Я озверел. От таких издевательств нервы мои лопнули, как перетянутые струны на гитаре. Размахивая орущим от страха котом, я завопил: «А на тараканов вам тоже лицензия нужна, сатрапы!?» Хорошо, что дочка утянула в трейлер, подальше от беды. Вот там я и оторвался. На Стелле. Из-за её любимца-кота. У той тоже нервишки сдали, и она грохнула об пол только что вымытую стопку тарелок. Полиция не успела ещё уехать и поэтому не замедлила явиться на наш грохот и ор. Предупредив нас о строгом соблюдении тишины и порядка, полисмен глянул на пол и поинтересовался у жены — сколько тарелок разбито. У той челюсть отвисла. Сообразить не могла, чего от неё требуют. Потом дошло. Приехала, перебрала осколки и выдала резюме: «Пять штук». В от-

вет полицейский выписал нам ещё одну штрафную квитанцию... Сёма, у них: *«Запрещено разбивать в доме более трёх тарелок в день»*.

Брат, я сидел на полу среди разбитых тарелок и плакал от бессилия, как обиженный пацан. Жена с дочкой тихо подвывали. Вот такое, мать её, трио состоялось...

Наутро мы отправились на дальнейшие поиски уголка спокойствия и умиротворения. Как цыгане, мы кочевали в своей благоустроенной «кибитке», под наш коронный шлягер «Дорогой длиною», пока не надыбали такую глухую дыру, типа, в какой я свой срок дома мотал. Правда, в здешней глухомани, было своё существенное отличие от нашей: асфальтовые дороги, электричество, качественный сигнал телевидения и связь. Вокруг нас были лес и тишина. Благодать! Немногочисленные трейлеры располагались друг от друга так, чтобы не мешать соседям своим присутствием. В общем, брат, как в старообрядческом скиту, только без компактной скученности и лишних глаз вокруг. Душа отдыхала и пела! Всё бы хорошо, но и финансы тоже «запели». А о какой работе здесь можно было говорить? Не вставлять же мне зубы бурундукам, а жене — делать макияж местным лисицам? Да и дочь ноет: сорвали с курсов, увезли в глушь... Помыкался я, Сёма, по местным городишкам — глухо, как в танке. Народу в них столько проживает — не то чтобы зубы вставить, а порой и выбить некому. Глухомань... Начал я реализовывать кое-что из заначки и решили мы жить здесь пока терпения и бабок хватит. Для поддержания штанов, глядя на соседей, завели маленькое подсобное хозяйство. Нет, брат, до свиной дело не дошло. Это был бы полный отпад. Мы купили трёх кур и петуха. Я сколотил для них вольерчик, а Стелла обляпала «зелёнкой» (кстати, из старых запасов, поскольку у них здесь «зелёнка» запрещена!), чтобы отличались наши куры от соседских. Сёма, ты можешь себе представить, чтобы ты пострадал от собственных кур? Навряд ли, поскольку кур ты видел только в магазине, да в жаренном виде на столе. А мы, вот, пострадали. Да ещё как! Знаешь, что такое курятник? Нет, ты не знаешь этого. Это вечное кудахтанье и петьино «кукареку», что можно спокойно

пережить (это один курятник), а вот пережить реакцию соседей-«доброхотов» со всеми вытекающими последствиями — это уже совсем другой курятник. Кто-то на наших кур «капнул» куда следует, и мы получили пару миленьких штрафов за нарушение аж двух «куриных» законов: *«Запрещено изменение цвета птиц»* (Стелкина «зелёнка», мать её!) и за то, что оказывается, *«Петухи, которые собираются кукарекать должны отойти от жилых домов на расстояние 300 футов, а куры — на расстояние 200 футов»*.

Выходит, что эти пернатые дуры, должны иметь совесть и чтить закон, бегая с рулеткой и замеряя необходимое расстояние, где бы они смогли покудахтать друг с другом и покуракаться от души. Причём — отдельно по половому признаку! Сёма, мы хоть и влетели на бабки, но тащились всей семьёй, как удав от пачки с дустом, от такого прикола! Наржавшись от души, мы забыли, что смеётся тот, кто смеётся последним. Короче, наш лесной мирок накрыла новая волна ихней правовой дискриминации. А дело было так. Поехал я в местный центр цивилизации оплачивать штрафы, да заодно затариться на очередную неделю. На свою голову (идиот!) взял с собой Джека. Приехал, управился в банке и пошёл в магазин, а Джека оставил возле машины — охранять. Выхожу из магазина, а у моего джипа стоит шериф и толпа кучковаться начинает. Что за дела, думаю? Подхожу. Шериф мне: «Это ваш пёс?» — и тычет пальцем куда-то. Я посмотрел. Обычная картина, Сёма: Джек оседлал какую-то местную жульку, а вокруг страждущие сидят. Я говорю: «Мой пёс. Ну и что?» А шериф мне: «А вы знаете, что ваш пёс нарушает в данный момент закон?» Я прибалдел малость и с глупой мордой ляпаю: «Какой? Паспорта нет что ли?» Шериф, проигнорировав мой вопрос, зачитывает: *«Животным запрещено спариваться на расстоянии менее 500 метров от школ, ресторанов и религиозных сооружений»*. А у этих бобиков «свадьба» гуляет аккуратно у самой школы! А разрешение у вашего пса есть?» — продолжает пытать шериф. «На что!?» — уже волком взываю я — «На половую связь что ли!?» Шериф, раздутый от важности момента, назидательно вещает: *«Собаки должны иметь разрешение, подписанное мэром, для того, чтобы собираться*

*в группы по три или более особей». У меня челюсть отвисла, брат, от такого поворота дел. Тут подбежал довольный Джек и я на него полкана спустил: «Развратник ты, паскудный! До дома не мог подождать? наших шавок тебе мало? Городскую возжелал? Из-за тебя, паразита, последние деньги вытряхивают!» Ну, Джеку, конечно, всё по — барабану, а меня чуть не посадили в местную кутузку (хорошо, денег ещё хватило отделаться штрафом вместо «суток»)! Видите ли, я *исказил лицо*, выражая псу своё праведное возмущение. И — влетел... Оказалось, что *«Люди, которые корчат рожки собакам, могут быть подвергнуты штрафу или тюремному заключению»*. Домой я возвращался без цента в кармане, с упадочным настроением и довольнёхоньким Джеком...*

А дома ожидал очередной кошмар в виде, пришедшей по почте, пачке штрафных квитанций. На этот раз, кто-то из новоиспечённых «подруг», вложил мою Стеллу по самые гланды. Ей, видите ли, душ надоел! Узнав у одной из «подруг», что в их большом трейлере есть ванна, она напросилась на помывку. Помылась, корова... На два штрафа! Один за то, что *«В промежутке с октября по март нельзя принимать ванну»*. Второй — за портрет певца, что был наклеен на дверях этой долбаной ванны, ибо *«Для женщины противозаконным считается снимать одежду перед портретом мужчины»*.

А ещё, за язык свой наскребла приключений. Кому-то пожаловалась на плохой сон из-за духоты и необходимости спать нагишом с открытыми окнами трейлера, а комары загрызают, да ещё и муж храпит... Результат — две штрафных квитанции. Одна за то, что *«Запрещается спать голым»*, другая за то, что *«Храп является нарушением закона, за исключением случаев, когда все окна в спальне закрыты и шторы надлежащим образом»*. А последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, стал штраф за наш коврик у входной двери! Оказывается, *«Специальный указ о чистоте запрещает домохозяйкам прятать грязь и пыль под ковёр в своём доме»*. А мы и не прятали! Он же перед дверями лежит! На нём всегда пыль и грязь!

Всё. Аут. Схватив свой ковбойский пояс, я, с диким воем, рванул к жене. Та — на улицу и тикать, воя белугой. Я за ней

бегу и ору: «Скучно стало? Потрепаться за жизнь захотелось? Душ тебе надоел, падла ты этакая!» Из трейлеров, привлечённые нашим ором, вылезли зрители. Я почти догнал удирающую жену, но запнулся, упал и выронил ремень. Схватил какой-то сук, запустил его вдогонку, но промазал. Плюнул и, матеря всех и вся, вернулся в трейлер. Часа через два, жалобно поскуливая, пришкандыбала Стелла. Ну что? Обнялись, всплакнули все трое и легли спать. А утром, Сёма, нарисовался мой «лепший кореш» — шериф. Капнули ему уже. Начались непонятные для меня действия. Шериф взял линейку, измерил ширину моего ковбойского пояса — 12, 5 см. Задаёт вопрос жене, давала ли она согласие на избивание её ремнём? Получив отрицательный ответ, он тут же выписал мне штраф, поскольку **«Мужья имеют право избивать жён ремнями, если ширина ремня не превышает 12 см. (в противном случае необходимо согласие жены)**. Мой пояс был шире на 0,5 см и согласия Стеллы я не имел... Дурдом! Дальше, Сёма, ещё лохмаче. Шериф нашёл сук, который я запустил в жену и сравнил его с толщиной моего большого пальца(!?) Палец проигрывал по толщине и мне вlepили ещё один штраф, так как **«Муж имеет полное право бить свою жену палкой, при условии, что диаметр палки не превышает диаметра большого пальца мужа**».

Во всей этой, дичайшей по нашим понятиям истории, лучиком света стало то, что я не получил дополнительного штрафа, так как был конец месяца, а скандал наш был здесь впервые. А мог бы и получить «довесок», брат, ибо у них **«Муж имеет право бить жену, но не чаще одного раза в месяц»**. Хоть в этом подфартило! Не нарушил закон! Не успел!

Представь, Сёма, такое у нас: раз в месяц берёшь ремень или тонкую палку и «воспитываешь» свою благоверную на законных основаниях. В диком кошмаре не приснится! Сразу «сутки» наматывают или срок! Затихли мы, что твои мышцы. Но долго не прокантовались. Пришлось рвать когти из этого медвежьего угла после того, как нас доби́ли штрафом, как раз на Старый Новый год, за празднично украшенный трейлер, потому что **«Домовладельцы могут быть оштрафованы в случае, если они не снимут рождественские украшения до 14**

января». Сёма, для них Старый Новый год — ничто. Они про него слыхом не слышали! Дикари! А ещё, братан, сгорел наш курятник. Подпалила какая-то скотина. А пожарные дошкандыбали к шапочному разбору. А на наше справедливое возмущение ответили, что **«Пожарным автомобилям запрещено ехать со скоростью свыше 25 миль в час, даже если они спешат на пожар»**. Вот так ехали и приехали... А ты тут — гори синим пламенем! Да гори они сами все синим пламенем! В общем, отправились мы опять в свободный полёт...

А сейчас, наконец-то, я подхожу к тому, что развернуло нас на 180 градусов по отношению к этому «заморскому раю». Переехали мы в более тёплые края и обосновались в пригороде довольно крупного города. Поначалу показалось, что жизнь вроде бы повернулась к нам лицом.

Стелла нашла работу по специальности, но уже не взбрыкивала, наученная горьким опытом. Анжела опять записалась на какие-то курсы, а я стал наводить справки и налаживать нужные контакты на предмет своей практики. Но всё относительно, брат, и «лицо» этой жизни оказалось такой задницей! Как говорят у нас: «Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах»...

Сосед нам попался — ещё та падла! Началось всё с того, что как-то вечером на него гавкнул Джек. Ну, гавкнул и гавкнул. Делов-то! Но сосед посмотрел на часы, закудахтал возмущённо, вызвал копов, а те сразу же штрафанули меня, потому что **«Собакам запрещается лаять после 6 вечера»**. Мне теперь что, пасть ему завязывать каждый вечер!? Но, ладно. Повидали и не такое. Проглотили и это. Но, дальше — больше. Я как-то полюбезничал по-соседски с его женой, а он усёк и на дыбы. Мне опять, маленький, но обидный штраф (ведь ни за что!). А закон гласил: **«За флирт можно получить штраф в размере 25 долларов»**. Не мужик, а мелочная, ревнивая скотина! А когда его жена, узнав о моей профессии, попросила проконсультировать её по поводу задуманного ею протезирования, а он явился домой в момент её осмотра — это был финиш, Сёма. Этот дебил обвинил нас **в обоюдной измене!** А у них, оказывается, **«Измена считается преступлением»**.

Приехал патруль, нас повязали и сутки держали в «обезьяннике», допрашивая по очереди. Разобрались. Факта измены не усмотрели. Выпустили. Я захотел поговорить с соседом, как мужик с мужиком. Наивняк! Тот меня всячески избегал, но я знал где он работает и поехал к нему в офис. Припарковав машину, зашёл в здание, где, нос к носу, столкнулся с ним в лифте. Попытался прямо там с ним поговорить, но он молчал, как партизан на допросе. А когда выскочил из лифта — рванул в свою «конуру» — конторку и слышу — звонит в полицию: мол такой-то преследует меня с целью мести и уже нарушил федеральный закон о поведении в лифте. Этот закон мне потом огласили (вместе с другими, что я преступил) — ***«В лифте запрещено говорить с незнакомыми. Вы должны стоять, опустив руки, глядя прямо на дверь лифта»***. Нет, Сёма, это мрак! Я что, любоваться на эту рожу ехал или базар вести? И знакомым своим эта скотина меня не пожелала знать! Знаешь, брат, я как услышал его гнилой базар по телефону — всё. Я ведь просто хотел перетереть, даже извиниться. Мирно ждал, когда он позвонит — думал, по работе... А он, сука, опять мне подлянки строить начал! Ну, мозги и рванули, как граната... Глаза замутились и я помню только одно: как я орал на него, хватал с письменного стола, что под руку попадётся, и швырял в эту ненавистную рожу, воплотившую в себе всё то, что пришлось мне пережить за этот год в «свободном и демократическом мире»...

...Потом был арест и суд, где мне накрутили: и «хулиганские действия», и «нанесение материального ущерба» (стул поломал, кадку с пальмой, чернилами эту образину изгваздал, телефон с чайником разбил и т.д.), и «покушение на честь, жизнь и достоинство гражданина США». Да плюс к тому — ещё две прибабахнутые статьи довесили: ***«Закон запрещает бить кого-либо мячом по голове»*** (там мне под руку попался теннисный мячик) и, вообще, отпад — ***«Противозаконно практиковаться в метании ножей, используя в качестве мишеней мужчин, носящих костюмы в полоску»***. Среди всего, что я швырял в этого гада, — кроме теннисного мячика, чернильного прибора и чайника с телефоном — на мою беду,

оказался ещё и нож для резки бумаги... А уж в каком костюме он был — ты въехал, брат...

И, знаешь, всё бы ещё можно было спустить на тормозах, уплатив хороший штраф. Даже адвокат уверял в этом, (а на него я бабла не жалел!) Но на суде выяснилось, что я усугубил всё дело тем, что нарушил два немаловажных закона, которые и сталиотягчающим обстоятельством дела, и привели к реальному сроку. Во-первых, **я не сообщил в полицию, когда въехал в город**, а закон гласил: **«Любой водитель, имеющий преступные намерения, обязан при въезде в город остановиться и по телефону сообщить о них начальнику полиции»**. Как тебе такое «дважды два»? Приехал, звони правоохранителям: мол, иду на дело, по такому-то адресу. Иначе — довесок к сроку! И на закуску: **«Преступник обязан устно или письменно предупредить жертву о предстоящем преступлении не менее чем за 24 часа. Отсутствие предупреждения может считаться отягчающим обстоятельством в суде»**. Вот это уже — ни в какие рамки! Да если всех предупредить, то и дел никаких не будет! Даже, элементарно, морду набить никому не сможешь — объект смоеется, а самого тебя повяжут по указанному (тобой же) адресу!!!

Вот и наскрёб я, Сёма: и статей, и отягчающих обстоятельств, и «сопутствующих нарушений закона» на полномесный «трояк» ихнего «строгача»...

...Братик мой, роднёнький, сейчас я сижу, а душа моя рвётся на свободу! Не на волю — это само собой, а именно **на Свободу!** К тебе, братан, в нашу родную, тоталитарную страну, которой пугают всех здесь, на Западе, ущемлением прав человека! Душа рвётся в наши города, леса, степи, где я могу жить — **как хочу** и делать — **что захочу**, оставаясь в рамках нашего, поистине человеческого, Закона!

Там и только там я вновь почувствую себя свободным человеком и смогу вольно дышать! Так что, Сёма, через три года встречай! Будем сваливать отсюда «хоть тушкой, хоть чучелом», но вернёмся «общипанные, но непобедимые»!

Твой брат Миша Фишман.

Штат N, окружная тюрьма.

Марина Молодцова

ПИОНЕРСКИЕ КОСТРЫ

Вам приходилось когда-нибудь держать в руках реликвии, такие, например, как номера газеты «Пионерская правда» за 28 июля 1930 г. 13 августа 1930 г. и 4 мая 1937 г.? Мне недавно довелось. Пожелтевшие, полуистлевшие, но читать возможно. Кто мог сохранить эти легендарные документы, не сгоревшие в пламени страшной Великой Отечественной войны? Только человек, до последнего дыхания преданный своему делу, инженер детских душ, ветеран пионерского движения. Да, да! Из истории это не выкинешь.

19 мая каждого года красногалстучная многомиллионная гвардия отмечала свой день рождения. Светло и радостно в этот день бывало на улицах и площадях городов и сёл всего Советского Союза. Да, мы родом из СССР. Я сама, родившись в 1944 году, всё это помню и горжусь, что я была пионеркой и комсомолкой. Два пионерских лета работала в большом пионерском лагере на 450 детей старшей вожатой. Это было на берегу реки Оки под Калугой. Пионерские костры, игра «Зарница», трудовые десанты на колорадского жука, смотры строя и песни... А теперь наши правнуки ловят покемонов, сидят до умопомрачения за компьютером, с наушниками в ушах, с матом на устах...

Природа не терпит пустоты. Убрали всё советское, а новое... Хотя, что такое — новое? Это, порой, хорошо забытое старое.

Вернёмся к уникальным номерам «Пионерской правды». Их сохранила Лидия Константиновна Ходус (Карталова), человек чрезвычайно интересный и которого я знаю больше 30 лет. Жизнь, отданная детям, пионерскому движению, воспитанию подрастающих поколений в духе любви к своей Родине. Она родилась 16 сентября 1942 года. Когда ей было 1 год и 2 месяца, её семья, вместе с солдатами, ушла «под скалу», и прожила в Аджимушкайских каменоломнях 6 месяцев. Перенёсшая все тяготы военного и послевоенного детства, коренная керчанка, пришла работать в школу в 1961 году старшей пионервожатой, и вскоре её 21-я школа была признана одной из лучших в Крыму по военно-патриотическому воспитанию. Это не удивительно. Школа расположена в районе высадки северо-восточного десанта, там вся земля пропитана кровью и напичкана железом. Посёлки Маяк, Глейки, Жуковка, помнили подвиг десантников. Ребята начинают сбор материалов для музея боевой славы, ведут раскопки, собирают доку-

менты, опрашивают жителей, очевидцев событий. На 25-летие высадки Керченско-Феодосийского десанта в школу приехало более 300 участников, в том числе и Герой Советского Союза Павел Тарасенко. Вечером на сопках было зажжено 25 костров. Три дня общались пионеры, преподаватели, жители посёлка, с участниками десанта. Возлагались цветы на братских могилах и у знака «Знамя» на высоте Тарасенко.

Разве можно такое забыть? Музей, созданный в школе №21, был признан одним из лучших в Крыму.

Было много грамот, добрых слов и в адрес вожака пионерии Л. К. Ходус. 23 апреля 1968 г. она была награждена Почётным знаком ДОСААФ СССР Центральной наградной комиссией под председательством маршала СССР Семёна Будённого.

В мае 1969 г., на очередном пионерском слёте в Симферополе, было подтверждено звание лучшего школьного музея боевой славы в Крыму. Работая директором Дома пионеров №2, Ходус Л.

К. создаёт музей пионерской славы и получает Почётную грамоту обкома партии (1969 — 1985 гг.). Перейдя в 1985 году в школу №5, совместно с коллективом она создаёт комнату боевой славы. А с 2002 г. по 2009 г. она сотрудничает в качестве внештатного инспектора с инспекцией по делам несовершеннолетних.

Будучи давно на пенсии, неугомонная Лидия Константиновна не сидит сложа руки. Это их дом по ул. Славы красиво окрашен не без хлопот Лидии Константиновны.

Это в её подъезде к 9 мая всё украшено выставками с поздравлениями ветеранам, нотами и текстами песен военных лет, стихами и рассказами о подвигах керченских воинов, различными поделками. Она знает каждого в своём доме и каждый знает её. Пионерские костры горят до сих пор в душе этой замечательной женщины.

МОРСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Слагаю страстные стихи я:
Какие краски и простор,
Морская, мощная стихия
Среди лесов, долин и гор.

Скользить по морю равнодушно
Нельзя ни взглядом, ни душой
И воле волн всегда послушный
Ласкает, балуясь, прибой.

Берёт за руки и уводит
Вдруг набежавшая волна
И от восторга душу сводит, —
И без вина она пьяна.

Спасибо, водная стихия
За то, что ты на свете есть.
Тебе пишу свои стихи я.
«Виват!» — кричу я в твою честь!

Светлана Бурова

ПТИЦА СЧАСТЬЯ Сказка на новый лад

В некотором царстве, в некотором государстве, во времена застоя, то бишь покоя, жила-была простая советская семья Воробьёвых. И, как нередко случалось в те славные времена, в этой семье родился славный мальчик, Воробьёв-младший — будущий орёл, строитель коммунизма. «Слава нашей партии!» — воскликнула мама новорождённого, впервые увидев своё чадо, и назвала сына Славой. А соседка, тётя Мура, присутствующая на именинах, предсказала ему высокую зарплату и профессию лётчика.

Прошли годы, птенчик вырос, но стал не орлом и не лётчиком, а обыкновенным служащим с минимальной зарплатой и высокими запросами. И вот однажды тихим летним вечером простой советский служащий Слава Воробьёв сидел у открытого окна с протянутой рукой, ждал, когда ему на ладонь упадёт звезда, чтобы он загадал желание.

А в это время мимо пролетала некая рассеянная Птица Счастья, помогающая тем, кому надо, а чаще — кому не надо. Тут-то Слава и схватил Птицу за хвост. И вдруг она заговорила человеческим голосом: «Мил человек, опаздываю на очередную передачу «Поле чудес», отпусти меня, а я выполню любое твоё желание». «Хочу летать, как ты», — выпалил Слава, ведь в его стране люди мечтали попасть на небеса ещё при жизни. И Птица подарила ему два чудесных крыла. При-

крепил их Слава к спине и спрыгнул с крыши своей пятиэтажки, потому что доверял Птице Счастья так же, как и правящей партии. Но Птица, в отличие от партий, обещания выполняла, и Слава полетел не вниз, а вверх, прямо на небо. Не успел он прийти в себя от восторга, как налетели на него «чёрные вороны» — местные папарацци, принявшие Славу за неопознанный летающий объект. Испугался крылатый путешественник, но сообразил, что нужно звать на помощь добрую Птицу Счастья, ибо в небесной пустыне больше никто не услышит его слабый глас. И Птица, обладающая неземной интуицией, не заставила себя ждать. Набросила она на голову своего подопечного шапку-невидимку, и тот благополучно ушёл от погони. А шапка перекочевала из музея «Поля чудес» в его личный гардероб.

Минуло ещё несколько лет. Вот уже и застои с однопартийной системой ушли в прошлое, а по улицам самоуверенно разгуливала перестройка. И Славе Воробьёву пришлось-таки спуститься с небес на землю и взглянуть в глаза действительности, а именно: жены и начальства. Жена требовала денег и внимания к себе, начальство требовало внимания к работе и безразличия к деньгам. Позвал Слава Птицу Счастья и потребовал спокойствия. «Ноу проблем», — сказала беспечная Птица и протянула пакет со сладкими пилюлями. Накормил Слава жену этим зельем, и она сразу воспылала к мужу ненавязчивым чувством бескорыстной, почти собачьей любви. Начальство же, откушав чайку из рук услужливого подчинённого, стало таким любезным, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И разрешило лететь на все четыре стороны.

И вот как-то при очередном путешествии над грешной землёй Слава посмотрел вниз более пристально, и то, что он там увидел, неприятно поразило его. Это была безобразная свалка мусора, на которой копошились какие-то убогие существа, а точнее, нищие, доживающие свой век на свалках.

Будучи постоянно оторванным от земли, Слава не заметил, что уже и перестройка отговорила своим весёлым языком, а ей на смену пришёл то ли капитализм с элементами рабовладельческого строя, то ли рабовладельческий строй с элементами капитализма. Кривая уровня жизни резко упала вниз, а

до обещанного конца света оставалось катастрофически мало времени. Приземлился Слава на пенёк и горько заплакал. А Птица Счастья тут как тут. Примчалась прямо с очередного банкета. Гладит своего любимчика крылом по голове и поёт: «Ты скажи, чо те надо, может, дам, чо ты хошь». «Хочу то, не знаю что», — сказал Слава и с возмущением указал на мусорную свалку. Волшебница умела читать мысли, поэтому поняла, чего хотел её сердобольный друг. Поставила она перед ним мешок с долларами для раздачи милостыни и улетела за тридевять земель загорать на солнечный остров, чтобы подсушить свою подмоченную репутацию. Только помахал Слава вослед разлюбезной Птице, как увидел у ног своих необычные розовые очки, которые обронила она при взлёте. Надел их счастливчик на глаза, и безобразная свалка показалась ему цветущим кустом роз, а грязные убогие нищие — прекрасными беззаботными бабочками. Улыбнулся Слава, и слёзы его тут же высохли. А мешок с милостыней перекочевал в его вдруг оказавшийся безразмерным карман.

С тех пор герой этой сказки стал жить-поживать и добро наживать. И пиры пировать. Депутатский мандат приобрёл и сладкими пилюлями своих избирателей подкармливал, под шапкой-невидимкой — грехи скрывал. А к розовым очкам так привык, что не видел без них дальше своего носа. Только чудесные крылья — первый подарок Птицы Счастья — пылятся на чердаке его нового особняка. И теперь ими пользуются разве что дряхлые, не желающие уходить на покой привидения. А настоящий хозяин крыльев отрёкся от неба, он нашёл своё иллюзорное счастье на земле.

2000 г.

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Зима решила на прощание
Тряхнуть снежком на склоне дней.
За праздник снегосозерцания
Я очень благодарна ей.
Забыть о сказке не готова,
Она как луч в пещерной тьме.
Одежда белая, парчовая
К лицу задумчивой зиме.
К лицу и небо светло-синее,
Деревьев серебристый цвет.
Но та, что всех невест красивее,
Сегодня здесь, а завтра — нет.
Пригреет солнце — снег расплавится.
Ему величья не вернуть.
Прощай, зима! Ступай, красавица!
Природа в новых красках явится.
Весны дождёмся как-нибудь.

ВЕСНА

Конец зиме! Пора очнуться
От продолжительного сна
И, хмурость сбросив, улыбнуться
Тому, что вновь пришла весна.
Открыть навстречу солнцу окна,
Квартира сумрачно тесна.
Весь мир, уставший и поблёклый,
Украсит, обновит весна.
Куда плывём мы и откуда?
Что нам готовят времена?
Одна надежда есть на чудо,
Ему название — весна.
Кривая жизни то тревожна,
То вдруг горька, то вдруг пресна.
Но счастье кажется возможным,
Когда приходит вновь весна.

ПЕВЦЫ ВЕСНЫ

Я забываю всё, когда они поют.
Меня пьянит таланта волшебство
Певцов весны, что поселились тут,
Как раз напротив дома моего.

Среди деревьев пышных и кустов
Приют залётных этих мастеров.
О чём же распевают соловьи?
О Родине, о воле, о любви?
Иль тёплых дней приветствуют приход?
Они поют — и тает в сердце лёд.

И кажется, что нет милей чудес,
Чем вешний Крым, чем свет его небес,
Чем моря синь да зелени разлив,
Чем птичьих трелей радостный мотив.

Я вспоминаю всё, когда они поют.
Как будто бы лета идут волною вспять.
И блекнет суета, и легче тяжесть пут,
И приглашает май в свой рай опять.

МНЕ ИНТЕРЕСНО НАБЛЮДАТЬ

Мне интересно наблюдать,
Как ветер бегаёт по травам;
Хоть травы стелются вертляво,
Но с ними трудно совладать.
Мне интересно наблюдать,
Как облаков висят перины
И туча в образе дельфина
Меняет имидж, так сказать.
Мне интересно наблюдать,
Как без страховки чайка-птица
Гимнасткой в воздухе резвится.

Жаль, ей медали не видеть.
Мне интересно наблюдать,
Коль есть досуг — мечта поэта,
За поединком тьмы и света
И за развитием сюжета
Поэмы песен в двадцать пять.
Мне интересно наблюдать.

ЗОВ ОСЕНИ

Ещё деревья зелены,
Но скоро ждёт их перемена.
Пустеют пляжи постепенно
Под монотонный плеск волны,
Да голос чайки — местной птицы,
Порой и карканье ворон
Уже с утра тревожит сон,
И с ним приходится мириться.
...Сентябрь. Бархатный сезон.
Кому-то грусть, кому — отрада.
Ночей желанная прохлада
И в даль зовущий горизонт.
Есть странствий дух, и потому
Так рвутся все гулять по свету.
А мне нельзя. Мой клад не где-то.
Он здесь, средь осени, в Крыму.
К чему роптать? Жара спадёт.
Недолго ей осталось, грешной.
Тогда уйду из кельи тесной
В тот храм, где купол — небосвод.
Где не торопит время дни,
Где отцветают в пёстром блеске
Аллеи, рощи, перелески,
Садам причудливым сродни.
И, может, осенью дыша,
Любимой пушкинской порою,
Я двери в вечность приоткрою,
И явится его душа.

*Елена
Бондаренко*

ДЕНЬ ПАМЯТИ

19. 07. 2017 года Людмиле Викторовне Храмковой исполнилось бы 65 лет. В субботу 22 июля в библиотеке им. Белинского Молодцовы (Сергей и Марина) организовали в её честь День памяти.

Под портретом Людмилы Храмковой зажгли свечу, поставили два тома её книг «Серебряная память России», вазу с цветами, а на широком экране кинопроектора менялись её фотографии из личного альбома семьи Молодцовых.

Народу собралось много — полный зал. Я видела в первых рядах: писателя Василия Яковлевича Маковецкого, писателя Владимира Зайцева, поэта Ларису Алексееву и прочих творческих и неравнодушных людей.

Первым предоставили слово её близкому и очень давнему другу Владимиру Бубликову (Тавр) — поэту, путешественнику и публицисту. Владимир специально приехал из Ленино в Керчь, чтоб поприсутствовать на этом дне и сказать то, что сказал. Именно он (совместно с Валерием Гаевским) занимался выпуском и спонсированием двух томов «Серебряная память России» Людмилы Храмковой. Первый том вышел спустя всего десять дней после её ухода, второй чуть позже. Как жаль, что Люда их не увидела — изумительные получились книги!

Тавр говорил коротко, но ёмко. Сказал, что с Людмилой они дружили и поддерживали отношения почти тридцать лет.

Вспомнил как они вместе боролись и победили, отстаивая сворачивание строительства атомной станции на территории курортного посёлка Щёлкино. Рассказал о том периоде жизни, когда Людмила работала в прокуратуре. Он с гордостью сказал, что Людмила кристально честный человек, а тогда в лихие девяностые, такие становились помехой — их отстраняли, а в случае с Людмилой вовсе устроили охоту с целью её физического устранения. Руководству Л. В. Храмковой пришлось выдать ей личное оружие для самообороны. Слава Богу ничего плохого не случилось. Её тогда запрятали, переведя на новое место службы в другой город и этим спасли ей жизнь.

Помню, она мне рассказывала об этом. Ей тогда выдали газовый пистолет, который она в дальнейшем кому-то подарила, и газовый баллончик — его она отдала мне.

Тавр рассказал, что в Керчи она, как грамотный и весьма квалифицированный юрист, активно приняла участие в выборах президента Мешкова. В безумной борьбе и жутком противостоянии, казалось бы, неравных сил — он победил, но... не оправдав ожиданий избирателей — сбежал, чем в немалой степени оскорбил и ранил Людмилу...

Владимир сообщил, что во второй том её книги «Серебряная память России» он счёл необходимым поместить, как ему казалось, утерянный рассказ Людмилы Храмковой «Палящие снега». Она когда-то очень давно дала ему этот рассказ для прочтения. Он никуда не вошёл и пропал среди рукописей автора. А тут мистическим образом нашёлся! Пожелтевшие, местами затёртые до нечитаемости напечатанные вручную листочки первого в её жизни рассказа. Конечно же Тавр не мог этим не воспользоваться.

Я прочла оба тома и этот душевный рассказ — очень личная, кровью и сердцем написанная история: любви, боли и потери...

Под конец Владимир сказал, что очень ценил их дружбу и глубоко уважал Людмилу как умного, талантливого, порядочного человека, и сильную, волевою женщину.

Прощаясь, Тавр, пожелав нам всем успехов и удачи — удалился. Спешил на пригородный автобус в Ленино.

Затем слово взял Сергей Молодцов, руководитель керченского отделения Союза русских писателей Восточного Крыма. Он вспоминал как они с Людмилой обменивались дружескими шаржами друг на друга. Сказал, что всегда представлял Людмилу как хрустальную вазочку: хрупкую, нежную, тонко чувствующую. Сказал, что в каждом её стихотворении слышна музыка и он с большой избирательностью и осторожностью выбрал одно из её стихотворений и подобрал к нему музыку, подготовил к просмотру домашнее видео с записью песни. Мы увидели и услышали чувственное исполнение вальса. Настолько тепло он был исполнен — думаю, Людмиле бы он очень понравился. Я даже представила, как бы она подскочила со своего места, подхватила Сергея и смеясь, закружила бы его в «Белом Вальсе»!

Искреннее и такое трогательное исполнение песни и речь Молодцова растрогали народ в зале до слёз.

После говорили другие люди. Прочли эмоциональное и трогательное послание Татьяны Левченко и Алексея Вдовенко, руководителей лито «Ли́ра Боспора». Марина Збараг прочла свой стих «Когда уходят лучшие из лучших» посвящённый Людмиле. Выступила коллега Людмилы по университету, где Л. В. Храмова долгое время преподавала право. Затем Марина Васильевна предоставила слово давней подруге Храмовой — Людмиле Костоусовой с которой они дружили сорок лет. Та показала папку со стихами Людмилы, которую она бережно хранит много лет. Показала черно-белые фотографии себя и Люды в возрасте 25 лет.

Я с большим трудом узнала на этом фото Людмилу. Мы все привыкли воспринимать её как яркую голубоглазую блондинку, а на фото она оказалась с высокой причёской, темноволосяя, чернобровая красotka с глубокими тёмными глазами.

Людмила Костоусова прочла одно из стихотворений подруги и скромно вернулась на место.

Со мной рядом сидела ещё одна близкая подруга Людмилы — Мария Михайловна Подлесная. Она перебирала пальцами пожелтевшие странички печатных листов Людмилиных стихов разных лет и тихо всхлипывала, а после выступления двух замечательных бардов — Ольги Шапран и Анны Ним

(дуэт «Острова») и вовсе разрыдалась! Они исполнили две песни на стихи Людмилы Храмковой из сборника «Нас вечность слышит». Когда Маше предоставили слово она ничего толком не смогла сказать — мешали переполнявшие её эмоции и боль утраты, не оставляющая её ни на минуту! Сказала, что находилась рядом с подругой в больнице, где ей сделали операцию на сердце и после, когда Люду выписали, она часто находилась рядом с ней. Что до сих пор не может смириться и принять её неожиданный уход...

А я смотрела на портрет Людмилы, где она тихо улыбалась и мысленно разговаривала с ней, сожалея о случившемся, прося прощение. Слезы дорожками скатывались по лицу и я с трудом сдерживала рыдания. Накануне этого дня мы с мужем ездили на её могилку. Венки не убраны, много цветов, крест и ажурная оградка... Видимо её установила младшая сестричка, живущая на родине Людмилы — в Саратове.

Когда мне предоставили слово, я, вроде бы, уже успокоилась, но стоило выйти и начать говорить — ком в горле парализовал речь, и я ни слова не могла сказать — душили слёзы. С большим трудом справившись с нахлынувшими эмоциями, я сказала, что во втором томе «Серебряной памяти России» есть моя статья «С храмом в душе» в которой я написала о своих воспоминаниях, о нашем знакомстве, дружбе и разногласиях. Статью немного сократили, но всё же она там есть. Дальше я говорила обо всём, но очень сумбурно, боясь, что снова сорвусь и начну рыдать прямо перед этими людьми. Я успела сказать, что вышедшие после ухода Людмилы два тома «Серебряной памяти России» это мистика или Божественное вмешательство — не иначе. И это вполне в духе самой Людмилы — она верила в такие вещи. Что последние годы она усиленно работала над трилогией «Серебряной памяти России» и по содержанию, и наполнению этим книгам, кроме её же, написанной, и изданной ранее «Серебряная память Коктебеля» — нет равных! Что те опечатки, повторы и помарки в тексте книг говорят о том, что она очень спешила их издать. **ОЧЕНЬ СПЕШИЛА!** Видимо, она, как все творческие люди, чувствовала, что у неё осталось не так много времени. Она

успела отдать (через Тавра) материал на два тома книг Валерию Гаевскому — издателю из Симферополя, а третий остался в компьютере. Этот материал нет никакой возможности отсюда достать — он запаролен. Увы...

Я говорила, что только сейчас поняла с какой болью Людмила воспринимала пародии на её стихи, особенно от тех, кого она считала друзьями. Меня поразила в полголоса произнесённая фраза Марии Подлесной, когда Молодцов рассказывал о том, что он, иногда, писал на её стихи пародии. Маша на это тихо сказала: «Ага, если бы Вы только знали, что с ней происходило после ваших «дружеских» пародий!» И только тут до меня дошло! Я ведь считала, что пародии — это нормально и в этом нет ничего обидного и страшного, но нет! — не в отношении Людмилы! Храмова среди нас слыла человеком, закрытым от посторонних ушей и глаз, сдержанным в личных отношениях, новых знакомствах и дружбы. А вот стихи её — совсем другая история! В них она оголялась настолько, что страшно было прочесть их с другой интонацией. Она была слишком незащищённой в них! Слишком тонко чувствовала и писала оголённым нервом! И вот когда на такие откровения души писали «дружеские» пародии её тонкая «шагреновая кожа» не выдерживала — она рвалась! Можно только догадываться, что она чувствовала в такие моменты. А ведь я тоже пыталась написать пародию на её ляп в стихотворении «Жажда» — «Но сможешь ли принять две полных чаши рук?!»! Когда она об этом узнала — ей было очень больно! А я не понимала почему... Осознание пришло слишком поздно...

Под конец выступления я снова не смогла сдержать слёз и не сказала главного, о чём очень хотелось выговориться. Не сказала, что Люда была очень грамотным и очень эрудированным человеком и эти две книги, вышедшие уже после смерти, тому доказательство. Она перелопатила гигантское количество литературы в собственной обширной библиотеке и библиотеках города, в интернете, чтоб рассказ о каждой творческой личности серебряного века был эмоционально наполненным, понятным, живым. И у неё это получилось.

Я не сказала о том, что благодаря Людмиле я, задолго до личной встречи, познакомилась с творчеством талантливого и самобытного поэта под псевдонимом — Тавр (сегодняшний гость Владимир Бубликов). А также с творчеством прекрасного крымского поэта Константина Фролова, с которым Люда поддерживала дружеские отношения. Через неё, через её восприятие людей и мира, я приняла, прочувствовала и полюбила её серебряников, а в особенности: Марину Цветаеву и Николая Гумилёва. С ней я стала богаче духовно.

Дуэт «Острова» завершил вечер памяти двумя грустными, но трогательными песнями на стихи Людмилы Викторовны Храмовой.

Свеча догорела. Экран с фотографиями потух. Все тихо расходились по домам...

Ко мне подошёл Владимир Зайцев, сказал, что я хорошо говорила, «всё правильно — молодец!» Ну что же... сказала не совсем то, что хотела, но и это немного услышали.

Я не стала никого ждать — хотелось побыть наедине со своими мыслями. Шла домой, прокручивая в голове этот вечер и сожалея о том, что не сказала, как сильно дорожила нашей дружбой и как сильно мне её не хватает! Что я часто плачу и мысленно разговариваю с ней... Что мне не важно общались бы мы сейчас или нет — главное знать, что она жива, здорова и с ней всё в порядке, что она есть в этом мире! Радуетесь, любите, творите, дышите этим воздухом, смотрите на звёздное небо, любуетесь восходами и закатами!

Ничего не вернуть, не исправить, не переписать — что случилось, то случилось... Греет мысль, что человек жив до тех пор, пока о нём помнят. А я помню, её помнят близкие и родные, друзья и коллеги, и эти люди они тоже помнят, и будут помнить поскольку творческое наследие Людмилы велико, а это лучше любого самого дорогого памятника в мире!

Светлая тебе память, Людмилка...

2017 год.

НОЧНАЯ ВАКХАНАЛИЯ

Лето. Конец июля. Жара и духота страшные! Засыпала долго, с большим трудом провалившись в короткий, беспокойный сон. В три часа ночи подскочила от ужасного лая и дикого, животного воя! Настежь распахнув окно просто оглохла от огромного количества собачьего ора вопящего во все глотки! Они лаяли, хрипели, рычали и под конец начали выть! Да так жутко, протяжно, громко и с таким многоголосьем — мрак! Стало безумно неприятно и даже страшно. По спине поползли предательские мурашки, нагоняя тревожные мысли... Я не могла разглядеть животных — пышные кроны кустов и деревьев вдоль дороги, и в сквере не позволяли это сделать. Минуты через три-четыре всё также внезапно стихло, лишь единичный лай нарушал тишину, да вдалеке всё ещё лаяли разбуженные дворовые псы.

Я снова улеглась в постель, но сон не шёл. Вспомнился похожий и очень странный случай. Это произошло несколько лет назад толи поздней осенью, толи ранней весной, помню, что деревья стояли лысые. Я заработалась за компьютером допоздна. Город уже погрузился в глубокий сон — тишина, изредка нарушаемая шуршанием шин проезжающей машины. И вдруг эту первозданную, ночную тишь взорвал неимоверно громкий и жуткий лай, переходящий в скулёрж и вой! От неожиданности я вздрогнула и сразу же бросилась на балкон!

Недалеко от дома, возле сквера, на бетонной площадке собралось порядка двенадцати псов всех мастей. Они отчаянно лаяли друг на друга или на кого-то ещё — не разобрала. Один фонарь горел ближе ко мне, а другой за ними, но на приличном расстоянии. Я видела мечущиеся тени и силуэты, и дикий, совершенно невыносимый лай с подвыванием! И вот, что ещё удивило, их глаза горели разным цветом — у одних красным, а у других серебристым, почти белым! Они рычали, визжали, лаяли и выли одновременно! Полная вакханалия звуков! Минут через десять стая рванула куда-то в сторону озера и всё стихло. Снова воцарилась тишина изредка нарушаемая далёким лаем разбуженных собак из частного сектора. Почему собаки так лаяли, на кого?!

Вспомнилась давняя заметка крымского писателя-классика Василия Яковлевича Маковецкого. Он писал о шакале, каким-то странным образом приплывшем на остров Тузла, тогда этот остров местные называли Средняя коса. Сейчас через остров проходит девятнадцатикилометровый мост соединяющий Тамань с Крымом. Да и деревни там уже нет с того времени, когда Россия начала свой, смыываемый в море, берег укреплять щебнем и галькой. Тогда украинские власти раздули такую жуткую истерию — кошмар! Со всех каналов кричали, что остров пытаются отобрать россияне, что это оккупация, произвол, караул! Местных выселили, а на острове расположилась украинская пограничная воинская часть с целью предотвращения агрессии русских.

Но рассказ как раз о том времени, когда деревня на острове существовала и этот шакал устроил там дикий переполох! Загрыз и изувечил нескольких овец, довёл до иступления и бешенства дворовых собак, и немало нагнал страху на людей! Раздосадованные местные устроили на него охоту, но напрасно — шакал уплыл обратно в таманские степи. Маковецкий сам поехал на остров и по горячим следам написал весьма интересную заметку в популярной газете.

После народ шушукался, что в нашем аджимушкайском лесу тоже видели небольшие стаи мелких, степных то ли волков, то ли шакалов. Так вот подумалось: уж не степные ли волки, а может и шакалы так напугали, и разозлили наших бродячих собак, что те ошалели от возмущения, и злости?! И чем был вызван такой переполох и лай сегодня в три часа утра? — Ммда... Тайна...

ТОНКАЯ НИТЬ

Когда метель мела и вьюга
В наш домик ветхий забралась —
Мы берегли тепло друг друга
И нить меж нами не рвалась.

Мечталось: вдруг весною ранней,
Как первоцвет из-под льда
Любовь проснётся и воспрянет
И приживётся навсегда.

А с нею возвратится нежность
И поцелуев жаркий стон,
И ласок утренняя свежесть,
Что кружит в неге вальс бостон!

Но март скользнув — завяз в апреле —
Найдя свой камышовый рай.
Любовь запуталась в неверии
С надеждой вглядываясь в май.

Зарема Дагой

* * *

Пляжи райские Керчи,
Краски шёлковой парчи.
Золотистые пески
Душу лечат от тоски.
Впечатлений череда, —
Не забудешь никогда,
Как закаты и восходы
Посвящают морю оды.
Так здесь чудно и привольно,
Что покажется невольно —
Блеснёт русалка на волне...
Нептун стоит на корабле...
Пират на шлюпке вдалеке,
Сидит на жёлтом сундуке...
Над морем князь Гвидон летает,
Царя Салтана поджидает...
Царевна Лебедь выплывает,
Звездою волны освещает.
А рядом дядька Черномор, —
Он как всегда несёт дозор.
И тридцать три богатыря
Выходят из моря не зря —
Сей Город древний навестить,
У Митридата погостить...

И в сонно-призрачной тиши
Мелькнут они как миражи
И растворяются в мирах —
Многоугольных зеркалах...

* * *

Керчь прекрасна, как жар-птица,
Синекрылая царица,
Величава и мудра,
И рука её щедра.
Город двух морей зовёт.
Двадцать шесть веков — полёт.
Корабли — как облака,
Из разных стран плывут сюда.
Многоязычный переплёт
Слышен под дыханье вод,
Флагов радужный парад
Тешит её царский взгляд.

* * *

Играет грустно наш скрипач,
И в каждом звуке слышен плач.
Сжигая душу на огне,
Поёт о милой стороне
И о страдании народа,
И как нужна ему свобода.
И столь отчаян этот крик,
И скрипача печален лик,
Слезами горькими умылся.
Он вздрогнул, вдруг остановился,
Рукой дрожащей скрипку сжал
И как ребёнок зарыдал.

* * *

Много и трудно мы копим добро.
Всю жизнь словно псы охраняем его.
Не замечаем мы этих оков
И сами себя превращаем в рабов.

* * *

По талому снегу, по скользкому люду
С далёкой чужбины домой я иду.
А в небе как ворон кружится беда.
Чернее чем смоль оказалась судьба.
Иду я к тебе, о, родная земля.
Теперь только смерть остановит меня.
Ветер мне брат, а дорога — сестра.
И вместе со мною моя хайтарма.¹

* * *

Я не знаю, о чём
Спорит осень с дождём,
Освещая мне путь
Рыже-алым лучом.
Я иду под зонтом,
Укрываясь плащом,
Знать хочу об одном —
Кто владеет огнём?

¹ *Хайтарма — танец возвращения.*

* * *

Играла осень в преферанс
Со звёздным небом под луною,
И ветер пел для них романс,
Всё оставляя за чертою.
Шумела страстная игра
В ночи глубокой до утра,
Но постепенно всё стихало,
И осень, вздрогнув, проиграла.
И дождь прогнал бедняжку прочь,
Ей не посмел никто помочь.
Она ушла с любимой сцены,
Нам не оставив даже тени.

* * *

Призадумалась зима:
Не пора ли в путь с утра?
Иль умчаться в эту ночь
В ледяной карете прочь?
Уступить весне дорогу.
Я, конечно, слава богу,
Показала свою власть,
Похозяйничала всласть.
Но устала что-то очень.
Я б осталась, между прочим,
Но нахмурилась луна,
Недовольна и весна.
Видно, мне уже пора
Убираться со двора:
Март-красавец смотрит грозно.
Нет, уйду, пока не поздно.

* * *

Последний кленовый листочек
В холодной вздыхает тиши,
Вспоминая весну.

* * *

Дух великих гор,
Зовущий в великолепие,
Непредсказуем.

* * *

Боль минувших лет
Не утихает во мне.
Время бессильно.

* * *

Времени скользящие мгновенья
Более быстры, чем думаем.
Жизнь коротка.

ВОЛШЕБНИЦА

(сказка)

В давние-предавние времена жил на свете хан. Звали его Али. Жена родила ему пятерых сыновей, но после рождения последнего мальчика заболела и вскоре умерла. Остался Али одиноким, потому что никак не мог найти себе новую жену, которую полюбил бы с такой же силой.

Шли годы, сыновья выросли, вот уже четверых хан женил удачно. И теперь подыскивал подходящую пару младшему сыну, Аджали. Долго он думал, прикидывал, с кем из знатных соседей надо бы породниться, беда была только в том, что отвергал Аджали всех поблизости невест.

Пригласил хан своего мудрого престарелого дядю, чтобы посоветоваться. После долгих размышлений, родственник предложил посетить ханов из отдалённых земель: возможно, найдётся у соседей дальних девушка-невеста на выданье.

Долго ездил дядя, и наконец Али дождался его возвращения. Есть, сказал тот, в дальнем небольшом ханстве девушка красивая и умная. Но вот как отнесётся к этому сам Аджали... И решили они, что возьмёт в следующую поездку дядя племянника, будто бы для знакомства с соседями, и словно невзначай покажет ему эту красавицу, чтобы ханский сын якобы самостоятельно выбрал себе невесту. Не знали ни хан, ни дядя, что любит Аджали девушку из семьи небогатой, хоть и благородной, и ради своей любви готов он на всё. Так и сделали. Под предлогом важных государственных дел Аджали с дядей уехали.

А хан тем временем решил проверить, как живёт его народ: так ли хорошо, как ему докладывают. Переоделся он в одежды простолюдина, сел на старую лошадь и поехал куда глаза глядят. Где остановится на отдых — в чайхане ли, в заезжем доме, — всё разговоры затевает: как, мол, дела идут, чем, возможно недовольны люди. И всё отмечал для себя. Иной раз кто-то в беседе пожалуется на жадного купца, норовящего за каждую чашку риса, тюк шерсти с бедного люда побольше куш сорвать, — запоминал этого купца Али, чтобы, вернувшись потом во дворец, отдать должные распоряжения, наказать стяжателя примерно. Или бай у бедных жителей аула там-сям поотхватывал где пашни клоч, где пастбища уголок, да всё получше. И эти случаи отмечал Али. Но чаще слышал он о своём правлении отзывы благожелательные, мол, стог хан, но справедлив, да пошлёт ему Аллах долгих лет правления в благоденствии.

Так что, по окончании своего путешествия возвращался хан в свой дворец в настроении благодушном. И вдруг донеслась до его слуха песня, да такой дивной красоты голосок её выводил, что затрепетало сердце хана, захотелось ему немедля увидеть девушку, так удивительно песню эту поющую.

Придержал он лошадь у дома, откуда песня неслась и слушал, зачарованный.

Внезапно песня оборвалась и на пороге дома появилась девушка красоты неопишуемой. Увидел её хан, и сердце его замерло, полюбил он красавицу с первого же взгляда и решил: «Я женюсь на ней, она скрасит мою старость».

— Вы бледны, — промолвила девушка, глядя на странного прохожего, не сводящего с неё глаз. — Вам плохо? Я сейчас вынесу воды!

— Да, — ответил переодетый хан, — что-то очень жарко сегодня, принеси, красавица, водицы усталому путнику.

Девушка вынесла пиалу с холодной ключевой водой и подала ему. Хан медленно пил воду, а сам не отводил глаз от её прекрасного лица. Девушка смущённо прикрывалась краем платка.

— Ты здесь живёшь? — спросил Али.

— Да, — коротко ответила незнакомка.

— А как тебя зовут?

— Зоре.

— А кто же твой отец, Зоре? — продолжал спрашивать хан, девушка смущалась ещё больше от настойчивого внимания постороннего мужчины.

— Мой отец купец, — ответила она и добавила, принимая пиалу из рук хана: — Вам уже лучше, Вы можете продолжать свой путь без посторонней помощи.

— Спасибо тебе, Зоре, — улыбнулся Али. Ему так хотелось тут же посадить красавицу рядом на коня и немедленно увезти во дворец.

«Да что же это?! — изумлялся он себе, — Словно сон какой-то! Немало красавиц видел я на своём веку, но никогда так не волновалось сердце моё! Даже к матери своих сыновей никогда ничего подобного не испытывал: женился в своё время по воле родителей, полюбить за годы жизни так и не сумел... Уж думал — и нет никакой любви на свете, и вот, на старости лет, Всевышний решил надо мной подшутить... Нет, обязательно нужно жениться на этой девушке, а потому нельзя обидеть её неуважением к её скромности». И, торопливо дёрнув вожжи, он направил своего коня вдоль улицы, только ласково улыбнувшись смущённой Зоре.

Шли дни, и с каждым днём всё сильнее разгоралась любовь хана к Зоре, порой, без видимой нужды, проезжая через город, он сворачивал коня на знакомую улицу в надежде увидеть свою возлюбленную. Удивлялся этим поездкам визирь, сопровождающий хана, но не его дело указывать правителю,

где тому ездить. Пару раз Али и вправду видел девушку, выглядывающую из дверей дома, не решаясь выйти на улицу, пока хан не проедет: в узкую щель приоткрытой двери знакомого дома улавливал хан робкий взгляд на прекрасном личике. Девушка, конечно, не могла узнать в хане давешнего усталого путника. Каждый раз сердце хана замирало сладостно и начинало трепетать в никогда прежде неизведанном чувстве. «Подожду, — успокаивал он себя. — Вот вернётся сын с невестой, сыграем свадьбу, — сначала ему, а следом и нашу с прекрасной Зоре...»

И вот этот день настал. Сын вернулся во дворец, однако, один и без дяди, побоявшегося сразу явиться на глаза племянника-правителя, ибо не выполнил поручение того должным образом. Позвал Али сына к себе в покои, стал расспрашивать о поездке, что там и как, и словно вскользь, задал ему вопрос: не встретил ли Аджали себе подходящую невесту в этих странах, потому как пора, пора уже ему жениться.

— Дядя говорил мне, что вы выбрали мне невесту в дальнем ханстве, — пожал плечами Аджали. — Видел я её: замечательная девушка, недурна, нраву покладистого. Но, отец, если обязательно нужно мне жениться, то незачем ездить мне в дальние края, потому как люблю я всем сердцем девушку из нашего города, к ней и отправлю сватов с твоего позволения.

Нахмурился Али такому решению сына, но, вспомнив себя молодого, решил не препятствовать самому младшему, только спросил, достойного ли рода избранница. Аджали заверил, что род девушки вполне достоин породниться с ханом и порешили к концу месяца, в благоприятный к тому день просватать избранницу сына и не откладывая в долгий ящик, сыграть и свадьбу.

Хану не терпелось воссоединится и со своей возлюбленной. И, решив, что, поскольку со свадьбой сына уже всё определилось, он отправил главного визиря с торжественным сопровождением в дом купца — отца Зоре с указанием привезти девушку сразу во дворец. Так и сделали. Правда, девушка была очень опечалена этим сватовством и потому не скрывала горестных слёз, когда в сопровождении высоких сановников шла через двор ханского дворца к предназначенной невесте

покоюм. И тут её увидел отдыхавший в тени лёгкого шатра Аджали.

— Зоре, милая! — вскричал он, подбегая к своей возлюбленной — а это, на беду, оказалась именно она. — Что ты делаешь здесь, во дворце? Почему ты плачешь?

— Ах, Аджали, — зарыдала девушка, — меня просватал старый хан, твой отец и велел привести сюда.

— Не может быть! — изумился Аджали. — Ты, наверное, что-то не поняла: это я, с благословения отца, должен засылать к тебе сватов.

— Простите, принц, — отстранил Аджали от невесты главный визирь. — Но эта девушка невеста Вашего отца и завтра будет свадьба.

— Как так?! Не может быть! — вскричал юноша и бросился в покои отца. — Отец, как ты можешь так поступить со мной?! — воскликнул он с упрёком. — Ведь ты дал разрешение на мою свадьбу с Зоре. И вдруг я узнаю, что ты сам решил на ней жениться! Отец, мы с Зоре давно любим друг друга, ты не должен мешать нашему счастью.

— Зоре моя возлюбленная! И станет мой женой! — в гнев вскричал хан. — И никто, даже ты, родной сын, не посмеет отнять её у меня.

— Посмею! — вскипел сын, в запале потянувшись к кинжалу на своём поясе. — Ты обманом завладел моей невестой.

— Ты смеешь мне угрожать?! — от хана не ускользнул этот жест, и мрачнее страшной грозовой тучи сделался лик его. — Ты ответишь по заслугам, я не посмотрю — сын ты мне или не сын. Эй, стража! В темницу его! — гневно указал Али на своего сына прибежавшим стражникам.

Бедную Зоре отвели в её новые покои. Бессильно упала она на подушки, горько рыдая над своей судьбой и над судьбой любимого. Ведь за угрозу жизни хана следовало одно наказание — казнь.

Вечером хан навестил невесту, был с нею ласков, спросил не нуждается ли она в чём либо, хватает ли ей нарядов, украшений и благовоний.

— О, хан! — взмолилась девушка! — Помилуй своего сына! Если ты казнишь его — не будет мне жизни на этом свете, а тебе счастья!

— Ты любишь его?! — посуровел Али, отворачиваясь от плачущей девушки. — Нет, никогда и никому не позволю я стать мне на пути. Мой сын угрожал мне кинжалом! Ни о каком помиловании речи быть не может. — И уже выходя, бросил коротко: — готовься, сразу после казни преступника играем свадьбу.

Всю ночь проплакала Зоре, не смыкая глаз. Молила Всевышнего, чтобы спас любимого. Вот уж рассвет близится, услышала девушка, как побежали по улицам ханской столицы глашатаи, оповещающие народ о предстоящей казни преступника и свадьбе хана-правителя.

«Ах, нет справедливости в этом мире!» — горестно вздохнула она. И вдруг вспомнила как мать ей рассказывала о дальней родственнице:

— Агдалия, — говорила она, — давно-давно сбежала из дому и пошла в ученицы к известной колдунье-волшебнице. Стала ли она сама волшебницей — сказать не могу, но однажды случилась со мною большая неприятность, и никто не мог помочь, обратилась я мысленно к Агдалии, и — так странно: среди ночи тёмной прилетела ко мне бабочка, радужная, прекрасная, покружилась вокруг меня и исчезла. А утром оказалось — все мои неприятности испарились, так, словно ничего и не было. Я никому не рассказывала, доченька, об этом, но так было...

Встрепнулась Зоре и с последней надеждой сложила ладони свои в молчаливой молитве неведомой Агдалии. «О, великая волшебница, к тебе обращаюсь в надежде последней с мольбой о спасении моего возлюбленного... и... меня — от несправедливого решения хана-отца. Он хороший хан, но любовь и гнев затмили разум его... А ведь он потом всю оставшуюся жизнь будет укорять себя за казнь родного сына. Мою тебя, Агдалия, спаси нас всех: меня, Аджали и отца его Али...»

«Доброе твоё сердечко, милое дитя!» — услышала вдруг девушка нежный тихий голос, и крупная бабочка с радужными

крыльями запорхала вокруг, осыпая её голову сверкающей пылью. Миг, — и вот, вместо бабочки сидит уже рядом на подушках прекрасная девушка... нет, зрелая женщина... нет, вовсе престарелая мудрая ханум... ах, нет же, девушка...

Зоре провела рукой по заплаканным глазам: то ли слёзы так меняют облик гостьи странной? «Не веришь глазам своим? — тихо засмеялась гостья. — Я Агдалия, ты звала меня. А видишь ты меня так, как представляешь. Тронула меня твоя добрая молитва, милое дитя. Помогу я тебе и возлюбленному твоему, отвращу казнь и помогу вам уехать далеко-далеко. А хан... успокоится и забудет. Готовься, милая: как только объявят о казни, — ты сможешь беспрепятственно уйти из дворца и добраться вот на эту гору, — показала она в окно. — Там, в роще Семи Источников, будет ожидать вас пара лошадей, снаряжённых в дорогу. Там вы с принцем и встретитесь.

Агдалия ласково улыбнулась девушке, кончиком пальца смахнула с её ресниц остатки слезинок и, обернувшись радужной бабочкой, вылетела за окошко, вновь осыпав Зоре сверкающей пылью с крыльев.

«Собираться... — подумала Зоре. — моих вещей и украшений здесь нет, ханские подарки мне ни к чему...» В это время снова пробежал по улицам глашатай, оповещая народ о начинающейся казни. Зоре встрепенулась и бросилась к дверям. Увы... двери были крепко заперты. Девушка бросилась к окошку, но и здесь её ожидало глубокое разочарование окно выходило во внутренний дворик, окружённый высокими стенами. К тому же само окно украшала кованая красивая и прочная решётка. Только бабочка или птица могли покинуть эту келью беспрепятственно. Агдалия улетела бабочкой... Зоре в отчаянии вскинула руки:

— Ах, но я ведь не бабочка и не птица! — воскликнула она.

И тотчас сверкающий порошок, осыпанный на неё бабочкой, заискрился, заиграл радужными вспышками и Зоре с изумлением увидела, как вскинутые в отчаянии руки её удлиняются, истончаются, покрываются сизыми шелковистыми перьями, одновременно она быстро уменьшалась. Ещё какой-то миг, и вот уже кружит под высоким потолком покоев сизая

горлинка. Покружив, птица подлетела к окну, проникла за витые прутья ограждения и, не задерживаясь, полетела в сторону горы с рощей Семи Источников на вершине.

А тем временем на главной площади города собрались почти все горожане — поглазеть на казнь преступника, который, говорят, замахнулся на жизнь самого хана, да продлятся в благоденствии дни его правления. После казни, обещали глашатаи, простому народу вынесут на площадь щедрое угощение по случаю женитьбы хана. «Да что вы говорите, — перебивали друг друга не знающие обстоятельства дела, — жениться должен Аджали, младший сын хана». «Аджали уехал в дальнейшее ханство, там женится и править там будет», — возражали им. И не те, ни другие никак не ожидали, что предстанет перед народом на эшафоте как раз принц Аджали.

И вот его привели вооружённые до зубов стражники, со связанными руками, он поднялся на дощатый помост эшафота, и тут над всей площадью повисла невероятная тишина. Люди замерли, не веря своим глазам: их хан, славящийся мудростью и справедливостью, обрёл на смертную казнь родного сына! И сразу после казни собирается играть свадьбу. Как же так?

В это время хан появился на балконе дворца, чтобы наблюдать за казнью. Подняв голову, Аджали встретился взглядом с отцом. Горько было принцу смириться с такой печальной участью, но он был истинным сыном своего отца и чтит законы ханства. Юноша поднял перед собой связанные руки и, глядя в глаза хана, произнёс:

— Я принимаю твоё решение, отец, но прошу, выслушай моё последнее слово. — Хан слегка склонил голову в знак согласия выслушать последнюю волю осуждённого. — Отец, — продолжал юноша, — я признаю, что в пылу спора, глубоко опечаленный открывшимся мне положением дел, схватился я сгоряча за кинжал. Но, поверь: у меня не было в мыслях посягнуть на твою жизнь, позволь же мне сейчас принять смерть свою не как закоренелому преступнику, но свободным и признавшим вину свою. Вели развязать мне руки.

Хан слушал и наблюдал, как всё это время над Аджали кружится крупная бабочка с радужными крыльями, и сверкающая пыльца с крыльев осыпается на юношу. Что-то было странное в этом... но вот так сразу разгадать, в чём странность, было невозможно. Хан подал знак, и палач освободил руки Аджали от стягивавшей их верёвки. Юноша растирал затёкшие кисти, в это время бабочка резко взмыла вверх, осыпав его будто целой пригоршней искрящегося порошка и внезапно исчезла. Пока Али искал взглядом в вышине – куда же подевалась она, толпа ахнула: исчез и принц! С эшафота, расправив широко крылья, взмыл в небеса прекрасный сокол, сделал круг над площадью, пролетел над балконом дворца, чуть не у самого лица хана, с оперения его сорвались несколько искристых пылинок, на миг ослепив Али, а в следующий миг сокол уже был далеко-далеко в небесах в направлении горы с рощей Семи Источников на вершине.

Там, на ветвях огромной чинары сидела тихая сизая горлинка. Сокол подлетел ближе, горлинка взлетела ему навстречу и вместе они, опустившись на землю, превратились в юношу и девушку — Аджали и Зоре. Влюблённые вскочили на привязанных под чинарой снаряжённых в дорогу коней и ускакали вслед за порхавшей перед ними крупной бабочкой — в страну волшебную, где прожили долгую и счастливую жизнь.

А хан... видимо, пыльца, попавшая ему в глаза, сотворила что-то с ним... Нет, он не забыл, ни сына, ни прекрасной Зоре, но и не испытывал гнева от этих странных исчезновений. Вскоре он отошёл от дел, передав правление старшему сыну. И часто его можно было видеть сидящим в саду и наблюдающим за полётом разных бабочек. Но не было среди них ни одной с радужными крыльями, и пыльца сверкающая не слетала с них при полёте. Возможно поэтому Али и выглядел всё время грустным.

Вера Ковалю

Рассказы из книги «Семь Я»

«КАМСА»

— Васька! Васька-а-а-а! Васька! — орал громко соседский Вовка. Были другие члены семьи — братья и сестра, но он сдружился с Васькой. Он жил с родителями, напротив. Была весна, каникулы.

Васькина семья в это время обедала и слышала ор Вовки с улицы. На обед была камса — так её называли местные жители, с варёной «в мундире» картошкой и луком. Вовка упрямо продолжал звать Ваську, но никто не решался выйти, оставив трапезу. Наконец Васькин отец не выдержал:

— Опять орёт твой дружбан, когда обедаем. У них что, есть нечего — гневно произнёс он. Сами такие толстые, а пацан вечно голодный — недовольно продолжал говорить родитель. На макаронной фабрике оба работают, макаронами одними и питаются, наверное.

— Тебе что камсы жалко? — вступилась тётя Маша.

— Иди зови, пусть придёт поест. За компанию и камса пряником покажется. Он один, а тут орава целая. Да они камсу сроду не покупают. Такая еда не про них. Они — интеллигенты, а мы — батраки.

— Васька, чего сидишь, иди тебе говорят, зови его — не унималась Васькина мать.

Васька нехотя встал из-за стола, облизал обе пятерни, затем вытер бумагой и вышел во двор, чтобы открыть ворота для Вовки.

— Васька! Ты что глухой? Я тут ору тебя, а ты не выходишь. Айда в ножички поиграем.

— Какие «ножички», мы обедаем.

— А чё едите? — с любопытством спросил Вовка.

— Камсу с картошкой.

— Ой, а я люблю камсу, только мамка не покупает. Говорит, что он неё все потом воняет и мыть посуду надо долго.

— Да заходи уже, мамка разрешила.

Вовка не один раз заходил на такое угощение, вот и сейчас повезло.

Оба мальчишки зашли в комнату, где за столом сидела семья из шести человек и вкусно пахло едой.

— Здравсьте вам! — сняв шапку сказал Вовка.

— Садись, Вовка, поешь с нами, — любезно пригласила тётя Маша.

— А я не откажусь.

— Как уж откажешься. Тебя в доме родители «деликатесом» не кормят, а все макаронами. Небось макароны поднадоели? — не глядя на Вовку, сказал дядя Петя.

Вовка ничего не ответил, снял куртку, подкатил рукава рубахи, чтобы не испачкать, сел на табурет и принялся за трапезу. Тарелок не было, чтобы их не мыть, а картошка была в одной большой миске, как и хамса. У Вовки аж слюнки побежали, пока чистил горячую картофелину. Хамсу клали каждый себе в рот почти нечищеную. Она весной мягкая, «с грибком», и очень вкусная. Вовка старательно отрывал головки у хамсы, запрокидывал голову и аккуратно её водружал в рот. Рассол из камсы капал на постеленную бумагу на стол и медленно стекал по пятерне. Приходилось часто облизывать руки.

Вовке нравилось приходить в эту семью, где четверо детей и всегда едят вкусно, с аппетитом, как говорили — за обе щеки трескают и все подряд метут.

В этой семье всегда была маринованная хамса, которую тётя Маша умела делать сама. Запасы на зиму делались в бочках и измерялись бочками. По одной бочке хамсы и огурцов,

это точно, а арбузы, яблоки мочёные и капуста, по две, а то и по три. В Вовкиной семье такого разносола никогда не было.

— Видел бы твой отец, как ты у нас трескаешь камсу, не поверил бы — сказал Васькин отец, глядя на Вовку.

Вовка ничего не ответил, да и не хотел. Он с жадностью поедал маленькую рыбку с черным хлебом и сочным, хрустящим луком. Это было невероятно вкусно. Семена кориандра попадали в рот, придавая приятный вкус.

— Вовка не спеши, а то подавишься. Греха потом с тобой не оберёшься — посоветовала тётя Маша.

— Не-а, — с полным ртом ответил Вовка.

Обе миски постепенно пустели — одна с картошкой, другая — с рыбой.

Родители Васьки встали из-за стола, сказав:

— Доедайте все, чтобы ничего не осталось в мисках. Посуда любит чистоту.

Ира сидела рядом с мамой и медленно ела, как полагается девочке.

А за столом никогда ничего и не оставалось. Разве может остаться такая вкуснятина, когда последняя рыбка была взята из миски, стали вымакивать хлебом вкусный рассол и доедать. Весной запасы подходят к концу, поэтому и рассол шёл в ход.

— Ну что, ребятня, наелись? — спросила тётя Маша — теперь по очереди мыть руки с мылом под умывальником. Сейчас угощу ещё чем-то вкусеньким.

Когда вымыли руки, сели снова за стол в ожидании вкусенького. Тётя Маша вышла в сени и занесла в миске мочёный арбуз.

— Вот это да! — с восторгом произнёс Вовка.

— Да у нас часто бывают арбузы и яблоки — подтвердила Ира.

— Мальцы, давайте я разрежу арбуз, а то нож острый — предложил дядя Петя.

Все получили по куску арбуза — это было вкусней конфет.

— Вовка, а ну, ешь с корочкой, она тоже вкусная, — посоветовал дядя Петя.

— Да, и правда вкусная, — сказал Вовка.

— А сейчас по кружке чая и марш из-за стола — скомандовал дядя Петя.

— Спасибо за обед, тётя Маша — поблагодарил Вовка. — Всё было очень вкусно.

Тётя Маша налила всем чай, чтобы запить после хамсы.

— Ну что пойдём в ножички играть? — тихонько спросил Вовка друга.

— Какие ножички!? — Васька поднял рубаху и показал своё пузо, как барабан. — Я теперь не смогу нагнуться. Давай завтра. Не каждый день такая вкуснятина даётся. После неё всегда пить охота, а когда выпьешь кружку, то в животе булькает, будто в кувшине. Тяжело. Давай лучше пойдём на улицу и на брёвнах посидим.

— Айда — согласился Вовка.

Вся компания высыпала на улицу, где рядом с воротами лежали на земле три бревна огромного диаметра вместо скамейки. Это было излюбленное место всей детворы с улицы.

«ПЕЛЯМЕНИ»

Хорошо, когда приезжают гости. Дети это понимали так, — раз едет гость, то везёт с собой гостинец. А кому не хотелось получить гостинец от гостя. Пусть любой, а ещё лучше, если привозят и дарят конфеты. Но гости приезжали очень редко в эту семью. В таких семьях, как тётя Маши и дяди Пети, лакомство покупалось очень редко. И вот тётя Маша получила письмо от своей двоюродной сестры с Урала, что та собирается приехать в гости к ним в Крым, в Керчь первый раз в жизни. Тётка ехала в разведку, как говорили взрослые, если ей здесь понравится, то они со своей семьёй переедут жить в Керчь. Тётя Маша стала готовиться к встрече своей сестры, а дети тоже, предвкушая от гостыи гостинцы. Тётя Маша послала хамсы — керченского «деликатеса», наквасила капусты. Каждый из детей думал, что же гостыя привезёт. И вот настал день, когда тётя Маша поехала на вокзал встречать сестру, а дети должны были подойти к остановке встречать их обеих и багаж. Вот пришёл автобус, а вместе с ним и гостыя. Дети ждали тётку Настю, даже приоделись в чистое, как приказала

тётя Маша. Тётка была возрастом почти такая, как их мать, только толстая, грузная. Когда вышли из автобуса, то тётка командным голосом сказала:

— А ну, басурмане, держите мешок крепче. Это вам гостинцы, вам и нести.

Тётка Настя одним движением рук схватила мешок и передала его в руки детям. Тёте Маше досталась сумка с поклажей, а тётка Настя шла пустая, уставшая от длинной дороги. Дети втроем еле тащили за углы мешка поклажу и всё думали — что там такое тяжёлое. Не камни же она привезла, хоть по очертанию было похоже на булыжники. Вася, Миша и Ира, когда отдыхали, ощупывали мешок, теряясь в догадках. Девтора от усталости еле передвигали ноги.

— Скорее бы дойти и заглянуть в мешок, — шептала Ирина своим братьям.

И вот все в сборе во дворе и тётка Настя разрешила развязать мешок. У детей слюнки потекли, представляя, как они едят конфеты или что-то очень вкусное. Но какое было их разочарование, когда мешок был развязан. В нём оказалась уральская картошка — крупная, белая с пол-литровую банку размером. Несколько картошин — и целое ведро. Дети не верили своим глазам, что всё место в мешке занимала картошка.

— А гостинцы где? — вырвалось у Иры.

— А это и есть гостинцы — ответила тётка.

Ира подумала — может они в сумке? Но и в сумке их не оказалось. Там была одежда тётки и ещё кое-что, но не гостинцы. Разочарование было полным.

— Зачем она в гости приехала, если гостинцев не привезла, — почти со слезами пожаловалась своим братьям Ирина.

— Так значит, зря её мы ждали, да ещё тяжеленный мешок тащили — обиженно произнёс Миша.

— Зачем нам нужны такие гости — также с обидой в голосе прошептал Васька.

Тётя Маша попросила детей снять «парадный мундир» и одеть всё домашнее или уличное. Дети переоделись и рассерженные вышли на улицу, где их ждала уже уличная компания, а женщины остались готовить ужин по случаю приезда гостыи.

Детвора окружила своих соседей.

— Ну что привезла тётка. Поделитесь конфетами — начал Вовка.

— Какие конфеты. Там картошка. Как будто у нас своей картошки нет. Вот додумалась, — не унималась Ира.

Тётку уже невзлюбила детвора — жадная.

Когда Ваську, Мишу и Иру позвали к ужину, то дети еле шли и нехотя садились за общий стол. Что может быть там вкусного — картошка с хамсой, но, когда тётя Маша раздала всем в тарелку по картошине с хамсой и капустой, а сверху жареный лук, то это было что-то сказочное. Такой вкусной картошки они никогда не ели. Она была сладкая, рассыпчатая, да ещё с хрустящей капустой и огурцом. Вот тогда все узнали цену «гостинца». У них была своя картошка, но мелкая. Самая крупная — с яйцо, «американка» называлась. Тоже вкусная, но не такая, как уральская.

Картошку со стола смели быстро. Такая вкуснятина не сравнится ни с какими конфетами.

— Конфеты ещё будут в вашей жизни, а вот такой картошки никто вам не привезёт с Урала, — довольная своими гостинцами сказала тётка Настя. — Это самая вкусная картошка в мире — важно подтвердила она, — другой такой не найти, — гордилась своей картошкой тётка.

Но вот ей не понравилась наша керченская хамса.

— Что же это рыбаки мальков наловили, не дали рыбе вырасти. У нас рыба по метру в длину, а вы мальков едите. Не нравится мне она, сами ешьте.

Как ни уговаривали тётку попробовать, не смогли уговорить. Нет, и все тут.

После ужина все довольные пошли спать, поглаживая животы. Так вкусно поели, что даже про конфеты забыли и про тётку.

На другой день после завтрака, в воскресенье, тётка Настя решила всех побаловать вкусненьким. Так и сказала:

— Побалую я детишек пеляменями. — Она так по-уральски назвала пельмени. Говор был уральский, башкирский, русский и ещё какой-то.

— Так, детишки, если мне будете помогать, я настряпаю вам пеляменей. Матери вашей некогда на такую ораву стряпать, а я гость, времени у меня много, а в подмастерьях будете вы, понятно? У нас это праздничная еда. Лепим всей улицей, родней и в основном зимой, когда морозы. Лепим по очереди в каждой семье, чтобы всю зиму есть. На улице морозим, а затем складываем в мешки. А ну-ка тащите корытце для рубки мяса. А ты, Мария, носи мясо, муку и остальные причиндалы. Ирка, а ты чисти лук, да побольше.

— А я плакать буду от лука, — возмущалась Ира.

— Ничего, все слезы не выплакаешь, а только глаза промоешь, — красивые будут.

Тётка командовала всеми, как будто всю жизнь здесь жила и все ей должны были подчиняться. Но что поделаешь, если хочешь есть пельмени, то будешь делать то, чего хочет тётка Настя. Она говорила:

— Не потопаешь не полопаешь.

Когда лук был начищен и тесто было замешено, она отправляла всех мыть руки с мылом.

— А ну марш всем руки мыть и мне показывать.

Все кинулись к умывальнику.

— Кто больше всех налепит, тот больше и съест. Муку на пол не сыпать, фарш сырым не есть, — как на камбузе продолжала раздавать команды подчинённым.

— Приступаем к работе — объявила «командирша», так втихаря уже прозвали её дети.

Тётка Настя лихо раскатала тесто в жгуты, затем порезала на кругляшки, которые детвора раздавливала руками и только потом она их раскатывала скалкой по несколько штук вместе. Дети смотрели за её руками и удивлялись, как она такая толстая, а как быстро со всем управляется. Вот уже целая гора лепёшек.

— Когда же мы со всем этим управимся? — осторожно спросила Ира.

— А нас-то вон сколько много. За пару часов управимся. Чего тут лепить. Вы много не видели. Одного теста и фарша по целому тазу бывало, — не унывала тётка и старалась подбадривать всех.

— Это баловство, а не работа. Это на один раз поесть семье, а на завтра уже и нету.

— Вы столько много едите пельменей и животы не треснут? — задала вопрос удивлённая Ира.

— Не-а. От пеляменей животы не треснут. Они растягиваются, получают удовольствие, — спокойно, но уверенно сказала тётка.

Тётка продолжала всё говорить, рассказывать, а сама руками так орудовала, что дети не успевали наблюдать за её работой. Уже целые стопы лежали лепёшек на столе, кружочки были ровные, тонкие и просто вылетали из-под скалки. Как ей удавалось одновременно говорить и работать быстро руками. Она как будто услышала вопрос Иры и снова выдала.

— Когда руки работают, то и рот должен работать. Мы ещё во время лепки и песни поём. Язык-то не мешает рукам. Так веселее, и быстро дело делается. Поняли, детки?

— Так, раскладывайте кругляшки и ложкой раскладывайте фарш сверху, да понемногу, чтобы залепились — объясняла тётка, как будто делали впервые в жизни в этой семье, но все послушно исполняли указания. Даже тётя Маша тихо слушала и молчала. Теперь пошёл процесс лепки. Ваське, как самому меньшему, дали поручение складывать готовые пельмешки на фанерную доску.

— Защищывайте аккуратно, чтобы мясо не вылезло — опять делала замечание «командирша».

Почти два часа мучительного изнурения, и всё было готово. Голодная детвора уже слюнями захлёбывалась, представляя, как они их едят. Запах ароматного фарша витал по комнате, нагоняя аппетит. Последние штрихи — уборка стола, мытьё рук и долгожданный ужин «пяляменями». Это был настоящий праздник живота. Слюнок наглотавшись вдоволь, пока лепили, теперь ели, сколько влезет. Действительно, животы ни у кого не треснули, а только сильно растянулись. Этот ужин все запомнили надолго, ведь он был намного вкуснее, чем какие-то там конфеты.

БИБЛИОТЕКЕ

Учёным стать, труды издать,
Прославиться на всю планету,
Библиотеку прославлять —
Ведь здесь нашли мы путь к успеху.

Здесь умершие говорят
Не громко, а тихонько с нами.
Здесь Музы тоже молчат,
А говорят из книг устами.

Предела нет в азах наук,
А книга есть источник знаний,
Она — и жизнь, и сердца стук,
Для изученья мирозданий.

Нам жить, пока жива Земля.
Среди немеркнущих профессий
Библиотекарь — как друзья,
Незабываемая песня.

НЕ СДАМСЯ

Не иду, а бреду по просторам,
Словно странник я, с посохом грубым.
Равнодушна к пустым разговорам,
Вот, года повернули на убыль.

Днём горят, ну, а к ночи сгорают.
Так видны и души все изъяны.
С каждым днём мои силы всё тают,
В ночь бреду сквозь туман и бурьяны.

Я не знаю, что за поворотом
И какая меня ждёт дорога:
Может, тракт, а быть может, болото,
Но хочу, чтоб пропала тревога.

Я не сдамся судьбе равнодушно,
И пусть ночь не смыкает объятия.
Знаю я, мне сейчас это нужно, —
Чтобы выйти в простор в новом платье.

Час заката я свой отодвину,
Пусть в пространстве побродит там годы.
Час настанет, — приду я с повинной
В Храм Господень, на лоно природы.

СИРИЯ

Вслушайтесь! То не раскаты грома —
Это в Сирии бои гремят.
Древняя страна взывает стоном:
Здесь стреляют в маленьких ребят!

Разгромили города, больницы;
Полит кровью всюду здесь песок.
А покой и мир им только снится,
В горле — без воды — сухой комок.

Но Россия к ним не равнодушна,
Страждущим помочь спешит скорей.
Если Родина сказала: «Нужно!» —
Сыновей пошлём и дочерей.

.....

Отправляя сына, мать просила:
«Возвращайся поскорей домой!»
И смиренно Господа молила:
«Боже! Пусть вернётся он живой!»

Я молиться стану всем на свете,
Чтобы кончилась скорей война,
Наступил чтоб мир на всей планете,
На Земле настала тишина.

*Елена
Лучшева*

МОРЕ

Море...

Какое же оно разное! То тёплое, ласковое, которому хочется писать:

Все забросив заботы, дела,
Я бегу на свиданье с тобою,
После душного жаркого дня
Обнимаюсь, целуюсь с волною.
О, стихия морская моя!
Я в Сибири морозной родилась,
Но, как только узнала тебя,
Всей душой в тебя, море, влюбилась!

Но не только ласковым и тёплым бывает море. Оно бывает ледяное, свинцово-штормящее, несущее смерть. И тогда в новостных сводках читаешь: «...в Керченском проливе снова погибло судно, жертвами разбушевавшейся стихии стали 11 человек...» И тогда рождаются скорбные строки:

А в море снова моряки погибли.
Их судно расколосось пополам.
А люди к этому давно уже привыкли...

Море, какое бы они ни было, — ласковое или грозное, — оно живое, манящее, с необычайно богатой палитрой красок, полутонов, игры света...

Помню свою первую встречу с морем, 16-летней девочкой-сибирячкой. Потрясённая его бирюзовой громадой (это было в Алуште), его необъятностью, я даже отступила назад, былинка перед необычайным величием божественной стихии. Казалось, оно надвинется на меня и поглотит без остатка — такое оно было огромное, живое, красивое, сильное...

УТРИТЕ МАТЕРЯМ СЛЕЗУ

Утрите матерям слезу,
Погрызшие в пороках, дети.
И отведёт от вас грозу
Та, что роднее всех на свете!

Она накормит, даст попить
Лежащему в угаре пьяни,
Не перестанет вас любить
В минуты самой скорбной брани!

Она пойдёт в платочке в храм,
Всю службу напролёт без лени
Просить у Бога счастья вам,
Смиренно преклонив колени.

Не мучьте, дети, матерей,
Поласковее с ними будьте.
Нет никого для вас верней,
Родней и ближе, не забудьте.

* * *

(женщине, потерявшей сына в автокатастрофе)

Боюсь я к тебе подойти,
Сказать, как тебе я сочувствую,
Что тоже на этом пути
И это же самое чувствую...

Как сердце от боли кричит,
Слезой кровавой заходится;
Оно никогда не молчит:
Замолкнет, когда остановится...

Что тоже ночами грызу
Подушку, слезами облитую,
Уныло по жизни везу
Тоску, макияжиком скрытую...

Но надо его отпустить,
И душу у Бога отмаливать,
Его продолжая любить,
Душою и сердцем оттаивать...

Ведь все мы уходим т у д а,
И, значит, на то Божья воля,
Что нас посетила беда,
И выпало страшное горе...

Он т а м! — ну, а мы ещё тут,
И в нас есть огромная сила,
Чтоб сбросил он множество пут,
И вечность его воскресила!

Молись за него всей душой,
На церковь и нищему жертвуя,
И будет в раю он с тобой,
В счастливом единстве блаженствуя!

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ЛЮДИ, БОГА

Не забываете, люди, Бога!
В нелёгкий век пришлось нам жить;
Ведь там, у вечности порога,
Уже грехов не замолить!

Уже кричит планета криком,
Уже по капелькам вода,
А мы всё мчим в прогрессе диком
И мало нам всего всегда.

Уже в бесстыднейшем пороке
Содом с Гоморрой ожили.
А Библии святой уроки? —
Нам не нужны уже они?

Уже пошёл и брат на брата,
И сын шагает на отца.
Из этой точки невозврата
Счастливого не жди конца!

Мы в Божий Храм уже не ходим,
Ведь нам смиренье не к лицу.
Как грянет гром, тогда «заходим» —
Поставить свечечку Творцу.

Мы сребролюбим, лжём и блудим,
И любим лицемерья фарс.
Не забывайте Бога, люди!
Всем сердцем призываю вас!

АНГЕЛ НА ЧЕЛНЕ

Мы все по обе стороны реки.
И Ангел белокурый на челне.
И души, что безгрешны и легки,
Плывут к нему наперекор волне.
И Ангел к ним торопится, спеша,
С любовью к ним протягивает руки.
А тонет только грешная душа,
Себя ввергая в огненные муки...

ПОЗДНО

Захочешь ласково обнять, —
Наверно, это будет поздно.
Захочешь милою назвать, —
Безмолвию ответят звёзды.
Прошли нелепых двадцать лет,
А мы с тобой не стали ближе.
На сорок бед — один ответ:
Я счастья больше не увижу.

Я ВСЁ ТА ЖЕ АССОЛЬ

Я по жизни всё та же Ассоль, —
Своего поджидаю Грэя.
Знаю, сказка, не в этом соль, —
Я живу, надеясь и веря.
Пока веришь во что-то и ждёшь, —
По плечу любые страданья.
Пусть, сама ты себе и врёшь, —
С верой стерпишь ты все испытанья!
Кто сказал — пустые мечты?!
Посмотри: вон, алеет парус!
А на палубе кто это? — Ты!
Я тебя наконец-то дождалась...

ЮНОЙ ПИАНИСТКЕ

(племяннице)

Тонкие руки
Моцарта звуки
С клавиш срывают.
Зал замирает.

Слёзы восторга
у мамы в глазах,
Белые нити
видны в волосах.
Зал в изумленье,
Зал в восхищенье...
Жизнь быстротечна,
Музыка — вечна.

ПРО ОТЦА

Мой отец — паренёк алтайский,
Ему лишь восемнадцать лет.
За спиной вещмешок солдатский —
Он ушёл на войну, для побед.

Был он в голову ранен, контужен,
Но своей не отдал высоты.
Знал он крепко, что Родине нужен,
И со смертью всегда был на «ты».

Он в родную Сибирь возвратился —
Орден Красной Звезды на груди.
И народ им по праву гордился,
И казалось — вся жизнь впереди.

Но не смог позабыть он с годами
Этой страшной, кровавой войны...
Был суров, молчалив даже с нами —
Ему снились тяжёлые сны.

Я прощу тебе горькое детство,
Ради пролитой крови твоей.
Ты оставил мне, папка, в наследство
Славу Родины милой моей!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

*«Россия станет Великой Державой,
когда мёртвые восстанут из могил
и станут в один ряд с живыми».
(из предсказаний пророчицы Ванги)*

И встали мёртвые в одном строю с живыми
И славу по России понесли!
Идут плечом к плечу они с родными,
Отечества бесстрашные сыны.

Идут, чеканя шаг, их лица как из стали,
На гимнастёрках золото наград.
Они сегодня из бессмертья встали,
Чтоб выйти с нами вместе на парад!

Чтоб не забыл Иван, откуда родом,
Чтоб память предков бережно хранил,
Чтоб множил славу русского народа
И не бросал отеческих могил.

* * *

Горький дым сигарет,
Горький ладана дым...
Канул в вечности след,
Словно ты и не жил...

Не оставил детей
И свой сад не взрастил,
Без мудрёных затей
Свою горькую пил...

Как живу я, мой сын? —
Невесёлый ответ.
Горький ладана дым...
Горький дым сигарет...

МОЯ ДУША

Моя душа — как улей разорённый...
Была в ней благодать подобно мёду, —
Она вмещала множество народу.
Теперь же в ней зияет только брешь...
И вместо мёда — горечь ложкой ешь...

*Артём**Фёдоров**(1981 – 2010)*

* * *

У костра с тобой сидели, —
от костра глаза слезели.
Согреваясь понемножку,
над костром мы отогрели
нашу мокрую одежду.
Наша жизнь — как будто каша.
Если сильно страсть кипит, —
каша эта пригорит:
Страсть — огонь,
Дрова — терпенье.
Если кончились дрова, —
значит снова в лес пора!
Очень нужное уменье —
в лес ходить без топора!
Всё слова!
Долой же маски!
Я лишь клоун и хохмач.
Утром поцелую в глазки,
мой ты заспанный лохмач!
В сердце нож вонзает метко
рок судьбы — не убежишь!
Ты со мною, как конфетка,
рядом в спальничке лежишь.

Сердце я тебе открою,
чтобы ты смогла понять,
как приятно мне с тобою
верной псиною лежать.

* * *

Представьте: лютою зимою
Сугробы с полною луною.
Не лето, не весна, не осень, —
Вот красотища! Минус восемь!
Мороз сердитый, но не злой.
Со снегом полная луна
Сюда обрушила себя,
Рельеф округлила родной,
Засыпав домик мой лесной.
А печь моя меня согреет —
Дубами, ясенем, сосной.
Тепло одетый не босой,
К друзьям в сугробах пробираюсь —
Родной увидеть пьяный глаз.
Сушу ботинки десять раз,
То матюкаюсь, то сморкаюсь...
Иду под полною луной

(стихотворение не окончено)

Проза

*Людмила
Десятова*

ПЕРСОНА ДЛЯ РАССКАЗА

Спровоцировала эту историю моя подруга, когда дала мне рукопись своей соседки: крупный каллиграфический почерк на пожелтевших листках. Содержание показалось мне интересным, и подруга повела меня знакомиться с автором записей.

По дороге я узнала, что этой даме уже исполнилось 80, что на лето она покидает многоквартирный дом и переходит жить в родную усадьбу, которую она называет «моя деревня». Я представила: старенькой бабушке, грузной и полуслепой, трудно выходить из квартиры на прогулку. А воздух нужен, поэтому лучше в своей деревне.

«Деревня» обнаружилась среди новых трёхэтажных особняков на окраине Керчи. Мы подошли к белёной низенькой хате (мне такие очень нравятся) зашли во двор, застроенный сарайчиками, навесами, где много цветущей зелени.

Из темноты одного дверного проёма навстречу нам быстро вышла стройная пожилая женщина с ясными голубыми глазами и просто предложила войти.

«Это не она, — подумала я, — наверное, кто-то живущая рядом».

Я ошиблась: оказалось, это именно она, коренная керчанка Спришевская Валентина Борисовна. В сумрачной комнате с характерным запахом старого натурального жилища для нас был накрыт скромный стол.

Беседовали мы долго. Приятно было слушать и созерцать красивую образованную, знающую себе цену женщину и ловить себя на мысли: вот так надо выглядеть в 80 лет!

Переоценила я свои писательские способности, пообещав хозяйке на основе её рукописи сделать несколько рассказов для публикации. Села дома за компьютер, начала набирать вступление и тут же поняла, что сведений для логичного изложения конкретных судеб у меня слишком мало. Я же обычно пишу стихи или путевые заметки. А тут нужен документальный рассказ, причём, не о себе, любимой, а о незнакомых мне людях, чего я раньше не практиковала. И отправилась я за советом к мастеру журналистского рассказа Василию Яковлевичу Маковецкому, за плечами которого долгая жизнь и огромный опыт.

Сели мы друг против друга, и я, обрисовав внешний облик новой знакомой, изложила ему свою идею.

— Понимаете, эта рукопись содержит очень интересные, но отрывочные сведения. Автор записала всё то, что ей рассказывала давно когда-то её бабка. Валентина Борисовна считает своей непреложной обязанностью оставить внукам и правнукам всё, что она знает о своей родословной. И это здорово, ведь через историю одной семьи прослеживается история народа. И мне захотелось некоторые моменты из рукописи превратить в короткие рассказы-персоналии.

Маковецкий внимательно слушает, иногда покачивая головой — удивляясь или соглашаясь. А я продолжаю:

— От своей бабки Спришевская узнала, например, о своём прадеде. Видимо, это была яркая личность. Ефим Павлович Мысников, уроженец села Анатольевка Одесской губернии, отслужил в русской царской армии 25 лет, участвовал в Крымской войне, по севастопольской обороне был знаком с

молодым Львом Николаевичем Толстым. Когда через четверть века вернулся на родину, он был избран односельчанами волостным судьёй, как наиболее грамотный и опытный человек. И пользовался уважением на этом посту. Женился он на молоденькой и очень хозяйственной девушке Ксении. Но в семье он, убеждённый атеист, был озорником. Запомнился вот такой эпизод.

Когда во время христианского поста супруга надолго ушла в церковь, Ефим вместе со своими детьми спускался в погреб, открывал макитры со сметаной, нарезал свежий хлеб, испечённый женой, и приговаривал:

— Ешьте, дети, досыта, пока ваша мать не пришла. А то эта дурочка свезёт всё на привоз в Одесс (ударение на первый слог!) и продаст жидам за бесценок.

Вернувшаяся Ксения, заметив следы сметаны в бороде мужа, сильно огорчалась:

— Ты зачем, старый чёрт, детей оскоромил? — и долго стояла на коленях перед иконами, замаливая грехи мужа и детей.

Родственники считали Ефима лодырем. Когда жена просила его хотя бы хлев почистить, Ефим резко отвечал:

— Я с людьми работаю, а ты хочешь, чтобы от меня навозом пахло? Вас много, сами справитесь.

Но всё-таки он любил детей и жену, и дети его уважали. Прожил Ефим Павлович 101 год, и что особенно восхищает, до смерти читал без очков и имел все зубы.

— Да, противоречивый характер. Ты хочешь написать рассказ о нём? — тихо спрашивает Василий Яковлевич.

— И не только о нём. Автор рукописи с большим почтением описывает и свою прабабку Ксению, великую труженицу. Это её самоотверженным крестьянским трудом создавалось благополучие семьи. Она создала своё хозяйство в условиях всяких государственных потрясений, выпавших на её долгую жизнь. Вставала в 4 утра, спать ложилась в полночь, и четверых детей приучила к труду и дисциплине. Ксения Фёдоровна прожила 91 год.

А ещё во время встречи с Валентиной Борисовной, продолжаю рассказывать Маковецкому, я с великим интересом

слушала то, чего нет в рукописи, например, как выглядел Старый Карантин в период её детства. Она помнит фамилии соседей и расположение их домиков. Помнит события немецко-румынской оккупации, даже такие неприглядные, как доноительство одной молодой дамы фашистам, что вот в этой хате живёт коммунист, у этих — сын в партизанах, а вот тут живут богатенькие, их можно обобрать. И семьи из указанных домов исчезали, а предательница стала хорошо одеваться и приносить домой полные сумки.

Многое хранится в памяти этой мудрой и светлой женщины, можно слушать и слушать. Но вот она засобиралась, извинившись, сказала, что должна срочно идти в квартиру сына, чтоб там посидеть с малышами, своими правнуками. Хотелось бы пожить беззаботно, гулять в своё удовольствие или читать любимые книги, но не могут наши дети выжить без помощи стариков. И не только физической. Увы, это черта времени.

Она взяла хозяйственную сумку, и мы вышли из её дома. Я пыталась помочь её нести эту сумку, но гордая Валентина Борисовна не позволила, сказала, что пока ещё сама в состоянии, и быстрым шагом и с завидной осанкой пошла по дороге. Наверное, такими же были её бабушки-прабабушки. Видна порода!

Василий Яковлевич восторженно, направил свой тускло-голубой взгляд вверх моей головы и энергично заговорил, постукивая воздух худым решительным кулачком:

— Вот о ком ты должна написать! Об этой удивительной женщине! Из твоих слов я увидел её чудный образ. На таких вот личностях надо воспитывать молодёжь! А её предков покажи как почву, которая вскормила такую личность. Иди пиши и опубликуй, пока она ещё жива!

И я пошла, обдумывая, с какой бы стороны подойти к выполнению полученного совета. Вскоре я поговорила с одной пенсионеркой, которая знает Спришевскую по работе в одном из керченских профтехучилищ. Валентина Борисовна там преподавала эстетику и была заведующей библиотекой. Выглядела эта культурная принципиальная женщина всегда образцово опрятной, проводила много интересных познавательных

мероприятий и пользовалась огромным уважением учащихся и сотрудников. Ежегодно ей вручались премии, почётные грамоты, дипломы, а в трудовой книжке полно благодарностей.

Да, наш Василий Яковлевич до сих пор сохраняет журналистское чутьё на хороших людей! Такие всегда есть вокруг нас, они — нравственная основа народа, которую потомки должны знать, ценить и продолжать!

Вот что вышло из предложения моей умной подружки прочитать случайно попавшую ей рукопись.

ЧЕЛОВЕК, ГОРА И СОЛНЦЕ

Человек поднимался на гору. За горой поднималось солнце. Вокруг громоздились другие приморские горы. Их угловатые вершины и мягкие складки, что пониже, всё больше покрывались розовым утренним светом. Человек был в красной футболке, а потому ярко маячил на зелёном крутом склоне. Он спешил, как будто боялся опоздать к восходу. Иногда он замирал, поднимал руки, словно ловил теплеющий луч, и резво проходил следующий участок подъёма. Вот он забуксовал на сыпняке, обошёл его сбоку, остановился посмотреть, далеко ли ещё, и упорно лез вверх, становясь похожим на крохотного красного муравья.

Я наблюдаю за красной футболкой с пляжа. Я тоже жду, когда над зубчатым горизонтом появится огненный шар. Но я тихо гуляю по мелкой гальке, а он покоряет крутизну, за которой резкий обрыв к морю. Смотреть и то страшновато: чего ради?

Выбравшись наконец на верхнюю точку горизонта, человек вскинул руки и застыл. Конечно, он увидел солнце! Он стал смешно махать ему, как будто боялся, что светило пойдёт по ложному пути. Человек считал себя обязанным указать путь солнцу. И он сделал это: долгожданный ослепительный диск величаво появился из-за горы и продолжал торжественный восход, а маленькая фигурка на его фоне уже казалась не красной, а чёрной. Великое светило с материнской заботой охватывало, обнимало, заливало теплом и светом весь свой

подшефный мир, побуждая всё живое к доброму труду. По логике, теперь должен был состояться долгий разговор Человека с Солнцем, примерно, как у Маяковского, иначе зачем столько труда и даже риска!

Но нет. Как только склон с тропинкой залился ярким светом и в небе началось броуновское движение бесчисленных свистящих чёрных точек — ласточек, человек весело побежал обратно, вниз, домой. Он достиг цели, он встретил новый день на высоте, и этот день для него и для мира начался как надо.

Я быстро пошла к подножью горы, к началу тропинки. Я очень хотела увидеть глаза этого смелого, неугомонного романтика в красной футболке. Наверняка это крепкий уверенный в себе мужчина в расцвете лет, он лидер, он в ответе за всех, он сходил на горизонт, он прикоснулся к солнцу, увидел перспективу и сейчас расскажет о ней человечеству! Несомненно, его просветлённый ум уже рождает великие планы, его ясный взор обращён в красивое будущее.

...С тропинки на тротуар прыгнул и несколько угловато зашагал мне навстречу худой пожилой человек. Красную футболку он нёс на руке, обнажив загорелое тело, выдающее возраст. Его седые волосы, освещённые сзади, выглядели нибом, на лице угадывались утомлённость и вдохновение. Его выцветшие серые глаза улыбались мимо меня. Человек нёс в себе волнение от пережитого момента.

Ранним утром следующего дня я, преодолевая лень, направилась к горному горизонту. Было тяжело. После середины подъёма чугунные ноги требовали опуститься на землю. Можно же подождать, когда солнце само придёт ко мне. Оно конечно придёт, но это будет уже не моё солнце, оно будет недосыгаемо высоко и невыносимо ярко. И я тащила себя вперёд и вверх. И отрадно, что на восходящей тропе я была не одна. Впереди меня легко шагали двое молодых людей. И сзади я увидела, оглянувшись на передышке, что на эту тропу встали взрослый человек и мальчик вдвое меньше папы. Цель у всех нас была одна: открыть для себя СВОЁ солнце, просветлить душу, получить заряд восторга и заработать право на самоуважение!

День за днём, год за годом, жизнь за жизнью. Человек всё так же поднимается на гору, за которой поднимается солнце. Они оба спешат к высокой вершине, с которой должен начаться радостный плодотворный день.

Василий Дуданов

...ПЕРЕПРАВУ ОБЕСПЕЧИТЬ

*Посвящается тестю,
Лямину Семёну Львовичу,
участнику Великой Отечественной войны
и просто доброму человеку*

...Генерал-полковник К. К. Рокоссовский в полосе действия инженерного батальона появился внезапно. Подойдя к капитану Лямину С. Л., он отдал короткий приказ:

— В течение двух часов вам, капитан, надлежит наладить переправу основных сил стрелковой дивизии для расширения плацдарма, удерживаемого ударной группой.

Оценив обстановку и имеющиеся собственные материальные средства и инженерные приспособления, капитан Лямин С. Л. Собрал офицеров роты, отдал соответствующие распоряжения подчинённым и отправился для согласования вопросов по взаимодействию к командиру артиллерийского подразделения, которому предписывалось обеспечить безопасность налаживания переправы. К. К. Рокоссовский, наблюдая, как офицер ставит задачу подчинённым, неожиданно сказал:

— Капитан, если уложите в установленное время, лично буду вручать вам орден Боевого Красного Знамени, а если не обеспечите переправу, — отдам под суд.

Фашистские танки, избегая окружения, наткнулись на инженерную роту. Капитан Лямин, передав управление ротой своему заместителю с требованием не прекращать ни при каких обстоятельствах строительства переправы, организовал

круговую оборону. Ураганный огонь фашистов создал серьёзную проблему.

«Один, два... Вон, вон ещё!» — около десятка уже насчитал капитан, а танки всё выползали и выползали из-за сплошной стены бензиново-головой гари, снарядных разрывов и поднятой в воздух земли. И капитану уже мерещились десятки, если не сотня стальных ползучих чудовищ. Осторожно подбежав с двумя бойцами к орудию, не отвечавшему на огонь фашистов, Семён увидел, что орудийный расчёт весь погиб. Высунув голову над орудийным щитом, он замер, застыл. Занемели от страха и бойцы, прибежавшие вслед за офицером. Двое их... Они видели, как командира соседнего орудия и «сорокапятку», которую только что выкатили на прямую наводку на бугорок, фашисты тут же, классической вилкой, третьим снарядом накрыли. Капитан и молодые, неопытные новички, считай совсем ещё сосунки, но и они понимали, что прямой наводкой на таком расстоянии танков пока не достать, да и просто в них не попасть. И продолжали растерянно, безучастно смотреть, как они приближаются. И тут, откуда ни возьмись, справа, из-за рощицы, поросли шиповника, тёрна и череды неожиданно вылез какой-то одинокий заблудившийся танк. И так неслышно, бесшумно во всеобщем огне и грохот передовой, никто из окопавшихся поблизости не успел даже предупредить... А потом и нечего уже было кричать. Напротив, все разом затихли, примолкли.

И не сразу явилось Семёну на ум, что теперь не только командир роты, но, по уставу, вместо убитого, и командир орудия. И гаркнул что было сил:

— Бронебойным!

Один из бойцов выхватил из ящика снаряд и загнал его сходу в камеру. Закрываясь, лязгнул замок.

А капитан уже впился глазом в прицел. И всё, что он делал теперь, делал почти неосознанно, стихийно. Казалось, не он... Само собой будто всё делалось, приноравливаясь к чужому орудию, ко всем этим рукояткам, штурвалам, маховичкам, заглушая боль и страх от потери расчёта, от надвигавшейся новой стальной смертельной волны. И капитан сжался, собрался весь, упорно, стремительно заработал руками. И поймал-таки

танк в окуляр. И на крест теперь стальное чудовище начал ловить. Поймал. На миг аж зашёлся от счастья! И вёл, вёл... нёс эту железную многотонную чушку теперь на кресте. Не чёрном, как в нашем ПП-9 прицеле, а жирном, фосфоресцирующем красном. И с оптикой посильнее — в гофрированном мягком обкладе, куда более удобном для глаза. И будто опомнился вдруг... Когда танк — вот так, боком идёт, да близко, да на бешеной скорости... Ведь необходимо тогда упреждение... Крестом прицела надо немного вперёд. А насколько? На корпус, на два... А может и меньше, коли так близко? Точно Семён Лямин не знал. Не успели как следует научить в училище. Учили в основном основам артиллерийской подготовки.

И на миг растерялся Семён. Суетливо задёргался. Нервно метнул влево крест. Переметнул. Испугался. Повёл его снова назад.

— Стреля-а-ай! — заорал прямо в ухо ему боец.

— Не трожь! Не наш он, не наш! — услышал Семён сквозь жарко пылавший туман в голове чей-то крик из кустов. — Не на нас идёт, на других! И ... с ним! Пусть идёт, не мешай!

«А оси?» — вдруг и это ещё мелькнуло у Семёна в голове. Если врозь они, оси ствола и прицела, не сведены в две параллели, да будь ты хоть с орлиным глазом во лбу, хоть с утра до ночи целься — не попадёшь. А танк того только и ждёт. И глазом не успеешь моргнуть, как всей громадой своей вмиг развернётся и как попрёт на тебя... И хана... В лепёшку раздавит. Не успеешь и мать родимую вспомнить.

— Стреляй! — вновь настойчиво сказал боец.

— Ну, ну!.. Давай! — потребовал второй боец.

Но Семён не слушал уже никого, ничего. Да и не слышал. Как и в себе самом уже ничего, кроме стыда и отвращения, кроме презрения не ощущал. Но и первых уже проблесков гнева и ненависти. И, собравшись, сжавшись от напряжения весь, впившись снова глазом в прицел, завертел возбуждённо штурвалами — снова ловил убегающую стальную махину на крест. И поймал. И только поймал, как танк, будто нарочно, круто левее стал забирать. И крест тотчас с него соскользнул.

— Ах! — задохнулся на мгновение капитан Лямин.

Но танк, к счастью, снова стал забирать круто направо, снова всё больше подставляя капитану свой куцый закоптившийся зад. И это было что надо. Это было прекрасно! И броня здесь слабее, и целиться легче, когда танк идёт от тебя. И если что... Если промажешь... Пока развернётся, найдёт твою пушку, можно выцелить снова, успеть выстрелить по нему ещё раз. И, подержав, подержав ещё, для надёжности, крестик, как и прежде, но не на корпус впереди буревшего на зелени гада, а на левом крайнем срезе его и чуть-чуть опустив ниже башни, на несущие, на основные катки, глотнул во все лёгкие воздух. На мгновение застыл. И как в омут башкой, нажал на рычаг.

И то, что увидел... Что увидели все... Все, все! И главное, он, капитан Лямин! Сам увидел! Своими глазами! Это было сейчас для него важнее всего. Самое главное, самое важное в жизни! Чего по своему значению для него у капитана Лямина не будет уже никогда!

Танк запылал. Задымился — жёлтым, сизым сперва, потом чёрным, жирным, густым. И объялся весь языкатым пляшущим пламенем. А потом его разнесло. Взрывом. Из самой утробы — всего, что только могло там взорваться: бензина, масла, пороха, тола...

Всего!

А капитан Лямин всё смотрел и смотрел на первый свой танк — ликующе, заворожённо, ошеломлённо. Вечность бы смотрел на него, на дело рук своих, сердца, ума... Клеточки каждой своей... На всю свою дальнейшую, возможно, судьбу!

— Товарищ капитан, товарищ капитан?

Обращение, зов солдата возвратил капитана Лямина в реальное время.

— Что случилось, чего орёшь?

— Переправу наладили, можете проколоть дырочку для ордена! — радостно сообщил солдат.

Тамара Ефремова

Ефремова Тамара Ивановна. Ленинградка, окончила ленинградскую школу, Электромеханический техникум, Ленинградский Финансово-Экономический Институт им. Н. И. Вознесенского. Работала во Всесоюзном Институте Разведочной Геофизики. В те годы объездила Заполярье, Донбасс, Кавказ, Сибирь (Хакасия). 20 лет проработала в Заполярье. В 90-2000-е годы побывала в Чехии, Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, Италии, Ливане, Израиле и др. Наблюдала людей и всегда восхищалась стойкостью умных и красивых женщин и настоящих, сильных мужчин. С 2009 г. проживает в г. Керчь. Печатается в Керченских газетах и альманахе «Российский Литератор».

Член Российского Союза Профессиональных Литераторов, Союза Писателей Республики Крым.

СПАСИБО, МУЗЕЙ! (экскурсия на бронекатер)

В газете напечатали Программу проведения юбилейных мероприятий, посвящённых 160-летию начала строительства крепости «Керчь». Команда Татьяны Викторовны Умрихиной известная не только в городе, о самой Татьяне Викторовне и говорить нечего — Самого Президента страны на Митридатскую лестницу привела, а это значит, что надо ехать в Крепость на 2-ой Крымский историко-культурный Фестиваль «Истории достоинства» — там будет очень интересно и, что особенно я люблю, узнаю что-нибудь новое. Правда, у меня был и личный интерес: увидеть и побывать на Бронекатере.

Первый день праздника прошёл замечательно: народа было очень много, экскурсии, выставки (всюду успела, я опытный турист). Бивуак реконструкторов из Севастопольского клуба «Суздальский полк» потряс не только воображение, но и слух от громкой стрельбы из старинных ружей. Ко всем реконструкторам я приставала с вопросами: удобна ли форма XIX века, а XX? А это что, а это почему... и мне отвечали терпеливо, хотя устали «солдаты» в этот вечер изрядно. Но я ждала второй день фестиваля — экскурсии на бронекатер.

К 10 часам утра следующего дня у КПП собралось много народа, приехали на своих машинах, но все хотят посмотреть Крепость, послушать историю и только нам в другую сторону — в Павловскую бухту. Удивительно, но одну машину поехал сопровождать работник заповедника. Поверьте на слово, я кое-где побывала: от Мурманска до Иерусалима, от Копенгагена через Донбасс и Кавказ добежала до Хакасии, и знаю, кто такой — экскурсовод. Формально работники музея могли бы попросить подождать до сбора полной группы желающих посетить бронекатер в 12 часов и были бы правы. Но сегодня так сложилось, что Геннадий Алексеевич Соколов — смотритель музея стал нам на 2 часа не только источником информации, которой было предостаточно, но и человеком, понявшим моё состояние — ну, очень надо! Очень-очень надо побывать там: мой отец воевал на таком же и в Керчи.

Дома хранится справка из Центрального Военно-Морского Архива Министерства Обороны Российской Федерации. В ней было написано, что старшина 2 статьи Цапурин И. В. «...особенно отличился в Керченской десантной операции ... в том бою...метко стрелял из своего орудия... В этом бою он уничтожил две батареи противника и несколько пулемётных точек...» Это выписка из представления к награждению орденом Красной Звезды. Когда я прочитала об этом уникальном музее, стала ждать его прихода в Керчь.

И вот мы в Павловской бухте. Стоит Бронекатер, и пусть он только копия легендарного катера, а для того времени совсем нового (1938 года постройки), погибшего в начале ноября 1943 г. — в горле перехватило. Какой же он маленький,

как там могли поместиться 12 человек взрослых мужчин, да ещё воевать, стрелять и попадать в цель? С берега и сегодня страшно смотреть на зимнее море — уму непостижимо. Орудийная башня, где три бойца вели бой, почему-то подумалось, что именно здесь мог воевать отец, но трудно представить, каким образом они там поместились? Ему было всего 34 года, а его звали дядей Ваней, значит, вокруг него какой молодняк был. «Повезло» тем пацанам. Ой, господи... Катер был предназначен для уничтожения врага, места на нем хватило для башенных установок с орудием 76 мм и крупнокалиберных пулемётов, только о людях забыли: в каких условиях находились Свои. Жуть какая-то... Спустились в кубрик: давно не видела «живой» портрет Иосифа Виссарионовича Сталина — добрый такой, красивый, улыбается сквозь усы: «Не бойтесь, ребята, я с вами». Экспонаты все настоящие и от этого сердцу становится удушливо. Отдыхали по очереди на койках, маленький стол, на котором и одному тесно. Нет, надо наверх по узенькому трапу. Послушала, как рында резко звучит, задавала вопросы, и Геннадий Алексеевич спокойно отвечал. Только на один промолчал: «Что вы, мужики, делаете и сами на войне мучаетесь, и женщины в эвакуациях-оккупациях страдают»? Войны не прекращаются. Не понимаю.

Обратная дорога была более светлой: зашли в обливочный цех, где в свинце ядра «купали», посмотрели место расположение немецкого штаба. Многие годы не перестаю удивляться старым постройкам, хоть и фортификационные сооружения, а красота вокруг.

День прошёл маленько печальный, но многопознавательный, благодаря людям, которые занимаются добрым делом и создают ненавязчивую обстановку памяти о былом.

СПАСАТЕЛЬ

Я мало кому завидую, но сегодня на узкой песчаной полосе между целебным грязевым озером Чепрак, каждый скажет, что оно лучше, чем Израильское Мёртвое море, и Азовским морем, недалеко от Керчи — сидит рядом со мной человек, который пожал руку! Владимиру Семёновичу Высоцкому. Собеседник мгновенно обрёл нимб — этокое сияние над головой и беседа продолжилась в совершенной моей доброжелательности и доверии. Колесников Владимир Дмитриевич был в прошлом альпинист. С восьми лет смелый мальчик бегал по горам Крыма, а позже Памир и Кавказ приняли его.

Горы он не только любит, он их уважает. Прежде, чем начать восхождение, вспоминает собеседник, прикасался к камню и просил: «Матушка-Гора, пусти меня». И гора ему отвечала взаимностью. Однажды был случай, когда группа ушла вперёд, он вбил страховочный крюк в скалу и вдруг как — будто из самой горы откуда-то снизу несколько раз глухо донеслось: «Перебей крюк». Он, конечно, сделал это и только закончил работу, закрепился, как огромный камень пронёсся по тому месту, где он только что стоял. Не знаю, как вы, а я верю... Спасибо, матушка.

По моей просьбе он рассказывает о забавных случаях и интересных встречах в горах со знаменитыми людьми тех времён, когда он водил группы в горы. Как альпинист-инструктор он обучал выпускников военных училищ начальным правилам выживания в горах. Они горы только на картинках, в кино видели, а их посылают воевать в Афганистан. Два с половиной месяца гонял он их, саратовских новоиспечённых офицеров по горам Памира на Иссык-Куле с одной скалы на другую. Учил: что «... ты здесь на везение не уповай, в горах ненадёжны ни камень, ни лёд, ни скала...» (это я вспомнила В. С.). Показывал на своём примере, что надежда в горах — только на свои руки и на рядом идущего друга. Так хочется верить, что выжили молодые офицеры там, в Афгане и, может быть, помнят своего горного инструктора. Да, навряд ли, живые откликнулись бы, наверное.

Было много случаев, которые он вспоминает с улыбкой, хотя, как посмотреть. Как-то в группе восхождения на Пик Коммунизма были три Юры. Очень разные по характеру, они оставили внизу удачные и известные, в своих кругах, жизни и пошли покорять Пик Коммунизма. Модно это было в те времена: барды, песни, горы. Но горы их не приняли, не хватило у новобранцев — романтиков отваги и терпения, не выдержали проверки: раскисли мужики, перессорились между собой и остальным досталось. Дошли до определённой высоты, уже вверх идти не могут, а вниз отправлять одних нельзя. Что делать? Японец предложил четвертинку своей заветной таблетки, и взлетели парни на привал быстрее всех. Когда группа подошла, они уже палатку поставили и посмеиваются над оставшими «стариками». Утром пришла расплата: Юры сникли окончательно: мозги застопорились, не дают приказ ногам идти вперёд. Инструктор решил идти вниз, при этом, и так, и эдак, ласково стал объяснять им, куда одну ножку поставить, потом вторую. (в таких случаях нельзя резко разговаривать, ни-ни, это уже мне советует мой новый знакомый). Юра — учёный-ядерщик первым понял, что их старания не дадут положительного результата и спрашивает инструктора: «Ты умеешь ругаться?» Собрал проводник в кучу все известные ему нехорошие слова и в резкой форме от всей души повторил их парням, как просили. И побежали те с горы домой: «...в суету городов и в потоки машин... кто на год, кто совсем...». Больше в горах тех Юр не видели.

Было и такое. Альпинисты, хотя встречаются нечасто, но хорошо знают друг друга. Однажды поднялись на высоту 7495 метров, а там уже сидит Лена из Ленинграда и (о, господи) курит, на высоте курит!

— Лена! ты что делаешь?

— Слово дала ребятам, если возьму Семитысячник, выкурю последнюю сигарету и брошу курить совсем.

Было любопытно, что музыкальным сопровождением разговора независимо от темы в моем мозгу была песня В. С. «Здесь вам не равнина...»

Сейчас горы только в сердце, о них напоминает и жетон спасательного отряда с его номером. Работает он на ровной,

как стол равнине, на песчаном берегу Азовского моря рядом с домом, откуда все начиналось, спасателем и многим ещё чем, короче, охраняет людей и море друг от друга. Рассказывает желающим о пользе и коварстве местных целебных грязей, что неплохо бы к врачу за советом обратиться перед тем, как использовать это радикальное лечение.

Что-что, а меры мы, болящие, не знаем, намажемся чёрной глянцевой грязью с ног до головы и стоим «красивые» под палящим солнцем, так что время от времени кого-то, правда, очень редко, на Скорой увозят, были случаи, когда не возвращались. Тысячи лет назад древние греки здесь лечили свои больные суставы, женщины красоту свою поддерживали масками разными. Сам Митридат Евпатор 6-й пользовал эту грязь. И сейчас с надеждой едут отдыхающие на этот кусочек берега Азовского моря подлечиться и часто удачно. Чистый песок, никакой цивилизации, кроме того, что с собой привезли. Добираются сюда, честно скажу, не по автобану. Но все равно узкая полоса берега заставлена легковыми автомобилями, а то и автобусами. Стоит такой белоснежный лайнер, окружённый аккуратненькими и яркими палатками — это детей привезли оздоравливаться и приучать к самостоятельности. Это за-ме-ча-тель-но! Дикие туристические «общества» обозначают свои границы простынями, яркими покрывалами, развешенными на верёвках: вы нас не видите, и мы вас тоже. Тут спальня, детская, общая столовая. Все красиво — разнообразно — цыганисто, особенно через недельку — другую после приезда, когда бледнолицые северяне превращаются в чернокожее братство.

Посредине этого международного сборища, под двумя деревьями стоит хижина — пост моего героя. Одна палатка для отдыха, вторая служит складом нехитрого скарба и, в том числе медикаментов, на всякий случай. Между ними стол с радиоприёмником, из которого можно узнать все, что творится в мире, если в такую жару захочешь, но всегда с большим удовольствием он слушает по вечерам песни Владимира Семёновича. При упоминании этого имени у нас одинаковая реакция: вздох восхищения, взгляд куда-то в небо и никаких лишних слов. Хорошо сидим: под ногами толстый палас, над головой

тент на основательных столбах. Они выдержали бурю, которая пронеслась над Керчью. На мои волнения по этому поводу, что в городе было страшновато — он задумался, а что произошло? Собаку жалко, провод сорвался и её током убило, а так все нормально. Новый постоялец — подброшенный толстенный, хорошенький щенок пытается мой палец грызть. Хорошо сидим...

К сожалению, надо уходить, повспоминали, отдохнули — пора домой. Пришли вновь прибывшие туристы за советом, да и так пообщаться. К спасателю идут за помощью и добротой, кто хоть раз побывал здесь или слышал о нем.

Все-таки велик В. Высоцкий, на все случаи у него есть замечательные слова:

«... Чистоту, простоту — мы у древних берём,
Саги, сказки — из прошлого тащим, —
Потому что добро остаётся добром —
В прошлом, будущем и настоящем!»
(В. С. Высоцкий).

Жара, маленький песок, народ разбежался по берегу Азовского моря. Покой.

Лев Ефремов

Ефремов Лев Алексеевич родился в 1944 г. в г. Горьком. Окончил Мурманское Высшее Инженерное Морское Училище. Капитан дальнего плавания. Более 40 лет проработал на флоте, более 20 лет капитаном. Член Российского Союза Писателей, Союза Писателей Республики Крым. С 2009 г. проживает в г. Керчь.

НЕОБЫЧНЫЙ ГРУЗ

В августе 1970 года наш дизель-электроход «Индиگیرка» совершал очередной снабженческий рейс в Арктику на Новосибирские острова. Часть груза для учёных, полярников и военнослужащих, находящихся на островах, погрузили в Мурманске и часть в Архангельске. В Архангельске помимо обычного груза, солёнки в бочках, продовольствия, контейнеров с аппаратурой и т.д., погрузили живой груз — свиней, коров, бычков. Для этого на кормовой палубе сделали специальные выгородки, поилки, кормушки, подвели воду. Животных было несколько десятков, сопровождать их и ухаживать за ними должен был специальный человек, которого экипаж заранее называл «укротителем» по аналогии с фильмом «Полосатый рейс». Погрузка закончилась, надо оформлять выход судна в рейс, но нет «укротителя». Погрузили для животных корма, а сколько его надо и какую животину, чем кормить, никто не знает. Животные мычат, хрюкают, есть просят. Экипаж подкармливает их, но за ними ещё и убирать надо. Лето, вонь стоит жуткая. Вдруг на трапе появилось какое-то непонятное существо. Лето, жара под 30 градусов, а это — в грязнувшей шинели, в резиновых сапогах, как потом оказалось, на босу

ногу, в шапке-ушанке непонятного цвета. Вахтенный матрос вызывает вахтенного помощника капитана:

— Вы, кто и, что вам здесь нужно?

Визитёр бормочет что-то неразборчиво и сует вахтенному какие-то бумаги вперемешку с мусором. Вызвали капитана, а тот человек опытный, всякое повидал и сразу определил, да и экипаж порадовал, что появился долгожданный «укротитель». Встал вопрос — куда его вселять, отдельных кают на судне нет, а поделять в каюту к нормальному члену экипажа это грязное, вонючее существо у капитана рука не поднимается. Решили поселить его пока в дежурное помещение около трапа, там есть диван, стол, стул. Вышли в рейс, животные голодные орут, из вольеров вонючая жижа течёт по палубе, распространяя специфический аромат по судну. «Укротитель» из дежурки не выходит. Каждую вахту в дежурку посылаются матрос, проверить — жив ли он. И так продолжалось несколько дней. Кормить, поить животных и убирать за ними поручили матросам. Женщины-члены экипажа, их было 5 человек, а весь экипаж, раньше экипажи не особо сокращали, 54 человека, наловчились доить коров, вспомнили своё детство. Экипаж доволен — свежее молоко, но «укротителя» ругают, хотя уже начали жалеть. Есть «укротитель» не ходит. Матросы носят ему в дежурку еду и воду, поставили ведро — на всякий случай, но, по словам матросов, оно так и было пустым. Дней через пять «укротитель» ожил и начал приходить на обед. Сначала обедал вместе с рабочей бригадой, которой накрывали на нижней палубе около провизионных кладовых. Затем отмылся, постирался и начал питаться в нормальной столовой экипажа. Приступил к исполнению своих обязанностей, т.е. ухаживал за животными. Разговорился, оказался 50-летним бывшим кочегаром из тралового флота.

Прошли пролив Карские Ворота, похолодало, перевели «укротителя» в каюту к двум молодым матросам. В коровнике проблема — слегла, а потом издохла одна корова. Что делать, никто не знает, по инструкции необходимо составить акт, определить причину смерти. «Укротитель» советует:

— Да выбросьте её за борт и всех делов-то.

Капитан велит второму грузовому помощнику поднять всю имеющуюся на борту литературу и определиться:

— Посмотрите с судовым врачом медицинские справочники, может, что-нибудь найдёте.

Сутки искали помощники в документах, отчего корова могла сдохнуть, но так и не смогли определить причину её смерти. Лежит корова на палубе, над ней мухи кружатся и запах от неё тухлятины на все судно. К тому же из-под неё ещё и жидкость вонючая течёт. Капитан видит, что от помощников толку мало, и даёт распоряжение:

— Стоп машины. Выгружаем тушу на лёд.

Выгрузили её на лёд, облили соляжкой и сожгли. Составили соответствующий акт.

Первый пункт выгрузки груза о. Котельный. Получатели груза — небольшая воинская часть, связисты. К берегу близко не подойти, глубины у берегов не исследованы, встали на якорь в миле от берега. Выгрузили в воду два понтона и катер для буксировки понтонов. На понтоны погрузили трактор и выгружаемый груз. На первой же выгрузке ЧП. Начали выгружать животных и в первую очередь решили выгрузить бычков — уж больно много хлопот они доставляли морякам на судне. Выгружали их специальным стропом, состоящим из двух лент, которые заводятся под живот животного и в верхней части эти ленты соединяются с общим стальным стропом. Правильно застропить быка сложно, да и опасно, он сопротивляется, того и гляди или задавит, или на рога поднимет. Выручает, как всегда, матросская смекалка. Но тут она подвела. При подъёме первого быка с палубы и вываливания стрелы с быком за борт, бык начал протестовать, дёргаться и задняя лента стропа из-под живота переместилась к передним лапам. Бык принял вертикальное положение, выскользнул из стропов и с высоты 5 метров «солдатиком» сиганул в холодные воды Восточно-Сибирского моря, только солёные брызги в разные стороны. Спасло его то, что он упал не на понтон, а в воду. Очумевший бык вынырнул и поплыл подальше от своих мучителей. Надо быка вылавливать, кроме жалости к бедному животному, он ещё является грузом, его, как груз, надо сдать получателю. Подходим на катере к плавающему быку, а как

его в воде застропить — неизвестно, нырять в холодную воду под быка — желающих нет. Как не пытались, под живот стропа завести, не смогли. Решили пока набросить ему строп на рога и таким образом отбуксировать к судну. С трудом, но подтащили быка к судну, к понтону. Решили попробовать перетящить быка из воды на понтон застропленным за рога. Рога у него здоровые, шея тоже. Только приподняли быка над водой, как один рог сломался, и бык опять полетел в воду. Поняли, что быка на понтон не поднять, и решили буксировать его к берегу по воде, строп накинули на шею. Выдержит бык буксировку — хорошо, ну а нет — так нет. Отбуксировали его к берегу, а из воды вытащить не можем. Бык живой, но промёрз и обессилел. Взались всей бригадой за строп и вытащили на берег. Лежит бедный на камнях и дрожит, накрыли его брезентом, но, как груз, быка сдали, недостачи груза не было. Главное, что живым сдали, все равно скоро пойдёт на мясо. Настроение у всех испорчено, столько с быком мучились, он почти родным стал. Остальных животных выгрузили уже без особых происшествий. Сложность была только в доставке скотины от берега до расположения войсковой части. Но тут уже погонщиками были солдаты.

Интересная картина — Арктика, заснеженная тундра и солдаты с прутьями гонят по этой тундре коров, быков и свиней.

Закончили на о. Котельном выгрузку, а впереди ещё шесть пунктов, где зимовщики ждут долгожданный груз.

АРКТИКА

В июле 2017 года исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося художника — мариниста И. К. Айвазовского. Морские пейзажи на его картинах раскрывают красоту и мощь морской стихии, от них невозможно оторвать глаз. Его знаменитый «Девятый вал» показывает отчаянную борьбу потерпевших кораблекрушение людей за жизнь и помогающих друг другу в этой трагической ситуации. Над ними светит яркое солнце, подающее надежду на спасение, к тому же видно, что кораблекрушение произошло в тёплом, тропическом море.

Глядя на эту картину, веришь, что они спасутся. Копии этой картины, сделанные самим Айвазовским, есть в разных музеях мира. Я эту картину видел в Русском музее Санкт-Петербурга и в Доме-музее Айвазовского в Феодосии. Смотрю на эту картину и вспоминаю некоторые эпизоды из прошлой жизни.

В период Арктической навигации дизель-электроход «Индигирка» заканчивал снабжение зимовщиков на архипелаге Новосибирские острова в Восточно-Сибирском море. Оставалось только выгрузить груз на о. Жохова и в п/п Кигилях. Выгрузка в Арктике на необорудованных причалами точках производится экипажем судна на рейде. Судно для этого берет на борт 2 понтона грузоподъемностью по 50 тонн, катер для буксировки понтонов и трактор для подтягивания понтонов к берегу. Для их обслуживания на борт принимаются капитан катера и тракторист. Весь экипаж работает на выгрузке, две бригады на судне поочередно выгружают груз из трюмов на понтоны, а береговые выгружают груз с понтонов. При подходе к точке выгрузки судно встало на якорь. Понтоны и катер выгрузили на воду. На понтоны погрузили трактор и выгружаемый груз. Буксирный катер подвёл понтон к берегу, к мелководью, это 7 – 10 метров от берега. Трактор переправили на берег, с него завели трос на понтон и понтон подтянули к берегу. Груз выгружается на «мыльницу» — это стальной короб, который трактором оттаскивают за линию берегового прибоя и выгружают на берег.

Бригадиром был назначен третий помощник капитана Крылов Н. Г. Закончила бригада рабочую смену около восьми часов вечера. Прибыл за бригадой катер. Море штормовое, снежная выюга и темень. Конец октября — начинается полярная ночь. Моряки отработали смену двенадцать часов на выгрузке, на морозе, устали. Надо на судно в тепло, на отдых. Из-за штормовой волны катеру близко к берегу не подойти. Стоят моряки на берегу, прикидывают, как на понтон влезть, волны по понтону гуляют, а моряки одеты в ватные штаны, телогрейки, на ногах высокие до паха резиновые сапоги. Многие закурили от волнения. Бригадир командует:

— Кончайте перекуривать, давайте быстрее все на понтон. Надо успеть попасть на судно, пока шторм не разыгрался.

— Да, как на него залезть? До него добраться — так по пояс в воде, а то ещё и с головой волна накроет. — Сомневаются некоторые моряки.

— Ну, промокнем, так на судне в сауне отогреемся.

Собралась вся бригада на понтоне, на берегу остался только тракторист.

Бригадир командует:

— Вася. Ты, когда столкнёшь трактором понтон в воду, мы подадим тебе с понтона линь и ты обязательно, на всякий случай, закрепи его на поясе, чтобы тебя, не дай бог, не унесло в море. Одежду потом на судне высушишь.

Понтон трактором оттолкнули от берега, тракторист по воде кое-как добрался до понтона. Катер несколько раз пытался подойти к понтону, один раз близко подошёл, так его чуть не выбросило волной на понтон. Капитан катера, благодаря опыту и морскому везению, сумел избежать навала. Когда катер подняло волной почти над понтоном, капитан дал самый полный ход и проскочил в метре от понтона. Стало ясно, что морякам на катер не перебраться.

— Коля, что будем делать? Сам видишь, мне к понтону не подойти и людей не пересадить, — спрашивает капитан катера бригадира.

— Да, я вижу. Давай подавай буксир на выброске, а мы будем добираться до судна на понтоне.

На бросательном лине приняли и закрепили на понтоне буксирный трос с катера. До судна около мили. Отошли от берега на кабельтов, волны начали перекатываться через палубу понтона. Бортов на понтоне нет и, чтобы не смыло волной, бригадир опять командует:

— Давайте все на средину понтона и сцепимся руками. При заливании волной никому с места не двигаться. Можно только попытаться присесть, все площадь заливания уменьшится.

Вся бригада собралась в центре понтона и сцепились руками. Потом на судне, когда это все закончилось, вспоминали слова из песни: «...стояли, обнявшись, как родные братья...».

На волне буксирный трос натягивался, как струна, потом появлялась слабина, катер проваливался к подножию волны, а гребень волны прокатывался по понтону и по морьякам:

— Садись. — Слышится команда бригадира. И затем обший вздох облегчения — У-у-у-х, — и добавлялось ещё что-то от души, когда волна уходила и плот опять был над водой. Добирались до д/э «Инди́гирка» более часа. Подошли, с кормы судна подали швартов, его завели на кнехты понтона. Катер должен был отойти от понтона и встать на отдельный швартов. Пока проходили эти манёвры в темноте, на высокой волне, в снежную вьюгу, буксирный трос с понтона намотался на винт катера и двигатель катера заглох. Капитан катера кричит:

— Коля, попытайтесь освободить винт от буксира или отрежьте буксир.

Начали пытаться освободить винт катера от буксира, увлеклись и не следили за швартовом, заведённым с «Инди́гирки» на понтон. На очередной волне, на качке этот швартов слетел с кнехтов понтона. Понтон и катер ветром стало быстро относить от судна. Вскоре огни «Инди́гирки» еле просматривались сквозь вьюгу.

С буксиром с катера перестали возиться, опасно — смочет за борт. Но моряки знают, за ними с судна следят и обязательно придут на помощь. Опять собрались в центре понтона, опять сцепились руками.

На «Инди́гирке» сыграли общесудовую тревогу и спустили спасательную шлюпку под командованием старпома. На шлюпке подошли к понтону и отбуксировали его вместе с катером к борту судна. Вся эта операция заняла ещё около полутора часов. Все закончилось благополучно. Сказался опыт и морская взаимовыручка. То, что через семь — восемь часов отдыха бригаде опять идти на катере на берег, так это работа такая, моряк сам её выбрал.

Потом, когда моряки отогрелись в сауне, кто-то вспомнил картину «Девятый вал» Айвазовского И. К., репродукция которой висела в кают-кампании:

Фото из архива автора

— Вот сейчас и мы чуть не попали в такую же ситуацию. Но, ему сразу же возразили:

— Там люди находились в тропиках, в тёплой воде и, если наше происшествие отобразить в красках на полотне, то это будет совсем не красочное произведение. Темнота наступающей полярной ночи, снежная вьюга и свинцовые волны с плавающими небольшими льдинами будут только нагонять тоску. Да и ситуация у нас была не особо опасная.

И общее мнение экипажа: работа в Арктике всегда связана с определённым риском, это уж такая специфика работы.

А бригадир Крылов Николай Григорьевич через несколько лет стал капитаном этого дизель-электрохода, потом был назначен капитаном атомного ледокола «Вайгач» и вскоре стал работать капитаном-наставником в Мурманском Морском Пароходстве.

Фаина Дерий

ПОПУТЧИЦА (печатается в сокращении)

С этой женщиной, такой приятной в общении, мы ехали в одном купе. Впереди — путь под стук колёс, с тряской во время сна, но всё равно спится сладко. Нам обоим перевалило за тридцать с порядочным хвостиком, в беседах мы были откровенны, чувствовали себя при этом легко и непринуждённо, чему потом и сами удивлялись. Как будто что-то близкое и дорогое открывали друг в друге. Я поняла, что это сердце открывалось навстречу другому, и волна любви окутывала нас обеих, как будто мы знали друг друга давно-давно. Может в какой-то прошлой жизни.

У Верочки, так звали мою спутницу, был очень приятный голос, и я слушала её с удовольствием. Особенно это осознавалось, когда я на неё не смотрела, как слушают музыку. Речь её была без вычурных слов, и описывала она всё, о чём говорила, просто и ярко. Поэтому мне очень ясно представлялась её жизнь в доме и на работе, муж, сынишка с дочуркой, её друзья по работе. Я представляла её как жену, как мать, как преподавателя младших классов и как женщину, так как тоже испытала многое из того, о чём она говорила. Я видела перед собой женщину, перегруженную домашней заботой, работой в школе. Как и все учителя, она была связана правилами общения с родителями учеников. Нужно было найти в каждом ученике ту изюминку, о которой надо было рассказать родителям,

стараясь в них найти поддержку и работать вместе, убирая недостатки характера в их любимце. С учениками тоже нужен был контакт, любовь, умение проживать трудные для них ситуации их намерениями, а потом смотреть на всё происходящее их глазами и только тогда судить, решать, что и как делать, не обидев ни ту и ни другую стороны.

Семья. Заботы о ней. Всё взвалила на себя, хотя муж был рядом. Но и его винить нельзя. С работы приходил уставший, и Вера, жалея его, всё больше и больше брала на себя обязанностей: обязана рано встать, всё успеть, любить и быть весёлой.

«Почему у меня такой характер?» — удивлялась она. И я тоже задумывалась: «Как правильно жить в обществе и дома, чтобы не было отчаяния, усталости и сохранялось самое прекрасное в нас, — наше внутреннее чувство любви? Любви страдающей, жертвенной, возможность сделать такое, чтобы в ответ увидеть улыбку, а может услышать слова, да хотя бы одно, но для тебя оно было бы эликсиром неугасающего чувства высокой искренней любви. И в глазах засветится огонёк вечной радости, согревающей, как солнце. Иногда кажется, что это такая малость, но она, как бы прячется, и не проявляется открыто. Почему? Скрываем? Зачем? Нет смелости или теряется любовь? Не знаю. Ищу на ответ в жизни. Она — мудрость. Со временем, я думаю, найдём.

Верочка не была красавицей, но какая-то симпатия, её хрупкость привлекали меня. У неё были красивые маленькие руки с жестами светской дамы.

Тонкие пальцы. Светлые волосы. Стрижка «каре». Глаза светло-карие, блестящие. Косметикой не пользовалась. Она вся была, как говорят, естественная. Мне же нравился её голос, — какой-то юный и музыкальный. Да. Он был как музыка, и я слушала её с удовольствием. Верочка охотно делилась своими переживаниями о том, что в её жизни выходило так, что за всё в семье она была в ответе, хотя, конечно муж помогал, иногда советовал. Она прислушивалась к нему, и было легко, даже на работе. Какой-то заряд бодрости получала. «Знаете, — рассказывала она. — Он раньше всегда часто шутил, гулял

с детьми, и они возвращались домой оживлённые, под впечатлением увиденного. Муж не из тех, что шутя мог оттолкнуть и сказать: «Ну дай же и мне получать удовольствие от проделанной работы. Разве я не мужчина? Но ты смотри как я всё быстро сделаю, не то что ты, моя малышка».

Раньше она именно таким представляла мужа. Но судьба подарила ей молчуна. «Иногда чувствую такую усталость, что уснула бы и спала день, два, чтобы появилась вновь лёгкость, свежесть и тогда готова всех осчастливить. Но не имею такой возможности, и досада достаёт до самого сердца. Я сама виновата — всех жалея, имею то, что имею. Иногда я почти кричала: «Господи! В чём я так провинилась перед Тобой? Подскажи!»

Взгляд Верочки становился задумчивым, немного грустным, но это длилось всего лишь мгновение, и она вновь улыбалась, и продолжалась беседа.

«Как надо жить? Много сказано для нас Богом, да не всё мы понимаем... Вот и у меня... Я сама по себе весёлая, хохотушка, песенница, а муж молчалив. Говорит слово, как дарит. Говорливым был, когда встречались. Я думала такой и будет. Но... всё в жизни изменяется, и мы... тоже. И не скажу, что нет любви между нами, но обстоятельства складываются иной раз так, что удивляться не приходится. Отчего так? Может мы не можем справиться со всеми наваливающимися на нас обязанностями, ответственностью, трудностями жизни и слабеем? Может мы очень зависим от условий, которые ставит перед нами жизнь? Как знать... Один день становится похожим на другой. Бывают минуты, когда нет желания разговаривать и мы молчали бы, наверное, целый день, если бы не дети. Это дома... Но работа... Там не помолчишь, а к тому же и улыбка нужна в нашем деле, любовь. И... настраиваешься на волну сердца, радуешься этим пытливым глазам, наивным детским вопросам.

Дома день начинается тревожно, а нужно быть спокойной, любящей, всё продумавшей за детей и даже за мужа иногда. Нужно всех приободрить, внести в них уверенность, что всё будет хорошо, если сами этого захотите и будете стремиться к этому. Иногда даже нужно быть строгой. А когда же

расслабиться? Разве после уроков. Но стоит сесть в учительской и замолчать, сразу слышишь: «И что это мы задумались?», или «А что случилось?» Обнимают, заглядывают в глаза. «Почему вы грустите?» — я начинаю сразу улыбаться, отшучиваться. Не буду же я вводить в грусть и других. Вот так и перестраиваюсь от одного к другому. Что это? Притворство? Или приходится говорить, что жизнь — всегда счастье. А я живу словно бы в двух мирах: мир условий, препятствий, изменений и мир внутри. «Господи! Дай нам возможность быть в жизни такими, чтобы и мы и Ты в этом неустойчивом мире были радостными и спокойными при всех обстоятельствах. Разве может быть радостным человек, если он неспокоен?»

Она подняла руки, сложив их в молитве. Это обращение к Богу было настолько искренним, как будто она Его видела перед собой. Я старалась её понять. Человек человеку друг. А любовь? Это необъяснимое и самое главное в жизни чувство. Самое дорогое, что нам надо. В чём-то наши судьбы были схожи: по составу семьи, по характеру.

«Вы верите в Бога?» — спросила я её осторожно. «Верю, — услышала утвердительный ответ. — Только об этом никто на работе не знает. Меньше любопытствующих». Она опустила голову, закрыла глаза, затем посмотрела на меня спокойно и серьёзно, как бы спрашивая: «Осуждаешь?»

Я не осуждала. Она подкупала своей открытостью, и я видела в ней судьбы многих женщин, которых не сожнёт беда. Она выстоит, умея любить этот мир с его неожиданностями и быть почаще радостной и нужной всегда кому-то, сама того не осознавая.

Когда Верочка замолкала, я вновь желала слышать её. Она была интересной собеседницей. «Вот и выходит, — заговорила она вновь. — Мы как бы, притворяемся. Говорим, что счастливы, а что такое счастье? Для одного — это богатство, для другого — власть, а третий — у него и карманы-то дырявые, а он счастлив. «Моих коллег всегда встречали по вечерам, где бы они ни были, мужья, и они были счастливы от этого. Когда я подвожу итог счастлива я или нет, то понимаю, что счастлива, но всегда хочется побольше к себе внимания. Скажете: «Эгоистка!» — Да! Но только я всегда ссылаюсь на то,

что так, видимо, мы устроены. Так почему бы моему Серёже не сказать лишний раз магическое слово, чтобы я была действительно счастливой. Иногда начинаю анализировать свою жизнь, работу и, довольная, успокаиваюсь. У многих намного хуже. Меня особенно раздражают сумки, и хочется, что бы их носил мой любимый. Ну что ж, эгоистам всегда чего-то хочется: любви, внимания, благополучия, мира, тишины и т.д. Часто думаю о своей семье. Нет. Любовь есть, но порой бывает очень тяжело где-то в глубине сердца. Что это? Не знаю. Хорошо, что я вот такая, — то реву, то смеюсь, а то запою».

Разглаживая салфетку на столике, Вера улыбнулась мило и весело продолжала звонким голосом: «Ну и жизнь! Иногда сравниваешь себя с роботом, в котором одна и та же программа. Утро, сборы на работу, возня с детьми, которые ещё спать хотят. Одеваешь младшую, старшего проверяешь. Готовишь завтрак. Настраиваешь себя с утра, чтобы никто ничего не забыл, чтобы внешне были в порядке. Хорошо, когда детей отводит муж. Ему совсем в другую сторону на работу. Его жалею, не обременяю особо. Ему тяжелей и на работе хватает. Есть за что отвечать и часто задерживается допоздна. Уставший приходит. Он у нас основной кормилец. Что мой оклад?

И вот тогда, когда он соглашается отвести детей, то для меня это — счастье. Я выхожу пораньше и... пешком. Как я люблю идти ранним утром! Забываю обо всём, как отключаюсь. Любуюсь природой... Тишина... Солнышко только встаёт и птицы его встречают своим пением, а я, когда иду, то слышу ясно голубей, в кустах шумят воробьи. А на траве роса как жемчужные бусинки. Вон паутина тоже в бусинках, но намного мельче. Она с таким узором, что невольно возникает мысль: «Как много в природе чудес!» — то ёжика увидишь, пробегающего быстро прямо через дорогу под ближайший куст барбариса. То, вдруг, откуда-то сверху на тебя словно специально брызнут водой. Глянешь, — это птичка качнула ветку над головой. Ветерок прохладен, тих. Однажды услышала соловья. Невольно остановилась и слушаю с жадностью. Не всегда такое услышишь. Как же он поёт! Чудо-мелодия! Вот птичка... такая маленькая, да и красоты особой в ней нет.

Незаметная. Но какие трели! Стояла бы и стояла, затаив дыхание, слушая бесконечные его рулады. Недаром о соловьях поэты слагают стихи.

Так дохожу до школы... Ой, Валентина Николаевна, я так долго вам рассказываю... Не надоела ещё? — вдруг спросила, смеясь, Верочка. Кивком головы она откинула волосы назад, поправила кофточку на груди и на миг замолчала, а мне хотелось её слышать. «Нет, что вы!» — ответила я. — Я вас очень внимательно слушаю. Спасибо. С вами и дорога короче покажется. Я сама часто думаю о детях. Они — наше будущее и нельзя... о них не думать. Неважно где — дома, в школе или в более высших инстанциях, должны о них проявлять заботу».

Верочка опустила глаза. Потом, как бы спохватившись, что пауза затянулась, а я жду, вновь продолжила повествование, теперь уже о детях, о своих учениках. Она улыбалась. Улыбка и глаза были такими искренними, что невольно подумалось: «Сколько всепрощения и в то же время настойчивости и терпения должно быть у учителя, чтобы из этих мальчишек и девочек выросли действительно такие ответственные молодые люди, за которых можно гордиться. Они и Родину любят и старших не обидят, а младшим в пример будут. Волнений хватает. Для учителя что родители, что дети — все что-то особое. Все разные, а ладить надо со всеми. Попробуй что-то не так сказать ученику... Он так может приукрасить, что, встретившись с ним и поговорив, глаза от удивления раскроешь. Ну да ладно.

«Всё бы ничего, но как-то получается очень часто, что Сергей (муж) задерживается на работе. Я с утра, если не захватываю дополнительные часы, всё равно должна поскорей забрать из детсада малышку, по магазинам пробежать, сделать кой-какие покупки, таская за собой Натусю. Хорошо, что не избаловала. Она ничего не требует. Только смотрит и отмечает всё красивое, и папа ей купит. Она в этом уверена, но после посещения магазинов девочка моя как будто забывает увиденное ею, это меня радует. Мы бежим с нею на автобус. Спешим домой. Там ждёт сын.

Взглянув в вагонное окно, Вера заметила золото заката. Глаза её отразили внутренний восторг. Да. Такое описать

трудно. Столько было оттенков. Как будто какой-то город утопал в этом золоте лучей. Где тот мастер, что подарил нам это видение? Верочка повернулась ко мне, и мы поняли друг друга. «Богата красками природа, — заключила она. — Какое разнообразие цветов, кустарников, деревьев подарила нам природа!»

События маленькие и большие заполняют день с утра и до позднего вечера. Как их много иной раз! Мы любим планировать, а выполнить намеченное не удаётся иногда. Дела с сегодняшнего дня переносятся на следующий и так день ото дня видишь, что их накапливается много, а справиться нет сил и времени. «Стою, бывало, на кухне, — рассказывала Верочка. — Стою и размышляю: детей искупала, всё на завтра приготовлено. У Димы сделала проверку. Папа дневник подписал. Робу Сергею постирала...

Хотелось всё успеть. Сварить. Помыть. Пошить. В магазин сходить. В школу на собрание успеть. Купить цветов в горшке для класса. Скоро в саду утренняя. Костюм клубнички попросили сшить на Натуську. Хорошо, что Сергей самостоятелен, и справляется сам со своими заботами. Меня не хватает на всё. Я нервничала. Иногда срывалась. Уходила в ванную и тайком плакала. Но жизнь давала нам понять, что есть ещё и любовь. Жизнь без любви — каторга. «Всё хорошо» — утверждала я. И прощала всех и себя тоже, а они прощали меня, мои срывы.

Уже все спали, а я перебирала в памяти что сделано, а что ещё надо сделать. Всё сделано. Бабе Наде купила лекарство, которое она просила. Не забыть купить молока для тёти Лиды. У неё нога в гипсе. Доклад о моральных качествах для молодёжи приготовила. Сажусь и готовлюсь к урокам, чтобы детям было интересно, чтобы познавали и запоминали как можно легче и надолго; чтобы умели с детства ценить то, что им даётся.

Ну и всё. Кажется, я устала... До кровати я уже добираться сонная. «Ещё погладить бельё... Но это завтра... Завтра». Умещаюсь на краю кровати так, чтобы не разбудить Сергея. Он тоже устаёт. «Ничего. Утро вечера мудренее. А завтра опять то же? Нет. Какие-то изменения могут быть. «Как жить,

Господи, чтобы душа радовалась и люди чаще были с улыбкой на лице, а то — зайдёшь в автобус, а в нём столько уставших печальных лиц. Нужно понять, что ты должен помогать другим. Все заботы окупятся радостью».

Прислушиваюсь к мерному посапыванию спящих. Как хорошо погрузиться в сон и знать, что завтра я опять буду нужна и дома и на работе и Серёжа согреет ласковым взглядом, а если трудно — поможет. Нужно только попросить. «Боже! Да я же всем нужна! Дай мне только умение справиться со всем, что Ты даёшь мне на пути моём в этой жизни. Спасибо за то, что мирное небо, а на нём солнце, согревающее всё на земле. Спасибо! Пусть каждый день у всех будет счастливым!»

Мерный стук колёс и монотонное покачивание вагона, ночь за окнами и приглушённый свет верхних плафонов убавлял. Расположились и мы с попутчицей на ночлег. Утром Верочка покинула вагон на одной из станций, а я долго ещё хранила в памяти и этот мелодичный голос, и сияющий неподдельным восторгом взгляд, и тихую задумчивую улыбку. Мы словно породнились. Даже нет: две родственные души встречались на Пути, обогрев друг друга душевным светом и любовью.

Поэзия бардов

*Валентина
Смаиная*

МЫСЛИ ВСЛУХ

От Адама и от Евы
 Все невесты — Королевы,
 Женихи, бесспорно, лучше всех.
 И опять гремят фанфары:
 «В мире нет прекрасней пары!»
 И во всем пророчат Вам успех.
 Ну, что ж — совет да любовь!
 Друг для друга — дарёны судьбой,
 В новой жизни желает любой
 Вам совет да любовь!

Вот и свадьба отгремела,
 Быстро время пролетело —
 С парой той мы встретились опять.
 Снова жизнь даёт уроки —
 Ссоры, драмы и упрёки...
 Не узнать теперь Вас, не узнать!
 Так что такое любовь?
 Радость, смех или слезы рекой?
 Может быть, это недуг какой...
 Что такое любовь?

Все проходят через это,
Но не могут дать ответа —
Хоть все книги мира перечтут.
А кто-то заявляет смело:
«Будь хорошим это дело —
Браком его вряд ли назовут...»
 Так что такое любовь?
 Взрыв страстей ли, семейный покой?
 В чем причина загадки такой?
 Что такое любовь?

Но что такое любовь?
Я прошу Вас ответить вновь
На вопрос мой банальный такой:
Что такое любовь...

* * *

Ещё одна разбитая надежда,
Ещё одно несбывшееся счастье...
Увы, я не любима так, как прежде —
Боль и обида сердце рвут на части.
Ну, что ж, ты прав.
 Насильно мил не будешь...

Держать пустое тело, без души
Я не хочу. Но вряд ли ты забудешь
Все ласки страстные мои в ночной тиши.
Как много слов сказали мы друг другу
Жестоких и обидных — по злобе...
Из многих зол ты выбрал лишь разлуку
Со мной...
 Но легче стало ли тебе?

А я отвечу честно — чем рискую?
Да, милый, без тебя мне очень плохо.
Но я улыбку на лице рисую,
Подобно ярмарочным скоморохам...
Нет, я не позову тебя обратно,
Чтоб не подумал ты, цenia свою свободу,
Что удержать тебя хочу в своих объятьях...
Я просто жду тебя...
 В любое время года.

ИСПОВЕДЬ ХОРОШЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Будто снегом душа запорошена
И в квартире пустой тишина.
Мне друзья говорят — я хорошая...
Почему же тогда я одна?
Знаю, что я такая не первая,
Та, кому говорят, уходя:
«Ты красивая, добрая, верная...
Просто я не достоин тебя...»

И уходят к другим недостойные,
Жизнь чужую в осколки круша...
Так, возможно, мужчинам спокойнее,
Пусть ты — тысячу раз хороша...
А теперь и тобою я брошена,
Не испив чашу счастья до дна.
Ну, зачем я — такая хорошая —
И опять в целом свете одна...

Только, Боже мой, как же мне хочется
Быть любимой и снова любить!
Чтоб избавиться от одиночества,
Может лучше плохою мне быть?
Научиться злословить, скандалить,
Предавать, лгать на каждом шагу...
Что еще там? Не знаю...
Но хватит!

 И хотела бы... но не смогу...

Будто снегом душа запорошена,
И в квартире пустой тишина...
Ну, зачем я такая — хорошая?
И кому я такая нужна?

* * *

Холода на Земле, холода...
Зябко ёжится в луже вода...
Словно года итог
С ветки жёлтый листок
Улетел, не оставив следа...

Холода на Земле, холода...
Может где-то тaitся беда?..
Но гитарной струной,
Освещённой Луной —
Ветру вторя, звенят провода...

Холода на Земле, холода...
Будто вправду они — навсегда...
Но, как пламя свечи
В беспросветной ночи
В небе стылом мерцает звезда!

Холода на Земле, холода...

* * *

Согрело землю солнце вешнее —
В цвету черёмуха с черешнею...
И, отложив дела неспешные —
Лишь выйдет на небо луна —
Оставив в стороне дорогу, я
Тропинку выберу убогую...
Смела, сильна и нравом строгая —
Пойду я в парк гулять одна...

А в парке ночью — тьма крошечная...
И строгая лишь только внешне я.
По сути же — такие грешные
Желанья тайные мои...
А может в том бы счастье, кабы я
Хоть бы на время стала б слабая...
Обыкновенная ведь баба я...
Как все же, хочется любви...

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Расстались мы с тобой без сожалений,
Без долгих выяснений отношений,
Без грубых обоюдных оскорблений,
Без стычек меж враждующих сторон —
Мы весело шутили и смеялись...
Присутствовавшие не догадались,
Что в это время мы с тобой прощались
Под струн гитары тихий перезвон...

В отчаянье ли, в пьяном ли угаре
Сошлись с тобой когда-то на Ангаре...
Лишь помню, был тогда ты не в ударе,
Чтобы за мною приударить... но
В тот миг так одиноки были оба
И так хотелось нам любви до гроба,
Что сладкой показалась страсти проба —
Кого любить? Не все ли нам равно...

В сухую землю мы зарыли семя —
Не проросла любовь... и тяжело бремя.
К тому же расстояние и время
Не облегчают понимания сторон...
Напрасно мы любовь взрастить пытались
Попытки наши тщетны оказались...
Сошлись мы в шутку и, шутя, расстались
Под струн гитары тихий перезвон...

* * *

Наверно, настала пора разобраться
Во множестве крупных и мелких причин:
Я потеряла способность влюбляться
И равнодушно гляжу на мужчин...
В стихах для себя эту тему закрыла —
Не хочется больше мне петь о любви...
Я словно остыла... Я стала бескрыла...
Холодное сердце не греет крови...

* * *

Что ж, откровенно говоря,
Все было между нами зря...
Мне — горы, а тебе — моря...
Как ни взгляни, как ни представь —
Мы очень разные.
Пройди хоть тысячу дорог,
Избей хоть тысячу сапог —
Тебя не жду на свой порог...
И ты, пожалуйста, оставь
Свои мечты напрасные.
Мне слезы по тебе не лить,
С тобой нам нечего делить...
И потому не будем длить
Пустых надежд, ненужных встреч,
Любви агонию...
Во мне давно угасла страсть.
В твои объятия упасть
Я не мечтаю, вот напасть!
А, впрочем, не об этом речь...
Вот бред — огонь и я...

ОДУВАНЧИКИ

Одуванчики, одуванчики —
Каждый в жёлтом сарафанчике,
Словно солнечные зайчики
В хороводе на лугу.
На шелковы травы брошены
Капли солнца, как горошины...
Я на вас, мои хорошие,
Наглядеться не могу!
 Одуванчики, одуванчики!
 Я поставлю вас в стаканчике
 Сяду рядом на диванчике
 В своей комнате пустой
 Это солнечное крошево
 Собрала в лугах некошенных,
 Чтоб ожил в душе брошенной
 Лучик солнца золотой...

Одуванчики, одуванчики,
Мои милые обманщики!
Где же ваши сарафанчики
Яркие, как солнца свет?
Вместо них совсем непрошено
Пелеринами выброшены
Платья белые, роскошные
Легкие, как первый снег!
 Одуванчики, одуванчики...

* * *

В ночном вагоне — тишина...
И в настроенье странном
Я у вагонного окна
В пустом купе сижу одна,
Как у телеэкрана
Ни звука... Впрочем, есть они —
В колёсной перебранке...
Тьма за окном — черней чернил,
Слепят лишь яркие огни
На редких полустанках

А в небе — россыпью зерна
Созвездий многоточье
И по ту сторону окна
Плывёт за поездом луна —
Попутчик мой полночный
Пора бы мне уснуть давно,
Да вот, увы, не спится...
И это тёмное окно
Мне крутит длинное кино
Про ночь, что мимо мчится...

Ольга
Шапран

* * *

Управленья оборваны нити
Ещё не все,
Но в движениях нет больше прыти
Былой совсем.

Представленья зевакам на жалость
Идёт к концу...
Всё не верят, что кукла сломалась.
Танцуй! Танцуй!

ОСЕННЯЯ ВСТРЕЧА

«Ты шла с гитарой, как с трёхлинейкой».
Владимир Середа

Ты шла с гитарой на плече, как с трёхлинейкой.
Попал случайно я на линию огня.
Кружила осень под ногами листьев змейки,
И ты по листьям шла, не глядя на меня.

С глазами цвета Керчи пасмурного неба,
С фигурой стройною, как крымский кипарис,
Ты шла по улице. И вместе быть и небыть
В смятенье мыслей в голове моей сплелись.

А из-под шляпки золотистый тёмный локон
Спадал на шею восхитительный изгиб.
Прошла ты мимо, так горда и одинока.
Я глянул вслед тебе и понял, что погиб.

Ещё не знал, что ты живёшь со мною рядом,
Но я почувствовал израненной душой,
Что ты родная мне, что мне другой не надо,
Что небеса соединяют нас с тобой!

Краеведение, публицистика

*Ада
Тюкарева*

КОЛЬКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В КЕРЧЬ ИЗ СЛОВЕНИИ

Кратко сообщаю конец предыдущей главы. Вывезенные немцами за границу дети из Керчи попали в армию РОА. В то время для детей это было пустым звуком, да и для взрослых тоже. Главное им было, что они находились среди своих, русских, советских людей. А как к ним отнесётся государство, что оно из них сделает «изменников Родины», — они об этом не думали, такое невозможно было и представить. Пережив ещё немало потрясений, Колька возвращался на родину. Ему помогли попасть на поезд, в вагоне девушка-сербиянка ему нагадала долгую жизнь, заметив, что жизнь эта будет «как зебра»: постоянная смена чёрных и белых полос.

Коля смотрел в окно вагона и думал о словах сербиянки. В дальнейшем он всегда помнил эти слова, и когда становилось очень трудно, он, сцепив зубы, переждал, когда закончится «чёрная полоса» и придёт облегчение.

Ну, вот, кончилась заграница, где были целые дома, ухоженные дорожки. На российской земле всё изменилось: разби-

тые здания, а то и вовсе сгоревшие. Вот и Крым. Стоят от домов только печи, на которых женщины что-то готовят. Вот, дети появились словно ниоткуда, Коля пригляделся и понял, что рядом с печами есть подвалы — там, видимо, и живут. Где-то отстраивают дома, а где-то просто латают дыры от бомбёжек.

Кто-то сказал: «Подъезжаем к Керчи!» Коля встал и пошёл к выходу, ему не терпелось, он так хотел увидеть маму. Рядом с поездом стоит автобус, который идёт до площади Ленина, и Коля забрался в автобус. В сердце его копошилось: «Сейчас увижу маму!» С площади Ленина он бежал к Театральной, через дорогу улицы Свердлова на бульвар. Бульвар был неухоженный, кругом чувствовалась рука войны, весь бульвар со стороны моря был огорожен колючей проволокой, прямо рулонами. Ну, вот, наконец, наш соцгородок, и видит: стоят три дома понурые, высокая ограда вся перебитая: с моря стреляли и по ограде, и по домам. Второй дом сгорел, а третий, в котором жил Коля, обрушен. Смотрит Коля, и ему жалко свой дом, вдруг слышит: «Что, парень, ты здесь жил?» — «Да, вот здесь была наша квартира». «Да, в этот дом авиабомба попала, пробилла все этажи и взорвалась в подвале. Эти дома уже не починишь, глава города разрешил их разобрать и себе сделать временное жильё. Видишь, все с тачками приходят и расчищают: и городу польза, и людям. Кто как сможет, так себе и построит временки».

А Коля думал: «А где мама?» Потом спросил: «А Почтовый переулок целый?» — «Целый. Что с ним сделается, он же ещё при царском режиме строился». И Коля побежал в Почтовый переулок. Там поднимается по лестнице и кричит: «Мама, мамочка!», открывает дверь в квартиру, и видит: стоит женщина, схватившись за сердце, она знает, что её сын не вернётся. А Коля, увидев женщину чужую, её взгляд, — «А где моя мама?», — а на глазах слёзы. Женщина его обняла, предложила сесть и говорит: «Давай подумаем, где твоя мама, куда она из Керчи могла уехать? В Симферополь? — немцы-то всех выгнали из Керчи, они уехали в Симферополь, соседushка. Вот ты туда и поезжай: там на площади есть горсправка, и ты туда

обратись, там тебе дадут адрес твоей мамы. Только так, внезапно, не кричи, тихонько к маме подходи, чтоб она от твоего крика не испугалась, чтоб её сердце не разорвалось. Вот ты сейчас кричишь: «Мама, мамочка!» — а я за сердце схватилась, а ведь знаю, что сына моего фашисты расстреляли».

В Симферополе Коля приехал на Старобазарную площадь, горсправку нашёл, и адрес ему дали, и пошёл он искать номер дома, где жила его мамочка. Вот и двери, хотел позвонить, но убрал руку от звонка, толкнул дверь, она от-крылась, и он тихонько зашёл в квартиру. Было тихо, только в глубине, во второй комнате сидела мама и что-то шила. Он молча, тихо подходил к этой комнате, но вот что-то маму насторожило, она начала оглядываться по сторонам, и сказала: «Коля, Коленька!» И он вошёл, стал её обнимать и думал: «Какая же ты маленькая, худенькая», — он не подумал, что за это время он вырос и возмужал. Пришла Тамара, его сестра, тоже стала его обнимать и говорить: «Какой же ты большой стал!». А утром, проснувшись, он услышал мамин голос, говоривший Виталику: «Тише, не шуми, дай дяде Коле поспать!» Витальке шёл уже шестой год. А Коля подумал: «Правильно сербиянка нагадала, у меня теперь ещё племянники-близняшки».

После обеда Коля пошёл устраиваться на работу, в объявлении было написано, что требуются ученики электрика на подстанцию. Проработал он там полгода, и однажды один электрик включил рубильник, когда он работал, Колю стало трясти, он сказать ничего не мог, хорошо, что увидел бригадир и выключил рубильник. Но заикание у Коли осталось на всю жизнь. Он тут же написал заявление об уходе с работы и причину. Как ни уговаривали, он сказал: «Нет, не хочу, чтобы пьяницы глумились надо мной».

Вскоре в Симферополе открылся театр оперетты, и Колю взяли туда учеником электрика-осветителя сцены во время спектаклей. Он был очень доволен: и зарплата большая, и все оперетты он смотрел бесплатно.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

На дворе 1949 год, конец года, я выхожу из педучилища, тороплюсь к маме домой, рассказать и показать, как успешно закончила это полугодие: все экзамены и зачёты сплошь на «4» и «5», практика на «5», значит, у меня будет стипендия до самой весны. А дома из кухни доносятся вкусные запахи, мама готовит соус с мясом. Я рассказываю ей о своих успехах, а мама говорит: «Получила телеграмму от отца, едет домой. Что-то случилось: он зимой никогда не приезжает, всегда летом. Да вот он...» — к дому подъехало такси, и о чём-то отец договаривается с таксистом. Заходит в кухню, обнял, поцеловал нас с мамой и стал торопить маму пойти в магазины, говорит: «Завтра с раннего утра я уезжаю в деревню к маме, надо купить подарки и маме, и сестре с братом. Что-то тёплое, чтоб им сейчас пригодилось». «И что за спешка? Летом бы приехал. В такой мороз будешь ехать?» — «Да мне мать моя снится каждый день и через день. Отца не проводил, так хоть с мамой повидаюсь, попрощаюсь, ей же больше ста лет». — «Ну, хорошо, возьми в деревню и Аду, у неё начались каникулы, она всё восхищается, что в деревне будет жить, что там очень хорошо, весело. Пускай попробует это «хорошо». А то кончит училище — точно в деревню попадёт, а оттуда мы её уже не сможем вызволить, так и превратится в крестьянку-активистку: днём работать, а по вечерам развлекать молодёжь. Посмотри, кто в деревне чем занимается — врачи, учителя, воспитатели, — такого не хочу для своей дочери. Она насмотрелась фильмов о деревне, а пускай тётки поучат её печку русскую растапливать, да за водой ходить в мороз, пургу». — И говорит мне: «Собирайся в деревню, бери только тёплые вещи — свитера, лыжный костюм, ни каких платьев», — и ушла с отцом в магазины.

Рано утром нас разбудил вчерашний таксист. Мама предложила выпить чая, но отец возразил: «Вот, купим билеты на поезд в Кирове, тогда и будем чай распивать», — и мы уехали. Отец быстро взял билеты на поезд Вятка — Пермь, вышли мы, не доезжая до Перми, на большой узловой станции, там стоял, поджидая пассажиров с поезда, автобус, и покатила нас

вглубь тайги. Поздно ночью приехали мы не то в небольшой городок, не то в большое село, остановился автобус у Дома колхозника, это вроде гостиницы. Двухэтажное здание, внизу были столовая, буфет, а наверху спальные комнаты для отдыха. Рано утром отец пошёл звонить в сельсовет, чтобы приехали за нами. Часа через два приехал на лошади дядька, брат отца. Когда располагались в санях, он предложил мне накинуть тулуп. Я отказывалась, а он смеётся: «Ты пожалеешь потом. Во-первых, ты без него замёрзнешь, а во-вторых, это вещь, уходящая в историю, скоро только в книгах можно будет прочитать, что такое «тулуп», — и я решила всё-таки на себя его накинуть.

На улице прекрасная погода: солнце ярко светит, но не греет, снег блестит под солнцем, воздух такой свежий и чистый, хочется им дышать всей грудью. Дядька отвязал колокольчик на дуге лошади: «Поедем со звоном, чтоб все слышали: дядька внучку к бабушке везёт», — и засмеялся: он был доволен, что наконец-то встретился с младшим братом, его не было так долго. Наша лошадка бежала по дороге заснеженной, и колокольчик звенел на всю округу, но была тишина. И вот, дядька говорит: «Смотри, Ада, зайка бежит, хочет нас перегнать». И я увидела бегущего зайца, вот и до нас добежал, начал вровень с нами бежать, и не боится. Дядька притормозил лошадь, заяц перебежал дорогу и остановился отдышаться. Мы оглянулись и увидели лису, которая уткнулась носом в снег и вынюхивает что-то, видимо, заячий след. Дядька достал из саней не кнут, а длинный бич, размахнулся в воздухе и сильно дёрнул, раздался громкий звук, будто выстрел из ружья. И заяц испугался, и лиса, и побежали в разные стороны. «Экие гаврики!» — посмеялся дядька. «А почему вы не убили ни зайца, ни лису, у вас ведь вон, ружьё есть». — «А зачем их убивать? Они у себя дома. А ружьё — это для волков, и то, если они вздумают к нам приблизиться. Вот, когда волки начинают нападать на людей, — это они переходят грань дозволенности. Вот тогда мы всем селом выходим на облаву, а так стараемся жить, существовать рядом».

Так, разговаривая, мы подъехали к одной деревне. Проехали её, а она стояла какая-то странная, как будто в ней никто

не живёт, всё снегом запорошено. Вот вторая деревня, тут видно, что люди живут: из труб дым идёт, тропки в снегу протоптаны. А вот и наша. Около дома стоит тётка Дуня. Обнялись, расцеловались, вошли в избу. «Бабушка, я твоя внучка, давай обнимемся!» Но она расставила ладошки, как бы от меня обороняясь, мол не подходи, что делать? Дуня говорит: «Не подходи, а то напугаешь», а когда вновь глянула на бабушку, она уже была на своём любимом месте, на лежанке русской печки, без посторонней помощи забралась, видимо, подумала, что заберу её место. Вот и отец заговорил: «Мамочка, я твой сыночек, твой Петушок». Я как услышала его слова, фыркнула, засмеялась, а меня тётка за шиворот в сени вытащила. «Ты чего мешаешь отцу встретиться с мамой?!» «Да какой он петушок? Он старый, жирный облезлый петух!» Дуня засмеялась: «Но всё равно, он самый маленький был сыночек, когда он родился, мы все — и я, и братья были старше его на 15 – 20 лет. Она этот последний месяц всё зовёт: «Петя, петушок, где ты?» — «А отец к нам с Севера приехал, чтоб к матери поехать. Говорит, что она ему снится каждую ночь, молодой, красивой, всё его искала, а он от неё прятался. Вот он и приехал, чтобы с ней встретиться». Дуня говорит: «Ей больше ста лет, она видит всё как-то по-своему. Я вот кормлю её три раза в день, а она каждый раз спрашивает: «кто ты?», «я дочка ваша», говорю, а она смотрит недоверчиво, видимо, в её понимании дочка не должна быть старая. Ты будь поаккуратнее, не обижай отца: он старается, чтобы хоть как-то мать в разум вошла, вспомнила и его, и молодость свою». «Хорошо, я буду молчать».

Когда вернулись в избу, я села у окна и смотрела, как отец гладил мать, её руки, лицо и называл её ласковыми словами, и она тоже. Смотрю, у отца слёзы на глазах. Надо же, думаю, а ведь ещё два дня назад он обидел мою маму, оскорбил до слёз, я была тогда возмущена и сказала ему, что он плохой, гадкий отец, а мы его любим. А вот теперь, глядя, как он роняет слёзы, обнимает мать свою, мне его тоже стало жалко.

Дуняша стала накрывать на стол, чтоб засветло покушать, но вот электрический свет озарил всю избу, это в честь гостей, то есть нас включили подстанцию на всю деревню. Это в их

деревне так заведено: если к кому-то приезжают гости, значит праздник это на всю деревню. После обеда папа стал одаривать подарками всех, все были довольны, а он спросил: «А клуб у вас есть? А где молодёжь собирается?» Оказалось, что кроме пожилых и стариков в деревне никого нет. Вся молодёжь живёт и работает в городах, на заводах. Там у них отличные дома и квартиры, а сюда они приезжают весной: им от заводов дают автобусы, и они приезжают саживать свои огороды, живут на природе всё лето, а осенью собирают урожай и автобусы опять увозят их в город. На полях в деревне сеют рожь и лён, помогают профсоюзы, заводы засекречены, и за каждым закреплены окружающие деревни.

Вот так это было в 1949 году, когда наша страна торопилась сделать атомную бомбу. Вот такие новости мы с отцом узнали. Дуняша посмотрела на часы и стала торопить спать укладываться. «Так рано», — отец сказал. «Сейчас погасят свет. Давайте, я расскажу вам в потёмках, как наш Петя родился, вы ведь не знаете. Вот только сейчас лампу керосиновую на стол поставлю, да огонёк поменьше сделаю. Если ночью кому надо будет — в сенях ведро стоит, а дверь на улицу ни в коем случае не открывать!» — «А то что будет?», — засмеялась я. «Что, что... волки утащат и съедят!» — ответила Дуняша, и я до сих пор не знаю — пошутила она, или вправду такое могло быть.

Вот и свет выключили, и начала Дуня рассказывать, размеренно, спокойно её речь текла.

Как-то за завтраком, улыбнулась она, заметил отец наш, что все едят, а мать ничего не ест. А была она у нас красавица, не то что сейчас — кожа да кости. И говорит отец: «Сходи-ка ты к травнице, может, у тебя водянка начинается: ничего не ешь, а вон как растолстела — скоро в дверь не пролезешь». «А и то, отозвалась Авдотья, мне кажется порой, что кто-то во мне сидит, внутри бывают такие боли». — «Вот, вот, не откладывай, прямо сейчас и иди. Возьми там яиц пяток, солонины кусок, пусть она тебя посмотрит да какую-нибудь травку попить даст». Врачей-то тогда у нас не было, всё — травники, повитухи да костоправы. Вот, пошла Авдотья, знахарка её осмотрела, ощупала, спрашивает, когда месячные последние

были. А я и не помню, говорит мать, чего о них помнить — старая уже. Знахарка засмеялась: «если такие молодайки старые будут, то что же тогда старшим делать». Взяла она Авдотью грудь в ладони, слегка придавила, а оттуда молоко брызжет во все стороны. «Ты беременна, моя дорогая, и уже все сроки прошли рожать. Я сейчас пойду к повитухе и вместе придём к вам домой, а муж пусть баню топит, будем тебе роды вызывать, нельзя медлить: ребёнок мечется, ему не хватает воздуха в твоей утробе».

Когда Василий узнал, что жена беременна, удивился: откуда это чудо? — уже всем их детям по 15 – 20 лет. Но в деревне так живут: «Бог дал, Бог взял». Он очень переживал за жену. Но вот услышал крик ребёнка, ворвался в баню, ему говорят: мальчик, а он к жене — живая ли? Ведь в таком возрасте редко рожали. Ну, слава Богу, всё обошлось.

Вот так появился мой отец на свет. Вырос, выучился, стал комсомольцем, организовывал комсомол в городе, районе в слободках. Учился в Москве, в «красной профессуре», работал в институте Ташкента, оборонял город от басмачей, был в Ижевске редактором республиканской газеты «Удмуртская коммуна», а потом был депутатом Верховного Совета, ездил на съезды в Москву. А потом вдруг оказался «врагом народа»... и всю оставшуюся жизнь отдал Дальстрою в Сусумане, Певеке, умер в Слободском на руках моей матери, Августы Михайловны

Наша гостинная

*Валентина
Решетникова*

Решетникова Валентина Ивановна; родилась и живу с семьёй в Керчи. Закончила институт в Калининграде, биолог по образованию. Жена, мама, бабушка. Люблю литературу, стихи пишу с юных лет.

МОЛИТВА

Сохрани меня, Господи,
В светлой надежде,
Сохрани меня Господи,
В скромной одежде,
Сохрани мою душу
От зла и разврата
И прости мне мой грех —
Все в чём я виновата.
Моих деток, прошу,
Сохрани от напасти,
Подари им простое
И крепкое счастье.
Всех хороших людей
Сохрани и помилуй.
Пусть воспрянет Земля
Божьей верой и силой.

* * *

Разрешите поздравить Вас с первым листочком,
Дуновением ветра, набухшею почкой!
Пусть приносит весну Воскресенье Христово
И любовь будет в жизни надёжной основой.

* * *

Я еду Старокрымскою дорогой,
Её в ладонях держит лес багряный —
Здесь уже осень потрудилась рьяно
Готовя путь для зимней стужи долгой.

Какой покой в опавших листьях жёлтых,
Их тишина укрыла дрёмой тяжкой,
А в небесах холодных и безмолвных
Зима готовит снежную рубашку.

Покой в природе — мудрое решение
От всех невзгод и тягот отряхнуться,
Забиться сном, но зная продолженье
Лучом весенним к жизни повернуться.

* * *

Как робко в этот год пришла весна
Зима ей в спину холодом дышала
И тучи по озябшим небесам
Гонял туда-сюда ветрище шальной.

В рассветный час седой старик туман
Швырял на землю клочья мглистой ваты,
Куражился над морем ураган
И гром грозился молнией крылатой.

...Все девочка-весна перенесла,
Природе указала путь к расцвету,
Но вот себе тепла не припасла —
Её теперь отогревает лето.

* * *

Когда берут сомненья в плен,
Усталость всё одолевает —
Судьба выравнивает крен
И счастье трудным называет.

ОПТИМИЗМ

Осенние дожди стучат в окно,
По городу гуляет непогода,
Все солнечные дни ушли давно
И ходит слякоть скользким хороводом.

Потом зима придёт на долгий срок
Бесснежная, дождливая, сырая
Продуют ветры каждый уголок,
Дыханьем стылым душу обжигая.

Уснёт пролив под толстым слоем льда,
Уснут деревья, растеряв одежду,
Беспечных птиц разгонят холода
И только сердце сохранит надежду,

Что час зимы утратит свой венец
В пригретых солнцем оттепелях марта,
И как игрок, измотанный вконец
Сметёт свои подмоченные карты.

МОЙ ГОРОД

Жемчужина на стыке двух морей,
Мой древний город — колыбель народов,
Живёшь в веках делами сыновей
И молодеешь, несмотря на годы.

В седых степях угас Пантикапей,
Но устремился в небо Храм Предтечи
И город единения людей
Как Феникс, возродился гордой Керчью.

Пою тебе хвалу на много лет
За отчий дом и море голубое,
Мой город, ты всегда во всем со мною
Родней тебя на всей планете нет.

* * *

Подвластны морю радость и печали,
Под шумом волн стихает сердца боль,
И только лишь на жизненном причале
От лет прожитых выступает соль.

* * *

Что есть любовь и страсть —
Награда ли? Напасть?
Обман или прощение
И перевоплощение.

А может, — это мука?
Страдания, разлука,
Безумная тревога
И дальняя дорога?

А может, — это счастье,
Святой глоток причастия,
Надежда на спасение
И самоотречение?

Что это? — Сила чувства
Или огонь искусства?
А, может, наваждение
И сон без пробуждения?

Что есть любовь и страсть —
Награда ли, напасть?..

* * *

Отлюбить, отласкать,
Позабить, не искать
Новых встреч, новых дней,
Ни забот, ни затей,
Ни тревог, ни дорог —
Снова чистый порог,
Хочешь, — сядь, посиди,
Хочешь, — дальше иди.

* * *

И вновь ноябрь, мой юбилейный день,
Такая круглая, существенная дата.
Мой первый крик в истории людей
Остался где-то в точке невозврата.

Куда иду в сумятице забот,
Не разгадав судьбы предназначенья,
А в небе вечный звёздный хоровод
В пыль превращает все мои сомненья.

Идут года, седеет голова,
Какой-то опыт есть уже в запасе,
И только вечно юная душа,
Как девочка робеет в первом классе.

Как будто не было уже прошедших лет
И что-то важное вот-вот сейчас начнётся,
Но за спиною виден чёткий след
И думаешь: «А что же мне зачтётся?»

Да как бы знать, что нечет, а что — чёт
И что в итоге в мой пойдёт зачёт.

Людмила Полищук

Полищук Людмила Яковлевна родилась 23 февраля 1946 г. Школу окончила с золотой медалью, затем — химфак Одесского университета. Работала в науке, занималась разработкой различных технологических процессов, одна из которых получила серебряную медаль ВДНХ СССР. Имеет более 20 авторских свидетельств и патентов на изобретения. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию. В конце трудового пути 10 лет преподавала в Керченском филиале Херсонского технического университета.

Долгое время увлекалась пешим, водным и горным туризмом. Стихи пыталась писать ещё в школьные годы, более серьёзно стала этим заниматься в 90-е годы минувшего столетия. В настоящее время это стало делом жизни во многом благодаря помощи, советам и поддержке Ларисы Алексеевой, Людмилы Десятовой и Ольги Турченковой.

ТРОПИНКА К БОГУ

Я говорю за всё судьбе «Спасибо!»:
 За дом мой — гавань от житейских бурь,
 Где все друг друга любят и красивы
 Цветы на окнах и листвы ажур.

Судьба, так долго ты меня щадила.
 Безоблачно и радостно жила.
 Ты снежные вершины мне дарила,
 Мерцанье звёзд; моих друзей нашла.

Малюток-дочек у груди сопенье,
Их запах и тепло, и крик подчас.
И мужа рук милы прикосновенья,
Волнение, огонь любимых глаз.

Зарю встречала на обрыве к морю
И провожала солнце на закат,
В байдарке на реке, с камнями споря,
По лесу пробиралась наугад.

В научном море — торжество открытий,
Познание мира и мечты полёт.
Так много было радостных событий —
От счастья сердце на момент замрёт.

Когда ко мне пришла пора ненастья,
Я поняла, что это неспроста —
Ведь нарушала Заповеди часто,
Жила, как все, без Бога и креста.

Страданья близких и мои болезни
Проделали нелёгкий к вере путь.
Мне стало ясно — для души полезней
Бег прекратить, подумать, отдохнуть.

За что? Мысль первая. Да заслужила.
Вторая — может, всё-таки, зачем?
Затем, чтоб я себе не изменила,
Не сотвори кумира, вот зачем!

Настало время собирать все камни,
Собою быть и в суть вещей вникать.
Самой стремиться к мира пониманью,
А не чужим советам всё внимать.

Себя судить — нелёгкое то дело,
Ведь проще оправдаться, всё забыть.
Очистилась — признание с уст слетело,
Раскаялась — и легче дальше жить.

Кто верует, у тех глаза сияют,
Не суетятся, за Христом идут.
Пусть тропка к вере в нас не зарастает,
Пусть Заповеди за собой ведут!

МОЛИТВА О РОДНЫХ

Я молюсь за вас, мои родные,
В храме пред старинною иконой
И бессонной долгой ночью тёмной:
«Господи, спаси их, сохрани!

Сохрани от мерзких искушений,
От плохих людей и от гонений,
В горький час им руку протяни!

Протяни и укажи дорогу —
Счастья путь, где состояться смогут,
И смиреньем гордость замени!

Замени протесты на терпенье,
Подари природой восхищенье.
Каждый миг ценить их научи!

Научи людей любить, прощая.
Скромно жить, судьбу благословляя,
Крест свой честно до конца нести
Научи их, Боже, и прости!

ГЛИЦИНИЯ В ЯЛТЕ

Глициния меня приворожила
Каскадом фиолетовых кистей.
То мать-природа чудо сотворила!
Красива как! Стою, люблюсь ей.

Отважная лиана-верхолазка
На дерево высоко забралась
И, как принцесса из какой-то сказки,
С богатырём так нежно обнялась!

Укрыла будто лёгким одеялом
От непогоды загрустивший дом.
Уютно будет в этом доме старом,
Прохладно станет жарким летним днём.

Гляжу, забыв напрасные тревоги,
Совсем ты не капризна, не горда.
Но и дворец, и домик у дороги
Украсишь так на долгие года.

Сиреневые кисти покрывалом
Волшебным, ярким в воздухе висят,
Такого чуда раньше не встречала,
И оторвать от них не в силах взгляд.

И не могу словами передать я
Очарованье этой красоты.
Надев своё сиреневое платье,
Улыбку счастья людям даришь ты!

ВЕСЕННЕЕ*Ларисе Алексеевой*

Весна пришла! Принарядила
Лужайки шёлковой травой.
И одуванчик жёлтый, милый
Расцвёл пушистой головой!

В почти прозрачные наряды
Зелёные оделся лес,
Там птичьи голоса в награду
Хвалу несли ей до небес!

А воздух — пьяный, ароматный,
И нежных лепестков метель
Укрыла землю лёгкой ватой,
Стелила белую постель!

Весной душа легка и ясна,
И радостно ей жить, любить,
Творить и в этот день прекрасный
Весенний каждый миг ценить!

Впитать в себя все эти краски,
Потом дарить их щедро вам,
Делиться музыкою счастья,
Природы воспевая храм!

ДАВАЙ ПРОСТИМСЯ, ЛЕТО

Завертело, закружило
Лето знойное,
С ветром жарким подружило,
Беспокойное.

Кружева из белой пены
В ноги бросило,
Море, серости на смену,
Купоросило.

Паруса, как крылья чаек,
Небо резали.
Вглубь — круженье мелких стаек,
Рыбки резвые.

Степь седую серебрило,
Ширь полынную,
Все курганы отбелило
Лето длинное.

Так уж воздух перегрело,
Переплавило,
Что дрожало всё и плыло
Зыбким маревом.

И душа моя просила
Тихой осени —
Золотой, прохладной, милой!
Неба просини!

Попрощаемся с тобою?
Заартачилось!
За дождями под листвою
Лето спряталось.

МЕЧТА О ПОЛЁТЕ

Стою на самом крае обрыва,
Так хочется сделать шаг!
Взлететь бы над Керченским проливом.
Об этом мечтала так.

Подняться вверх, где небо без края,
Прочувствовать свой полёт,
Узнать хочу, как птица летает,
Как в небе она живёт.

Хочу на город мой насмотреться,
Парить с большой высоты,
Купаться в облаке, глядеться
В зеркальную гладь воды.

Мечты! Как в юности, бьётся сердце
И тянет вновь в небеса.
Туда, где счастье, как в нашем детстве,
Лишь стоит закрыть глаза!

ЮНАЯ ФРОНTOВИЧКА

Памяти мамы

Красивая девчонка, молодая,
В пилотке и шинели фронтовой,
Казачка и зенитчица лихая,
С фашистами вступала в жаркий бой!

Как страшно было под открытым небом —
Моторов гул и вой над головой.
Скорей упасть, к земле прижаться ей бы
И крикнуть: «Мама, я хочу домой!»

Хочу в десятый класс — закончить школу
И, не боясь снарядов, в лес ходить,
Всегда быть бесшабашной и весёлой,
Влюбляться и парней с ума сводить.

Так хочется сейчас бежать на танцы,
Тяжёлые снять с ножек сапоги
И закружиться, закружиться в вальсе!..
Команда «К бою!» — к ПУАЗО² беги!

Тепло в землянке, спят мои девчата,
А мама, милый дом так далеко.
Мы в Польше, нет уж нашего комбата.
Вчера убили. Сердцу нелегко.

Так тяжело, когда друзей теряешь,
Привыкнуть невозможно к смерти, нет!
Когда же кончится война, мечтаешь,
Всё будет тихо, будем жить без бед.

Идём вперёд, а немец отступает.
Уже Берлин! Стоим в лесу густом.
Тут вдруг стрельба, ракеты вверх взлетают!
Победа! Радость! Слёзы льём потом.

Живая, мама, правда, я — живая!
У Волги жди, а сёстрам — мой поклон.
Обнять так хочется тебя, родная!
Забывать войну и слушать тишину,
И видеть только мирный небосклон!

² ПУАЗО — прибор управления артиллерийским зенитным огнём.

Юмор, ирония, пародии

Леонид
Танин

Я РОССИЙСКИЙ ФАНАТ

посвящена 200-м российским болельщикам, «отметелившим» в Марселе тысячу британских пьяных фанатов.

Я был трезв как стекло
И ни капли не пьян,
Выходя на футбол из отеля,
Где потом от души я «месил» англичан
На спортивной арене Марселя.

То ли в тёмную ночь,
То ли в светлую рань
Я не ждал из России респектов,
Когда долго гонял европейскую пьянь
По гламурным марсельским проспектам.

Я — российский фанат,
Я футболом больной
И врагу не привык я сдаваться.
И в спортивной борьбе над своей страной
Я не дам никому изгаляться.

Я не долго терпел,
Как какая-то мразь
На Россию слюною плевала,
И, как наш триколор,
 в пьянке брошенный в грязь,
На асфальте ногами топтала!

Отобрав у скотов
Государственный флаг,
Лишь бы только Россия простила,
Я всю душу вложил
 в свой гражданский кулак,
И заехал им в пьяное рыло.

Чтобы помнили все
До конца своих дней
Про российских фанатов-спартанцев,
Как во Франции двести
 славянских парней
«Отметелили» тыщу британцев.

*В душе былого жара нету
Увы! Печальные дела!
Я в резонанс с одним поэтом
Войти полночи не могла...
Ольга Шапран*

РЕЗОНАНС

В душе былого жара нет —
Увы! Погас огня запал.
Но как-то раз один поэт
Свои стихи мне прочитал.

Моё изнеженное тело
Стихи пронзили в поздний час
И я решила между делом
Войти с поэтом в резонанс.

Он резонанс поймать пытался,
Увы! Без жара нет огня!
Но резонанс не получался
Ни у него, ни у меня.

Уж ночь прошла и день случился
И раскалился до бела...
Наш резонанс не получился —
В него войти я не могла

*Однажды, (дело было летом),
Сошлись в лесу беспрецедентно
Семья писателей-поэтов
С толпою керченских студентов.
Елена Лапченко*

ПИКНИК

Как-то летом, на рассвете,
В лес пришли студенты-дети,
Чтоб в лесу «потусоваться»,
«Прибалдеть», «поматюкаться»
И в глухой лесной тиши
«Оторваться» от души:

В то же утро, в то же лето
В лес пришла писать сонеты
Пара взрослых элементов
Из числа интеллигентов,
Чтоб вдали от шумных масс
Окунуться в «звёздный час».

Не успели оглянуться,
Глядь — а в лес бомжи крадутся!
И в тенёчке, на подстилки
Ставят кружки и бутылки,
Чтобы в девственной глуши
«Разговеться» от души.

Так сошлись беспрецедентно:
Слева — юные студенты
Справа — дядьки наркоманы,
Полутрезвы, полупьяны,
В центре наш культурный цвет —
Поэтесса и поэт.

У прославленных поэтов
Вмиг в душе исчезло лето,
Когда из-под дикой груши
В их потомственные уши
В тишине ветвистых крон
Вдруг проник нелексикон.

Чтобы люди не скучали
И в лесу не одичали,
Из молочных уст юннатов
Вирази кручёных матов
Разукрасили вокруг
Ранний утренний досуг.

У творцов от этой трели
Ажно лица покраснели,
В очи слёзы навернулись,
Уши в трубочки свернулись
И, нарвавшись на «косяк»,
Пыл писательский иссяк.

Тут бомжи, что были справа,
Выпив всю свою отраву,
В бытовом, народном стиле
Лихо песню подхватили —
И, взорвав лесной простор,
Громыкнул народный хор:

В тот же миг лесные птички
Прекратили переклички,
Убежали из-под травки
Все букашки и козявки,
Замолчало вороньё
И попряталось зверьё.

Не смогли стерпеть всё это
Два потомственных поэта:
И студентов на опушке,
И «народные» частушки,
Для потомственных ушей
От «отравленных» бомжей.

Наспех собранные книжки
Быстро сунули под мышки,
В сумки бросили тетрадки
И, свернув свои манатки,
Летней утренней порой
Возвратилися домой.

Ночью снились им кошмары:
Наркоманы и гитары,
Птицы пьяные над полем
Лес, умытый алкоголем,
И студенты, и бомжи,
И из матов этажи.

*Вся дрожу, брожу под окнами
Словно тень
И насквозь давно промокла я,
И мигрень...*

Е. Бондаренко

ВСЯ ДРОЖУ

Низвергается небо потоками,
Беспрерывно полощет весь день,
А ты бродишь уныло подокнами,
Как дождливо-прозрачная тень.

От весеннего ливня продрогшая
И уставшая от голосов,
Вся озябшая, насквозь промокшая
С головы и до самых трусов

Пожалей свои ноженьки босые
И в весенне-дождливой ночи
Загляни в мои окна, курносая,
И тихонько в стекло постучи.

Настроенье твое очень скверное
Я увижу и сразу пойму.
И поэтому быстро, наверное,
С тебя мокрое платье сниму.

Все тебе в этом мире наскучило,
Намочила дождями весна
И мигрень тебя, к чёрту, замучила,
И ночами тебе не до сна.

Потому что ты очень холодная,
В суете оскудела душа,
Исхудавшая вся и голодная,
Чай, не ела весь день ни шиша.

Балагур и шутник по природе я
И не мне тебя жизни учить,
Но боюсь, что за эту пародию,
Я по морде могу получить

*Все черные — ты белая,
Все правые — ты левая...
Елена Собко*

ВСЕ ЧЁРНЫЕ — ТЫ БЕЛАЯ

Все жёлтые — ты красная,
Все общие — ты частная.
Все буйные — ты смиренная,
Все тощие — ты жирная.

Все шустрые — ты вялая,
Все левые — ты правая.
Все добрые — ты злющая,
Все трезвые — ты пьющая.

Все борзые — ты паинька,
Все козочки — ты зайнька.
Все мальчики — ты девочка.
Все верные — ты стервочка.

Все валенки — ты лапочка,
Все листики — ты бабочка.
Все крошечки — ты спелая,
Все старые — ты зрелая.

Все грязные — ты чистая,
Все горькие — ты кислая.
Все ласточки — ты мошечка,
Все пёсики — ты кошечка.

Все постные — ты сдобная,
Все стрёмные — ты модная.
Все чёрные — ты белая,
Все правые — ты левая.

Все папочки — ты мамочка,
Все тётеньки — ты дамочка.
Все палочки — ты ленточка,
Все Лёнчки — Ты Леночка

Ольга Шапран

Штормило море целую неделю
 И вот оно уснуло поутру.
 Намаялось, ведь шумно волны пели,
 Кричали громко чайки на ветру.
 Укрылось белым тёплым одеялом
 И спит оно, уткнувшись носом в брег.
 — Вы громко не кричите у причала,
 Пусть отдохнёт в нём и волны набег.
 И чайки смолкли, больше не горланят,
 И теплоходы молча в нём плывут,
 И ветер стих, он больше не буйнит,
 Вот только рыбки стайками снуют.
 А завтра тихо так оно проснётся,
 Как карамельку, гальку вновь лизнёт.
 И если снова в море шторм начнётся,
 То после от усталости уснёт.

В.Коваль «Море уснуло»

* * *

Штормило море целую неделю.
 Уснуло в день воскресный поутру.
 А чайки к воскресенью лишь хрипели:
 Орали морю песни на ветру.

Укрывшись белым тёплым одеялом,
 Как будто белой пеною хмельной,
 От волн набега море отдыхало,
 Уткнувшись в берег головой больной.

И теплоходы волн не поднимают,
 И ветер не буйнит в облаках.
 Лишь рыбки ни черта не понимают:
 Щекочут морю квёлые бока.

А завтра море тихо так проснётся,
 Лизнёт песок, солёный, как рассол.
 Лениво чайка по песку пройдёт
 И след оставит лапою босой.

*Настала тёплая и бархатная ночь
И смотрит вниз Медведица Большая,
А где-то бродит её маленькая дочь,
А у кого-то души отлетают.
Взошла луна российским новым пятаком.
На звёзды яркие смотрю я снизу.
Сто тысяч глаз вверху сверкают серебром,
Они все смотрят на меня, я вижу
И даже иногда подмигивают мне,
И пристально луна в окошко смотрит,
А мне бы лечь в кровать, забыться в сладком сне —
Бессонница мне жизнь порою портит.
Ах, если бы пришёл мой долгожданный сон!
Легла. Не сплю. Ворочаюсь в постели,
Но вырывается со вздохом в мраке стон
И неги нет в усталом брэнном теле.
А сон мой бродит где-то там, ещё вдали.
Мне бы уснуть спокойно, притаиться,
Но, кажется, что в ночь со всех сторон земли
Идут, бегут, мелькают чьи-то лица.
Я — придаю всерьёз значение всему,
Что происходит в ночь и в непогоду.
Не отдых, а мучение одно в луну.
Наверное, виновны в этом годы.*

В.Коваль «Бессонница»

* * *

Настала бархатная ночь.
Во тьме Медведица Большая
Бродячую не ищет дочь,
А смотрит вниз, мне спать мешая.

Сто тысяч глаз, горя огнём,
За мной следят не понарошку.
Луна прикинулась рублём
И тоже смотрит мне в окошко.

Я притаилась, в теле дрожь...
Какое до меня им дело?!
Мой сон, когда же ты придёшь
И брэнное понежишь тело?

Но вместо сна в грязи, в пыли
Через кровать, где мне не спится,
Идут со всех сторон земли,
Бегут неузнанные лица.

Всему, что ночь послала мне,
Всерьёз я придаю значение
И в предрассветной тишине
Про всё сложу стихотворенье.

Рассвет. Сна нету и следа.
Смотрю вокруг осоловело,
Припомнив прошлые года
И сомневаясь, в них ли дело.

*«Сыплет дождь из дырявых туч,
Кружит в вальсе, ведомый ветром.
В грязно-серых тонах скучных
Небо хмурое без просвета.
Отражаясь в лужах, бегу
От капризных стихий укрыться.
Меж улиток – у них разгул!
Подставляют под дождик рыльца».*
Е. Бондаренко

* * *

Сыплет дождь из дырявых туч,
Напевает мотив знакомый.
Тщетно ищет просвета луч.
Ну а мне не сидится дома.

Под пронзительный ветра вой
Буду ждать тебя у калитки.
Мы меж луж побредём с тобой
И оттянемся, как улитки.

Хоть стихии разгул могуч,
Но желания нет укрыться.
Сыплет дождь из дырявых туч
И течёт по счастливым рыльцам.

Елена Лапченко

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС БАБУШКИ

Хорошо быть бабушкой, бабушкой хорошей –
Не скучать на лавочке, обсуждать прохожих!
Не «сидеть Вконтакте» ночи напролёт
Радоваться снегу, (если снег идёт)!
Бабушки сумеют рассказать без мата,
Нормативной лексикой, сказочку внучатам...
Бабушки хорошие не напьются «в хлам»,
Потому что выросли из хороших мам!

* * *

*Елене Собко, автору книг
«Кошкины мысли» и «Мои причалы»*

Если кошки кричат по ночам, –
Значит, строится где-то причал!
Значит, Лена Собко вместе с ними, –
Молотком, топором и зубилом,
Кошек мысли читая ночами,
По проекту их строит причалы!

* * *

*Василию Нестеренко,
автору песни «Хамса»*

Стяните туже пояса,
Зачем керчанину хамса?
Хочу задать вопрос, –
К примеру, вот, бродячий пёс
Корейцам нравится на вкус.
Лягушек кушает француз.

Или, допустим, барду Васе
Хамса нужна, – кормить Пегаса.
Хамсой откормленный Пегас
Уносит Васю на Парнас.

*Мы с тобой говорим не о том,
Маскируясь, словами, забором
Хватит нам говорить о былом
Расскажи ты о чём-нибудь новом.
Или просто давай помолчим,
В наш последний, наверное, вечер
Было счастье когда-то двоим,
Но допито вино... гаснут свечи...*

*Владимир Калмацкий
«Маскируясь словами»*

* * *

...Так, давай же беги за второй,
Наше счастье стоит в гастрономе!
Захвати бутерброды с икрой,
И не думай на мне экономить!

Свечи... Ну их! Зажжём электричество!
И за счастье пойдёт разговор.
Не в деньгах оно, а в их количестве!
А потом мы построим забор!

СОДЕРЖАНИЕ

#ЖДЁММОСТ

КИРИЛЛ МАЗИЛОВ.....	4
Стихи керченских поэтов о мосте	11

Поэзия

Владимир Лось	18
Лариса Алексева	24
Елена Собко	33
Валентина Ольховская	38
Елена Рабочая-Маринич	45
Лидия Лазоренко	49
Елена Лапченко	55
Марина Збараг	58
Анна Тарасенко	65
Айгуль Бухарбаева	68

Многогранники (проза и стихи)

Алексей Вдовенко	73
Татьяна Левченко	76
Сергей Молодцов	82
Марина Молодцова	98
Светлана Бурова	101
Елена Бондаренко	107
Зарема Дадой	115
Вера Коваль	127
Елена Лучшева	136
Артём Фёдоров (1981–2010)	143

Проза

Людмила Десятова.....	145
Василий Дудаков.....	151
Тамара Ефремова.....	155
Лев Ефремов.....	161
Фаина Дерий	168

Поэзия бардов

Валентина Смашная	175
Ольга Шапран	182

Краеведение, публицистика	
Ада Токарева.....	184
Наша гостиная	
Валентина Решетникова	191
Людмила Полищук	196
Юмор, ирония, пародии	
Леонид Панин	203
Ольга Шапран	209
Елена Лапченко	213

Литературно-художественное издание

Лира Боспора

Альманах
Выпуск XVIII

Подписано к печати с оригинал-макета 5.04. 2018 г.
Формат 60x84 1/16. Объем 24 усл.-печ.л, 26 уч.-изд.л.
Бумага офсетная. Печать офсетная+электрографическая.
Тираж 200 экз.
ГИ «Таврия», Симферополь, ул. Горького, 5.
Свидетельства о госрегистрации ДК № 667 от 12.04.2002 г.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ОФО «Форма»,
295000 Симферополь, просп. Кирова, 34 г.